

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№3/2021

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Политическая психология: актуальные проблемы
и исследования»

Theme of the issue
“Political psychology: topical issues and researches”

2021 г. Том 12. № 3

2021. Vol. 12. No. 3

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Гулевич О.А. Политическая психология: направления исследований 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гулевич О.А., Гусева В.В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае 9

Журавлев А.Л., Китова Д.А. Образ Петра I в структуре политического сознания современников (на примере анализа сообщений в социальных сетях) 23

Неврюев А.Н., Сычев О.А., Сариева И.Р. Чем гордится и чего стыдится молодежь в России? Роль базовых индивидуальных ценностей 38

Сариева И.Р., Богатырева Н.И. Оправдание системы и поддержка ограничений, связанных с коронавирусом: роль доверия государству и веры в теории заговора 59

Смирнов Н.М. Кто виноват и что делать: анализ комментариев к фильмам о бесланском теракте 74

Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов 87

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Прусова И.С. Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве 103

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА

Лабунская В.А. Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии 128

Радина Н.К., Поршнев А.В. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» 151

Юдина Т.О. Роль эмоций и обстоятельств в моральной оценке поступка 170

Абрамова О.А. Социально-психологический портрет российского IT-предпринимателя 188

Воробьева А.Е., Скитор С.И. Психологические характеристики волонтеров различных направленностей активности 205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чикер В.А. Социально-психологический тренинг: 40 лет развития концепции М. Форверга в России 219

CONTENTS

EDITORIAL

Gulevich O.A. Political Psychology: Research Directions 5

EMPIRICAL RESEARCH

Gulevich O.A., Guseva V.V. System Justification, Group Identification and Political Behavior: Protests in Khabarovsk Krai 9

Zhuravlev A.L., Kitova D.A. The Image of Peter I in the Structure of the Political Consciousness of his Contemporaries (on the Example of the Analysis of Messages in Social Networks) 23

Nevryuev A.N., Sychev O.A., Sarieva I.R. What are Young People in Russia Proud and Ashamed of? The Role of Basic Personal Values 38

Sarieva I.R., Bogatyreva N.I. System Justification and Coronavirus Restrictions Support: the Role of Government Trust and Conspiracy Belief 59

Smirnov N.M. Who Is to Blame and What Is to Be Done: Analysis of Comments to Films about the Beslan School Siege 74

Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. "I Know that I don't Know Anything". Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization 87

METHODOLOGICAL TOOLS

Prusova I.S. Development a Measurement of Attitudes about Ideal Government 103

NON-THEMATIC ARTICLES

Labunskaya V.A. Trends in the Study of Attitudes to Appearance from the Point of View of Applied Social Psychology 128

Radina N.K., Porshnev A.V. Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a "Subordinate Subject" 151

Yudina T.O. The Role of Emotions and Circumstances in Moral Judgments 170

Abramova O.A. Socio-Psychological Portrait of Russian IT Entrepreneur 188

Vorobieva A.E., Skipor S.I. Psychological Characteristics of Volunteers of Different Types of Activity 205

SCIENTIFIC LIFE

Chiker V.A. Socio-Psychological Training: 40 years of the Development of M. Forverg's Concept in Russia 219

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Политическая психология: направления исследований

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

В данном выпуске журнала представлены современные отечественные исследования в области политической психологии.

Для цитаты: Гулевич О.А. Политическая психология: направления исследований // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120301>

Political Psychology: Research Directions

Olga A. Gulevich

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

This issue features contemporary studies in the field of Russian political psychology.

For citation: Gulevich O.A. Political Psychology: Research Directions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120301> (In Russ.).

Политическая психология — междисциплинарная область исследований, в рамках которой изучается отношение и поведение людей в политической сфере. В целом политические процессы рассматриваются в разных социальных науках, прежде всего, в политологии, социологии и психологии. Специфика психологического подхода заключается в уровне объяснения этих процессов. Психологи делают акцент на индивидуальных особенностях людей и их взаимодействии

с окружающими. Таким образом, психологические знания хорошо дополняют закономерности, обнаруженные в других социальных науках при изучении больших социальных групп, политических институтов и политической структуры в целом.

Сегодня политическая психология — это популярная область исследований. В частности, Международное общество политической психологии (International Society of Political Psychology, ISPP)

ежегодно проводит специализированную конференцию. Кроме того, секции по политической психологии существуют на ежегодных конференциях крупных ассоциаций политической науки (например, American Political Science Association, Midwest Political Science Association). Первоначально подавляющее большинство исследований проводилось учеными, работающими в североамериканских университетах. Однако в последние десятилетия появляется все больше работ, сделанных в европейских и азиатских странах.

Специалисты, работающие в рамках политической психологии, используют общепсихологические и социально-психологические закономерности для анализа того, как люди относятся к политической системе, принимают решения, обмениваются информацией и ведут себя в политической сфере. В большинстве случаев речь идет о жителях страны, которые не занимаются политикой профессионально, но могут участвовать в политической деятельности. Однако некоторые сюжеты касаются профессиональных политиков. В целом можно выделить несколько основных направлений исследований.

Первое направление — это изучение отношения людей к политической системе. Наиболее известными феноменами, которые рассматриваются в этом направлении, являются правый авторитаризм (*right-wing authoritarianism*) и ориентация на социальное доминирование (*social dominance orientation*); политические ориентации (*political orientation*) — консерватизм и либерализм; общее восприятие политической системы — оценка справедливости (*perceived political justice*) и оправдание системы (*system justification*); политическое доверие (*political trust*) и политиче-

ская эффективность (*political efficacy*). Психологи изучают условия формирования такого отношения и его роль в политической жизни.

Второе направление — это анализ политического поведения. Исследователи фокусируются на двух типах политических действий — электоральной и протестной активности. В первом случае они изучают факторы, которые повышают вероятность участия людей в выборах и голосования за определенного кандидата/партию: личностные черты и психологические состояния избирателей, их отношение к политической системе, особенности кандидатов/партий, их действия во время предвыборной кампании. Во втором случае специалисты рассматривают факторы, повышающие вероятность участия в разных формах протестной активности. Однако в данном случае они концентрируются на отношении людей к политической системе.

Третье направление — это исследование политической коммуникации. На протяжении долгого времени ученые ограничивались массовой коммуникацией — сообщениями в газетах и журналах, на радио и телевидении, которые были посвящены политическим событиям, отдельным политикам, политическим партиям или связанным с ними акторам (например, крупным бизнесменам). Однако в последнее время, особенно после появления социальных сетей, ученые сфокусировались на роли интернета в политической жизни. Как следствие, появился новый сюжет — обсуждение пользователями политических акторов и проблем: его содержание и последствия (например, голосование на выборах или участие в протестных акциях).

Четвертое направление — это изучение межгрупповых отношений. Ученые рассматривают как отношения между

группами внутри одной страны (например, мигрантами и местным населением), так и отношения между разными странами. Они выявляют причины и условия возникновения конфликтных отношений между группами, а также способы их улучшения. Стоит отметить, что психология межгрупповых отношений на протяжении многих десятилетий развивается внутри социальной психологии. Однако сегодня этот раздел существует и в рамках политической психологии. Вероятно, это происходит, поскольку межгрупповые конфликты нередко имеют последствия для политической жизни страны.

И наконец, пятое направление — это изучение личности и стиля взаимодействия политиков. В отличие от предыдущих направлений, в рамках которых рассматриваются все люди, это направление сконцентрировано на тех, кто профессионально занимается политической деятельностью. Как правило, в поле зрения исследователей попадают политики высокого ранга (например, президенты, руководители политических партий). Специалисты изучают их биографии, высказывания и действия для того, чтобы понять, какими психологическими особенностями они обладают и как принимают решения. При этом большинство материала собирается в ходе наблюдения и анализа текстов, а не личного взаимодействия.

Этот спецвыпуск содержит статьи, представляющие четыре из пяти направлений. Три статьи связаны с первым направлением — изучением отношения к политической системе. В частности, И.С. Прусова описывает новую культурно-специфическую методику, которая позволяет измерить политические ориентации в России. А.Н. Неврюев и коллеги рассматривают связь между ценно-

стями и основаниями, по которым люди гордятся и стыдятся того, что происходит в России. И наконец, И.Р. Сариева и Н.И. Богатырева анализируют, каким образом позитивное отношение к политической системе связано с одобрением ограничений на передвижение, которые были введены в России летом 2020 года из-за COVID-19.

Второе направление представляет работа О.А. Гулевич и В.В. Гусевой, в которой рассматриваются психологические переменные, связанные с участием людей в политических протестах. Третье направление представлено двумя работами. А.Л. Журавлев и Д.А. Китова рассматривают представления пользователей интернета о личности и деятельности Петра I, а Н.М. Смирнов анализирует представления пользователей о трагедии в Беслане. И наконец, четвертое направление представлено работой О.Е. Хухлаева и О.С. Павловой, которые изучают психологические особенности, связанные с готовностью к жестким формам активности в отношении представителей других социальных групп.

Эти работы представляют интерес по двум причинам. Во-первых, все описанные исследования проведены в России. Дело в том, что одни политико-психологические закономерности проявляются в разных странах, а другие имеют культурную специфику. Эта специфика во многом связана с контекстом — историческими событиями, текущим политическим режимом, направлениями общественного дискурса и т.д. Однако подавляющее большинство исследований проводятся в США и других англоязычных странах. В то же время в научной литературе по политической психологии редко встречаются данные о том, что происходит на постсоветском пространстве. Данный спецвыпуск частично восполняет этот пробел.

Во-вторых, при проведении исследований были использованы интересные методики. С одной стороны, это опросники для измерения психологических феноменов, при создании или адаптации которых учитывалась специфика российского контекста: методики для измерения потребности в когнитивной завершенности, политических идеологий (представлений об идеальном государстве), политической эффективности,

оправдания системы. С другой стороны, это метод анализа высказываний пользователей интернета, который редко используется в психологических исследованиях. Мы надеемся, что этот выпуск окажется интересным и полезным для специалистов, которые занимаются политической психологией.

*О.А. Гулевич,
тематический редактор номера*

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 02.09.2021

Received 01.09.2021

Accepted 02.09.2021

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Гусева В.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4368-4508>, e-mail: vvguseva@hse.ru

Цель. Изучение связи между оправданием социальной системы и групповой идентификацией, с одной стороны, и готовностью к не-институализированному политическому поведению — с другой.

Контекст и актуальность. Можно выделить два психологических подхода к изучению факторов не-институализированной политической активности: основанный на теории социальной идентичности и основанный на теории оправдания системы. В большинстве случаев в исследованиях используется либо один, либо другой подход. В данном исследовании мы рассмотрим, как эти подходы соотносятся между собой.

Дизайн исследования. Мы предположили, что групповая идентификация и оправдание социальной системы связаны с готовностью к не-институализированной политической активности, однако эта связь частично опосредуется воспринимаемой несправедливостью и коллективной эффективностью. Эти гипотезы были проверены в исследовании, проведенном во время протестов в Хабаровском крае летом-осенью 2020 года. Исследование проводилось с помощью опроса. Для проверки гипотез был использован медиационный анализ.

Участники. 432 человека, проживающих в Хабаровском крае: 53% мужчин и 47% женщин; возраст варьировался от 18 до 63 лет ($M_{\text{Голова}}=28.89$, $SD_{\text{Голова}}=9.48$; $M_{\text{сети}}=36.71$, $SD_{\text{сети}}=11.47$).

Методы (инструменты). Респонденты заполняли опросники, измеряющие оправдание системы, существующей в современной России, идентификацию с жителями Хабаровского края, воспринимаемую несправедливость ареста губернатора С.И. Фургала, коллективную эффективность жителей этого региона и готовность к действиям, направленным на изменение сложившейся ситуации.

Результаты. Результаты показали, что с воспринимаемой несправедливостью ареста губернатора и коллективной эффективностью жителей Хабаровского края оправдание системы было связано негативно, а хабаровская идентификация — позитивно. Воспринимаемая несправедливость и коллективная эффективность, в свою очередь, были позитивно связаны с готовностью участвовать во всех формах не-институализированного политического поведения, направленного на изменение сложившейся ситуации. При этом воспринимаемая несправедливость

и коллективная эффективность частично опосредовали связь оправдания системы и хабаровской идентификации с готовностью к действиям.

Основные выводы. Подход, основанный на социальной идентичности, и подход, основанный на оправдании системы, независимо объясняют готовность людей к не-институционализованному политическому поведению, направленному на изменение статуса-кво. При этом групповая идентификация и оправдание системы работают в противоположном направлении: первая усиливает политическую активность, а вторая ослабляет ее.

Ключевые слова: не-институционализованное политическое поведение, оправдание системы, групповая идентификация, воспринимаемая несправедливость, коллективная эффективность.

Финансирование. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитаты: Гулевич О.А., Гусева В.В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 9–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>

System Justification, Group Identification and Political Behavior: Protests in Khabarovsk Krai

Olga A. Gulevich

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Victoria V. Guseva

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4368-4508>, e-mail: vvguseva@hse.ru

Objective. *The aim of the present research is to investigate the relationship between justification of the social system and group identification, on the one hand, and the readiness for non-institutionalized political behavior, on the other.*

Background. *There are two psychological approaches to the study of the factors of non-institutionalized political behavior: the first one is based on social identity theory, and the second one – on system justification theory. In most cases, research uses either one or the other approach. In this study, we will examine how these approaches are related to each other.*

Study design. *We hypothesized that group identification and system justification are linked to the readiness for non-institutionalized political action, but this relationship is mediated by perceived injustice and collective political efficacy. These hypotheses were tested in a study conducted during the protests in Khabarovsk Krai in the summer and autumn of 2020. The study was conducted with a survey method. To test the hypotheses mediation analysis was used.*

Participants. *432 people living in Khabarovsk Krai: 53% of men and 47% of women; the age ranged from 18 to 63 years ($M_{Toloka} = 28.89$, $SD_{networks} = 9.48$; $M_{Toloka} = 36.71$, $SD_{networks} = 11.47$).*

Measurements. *The respondents filled out questionnaires measuring justification of the system existing in contemporary Russia, identification with the residents of Khabarovsk Krai, perceived injustice of the arrest of Governor Sergei Furgal, collective efficacy of the residents of this region, and the readiness to take actions aimed at changing the current situation.*

Results. *The results showed that system justification was negatively, and Khabarovsk identification was positively associated with the perceived injustice of the governor's arrest and the collective efficacy*

of Khabarovsk residents. Perceived injustice and collective efficacy, in turn, were positively associated with the readiness to engage in all forms of non-institutionalized political behavior aimed at changing the current situation. At the same time, perceived injustice and collective efficacy mediated the links between system justification and Khabarovsk identification with the readiness to act.

Conclusions. The social identity approach and the system justification approach independently explain people's readiness to engage in non-institutionalized political behavior aimed at changing the status quo. In particular, group identification and system justification act in the opposite ways: the former strengthens political activity, while the latter weakens it.

Keywords: non-institutionalized political behavior, system justification, group identification, perceived injustice, collective efficacy.

Funding. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.

For citation: Gulevich O.A., Guseva V.V. System Justification, Group Identification and Political Behavior: Protests in Khabarovsk Krai. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 9–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302> (In Russ.).

Введение

Политические дискуссии с друзьями и обращения к политикам, денежные пожертвования и волонтерская помощь политическим объединениям, голосование на выборах и уличные акции — в современном мире политическая активность может принимать разные формы. Однако исследователи проводят различие между институализированным и неинституализированным политическим поведением [5]. Под институализированным поведением понимаются действия, которые инициируют и организуют представители политической власти, например, депутаты или члены политических партий.

Под неинституализированным поведением понимаются действия, инициированные и организованные людьми, которые не являются представителями политической власти, но пытаются повлиять на процессы, происходящие в стране. Такая активность может принимать разные формы: проходить онлайн или офлайн, быть мирной или насильственной. Однако чаще всего исследователи рассматривают политическую

коммуникацию с друзьями и знакомыми (распространение и обсуждение политической информации), коммуникацию с политиками (обращения и петиции) и участие в уличных акциях (пикетах, митингах, демонстрациях).

На протяжении нескольких десятилетий психологи изучают факторы, которые побуждают людей участвовать в неинституализированной политической активности. В большинстве случаев речь идет о протестных действиях, которые возникают в ответ на проблемы, кроющиеся в структуре общества (например, гендерное/этническое неравенство), или конкретные события, которые наносят ущерб членам определенных групп (от вырубке леса и введения платы за обучение до принятия нового закона и нечестных выборов).

К настоящему времени сформировались два основных подхода к изучению психологических факторов неинституализированной политической активности. В основе первого подхода лежит теория социальной идентичности, а в основе второго — теория оправдания социальной системы. Цель этого исследования — проанализировать

связь между оправданием социальной системы и групповой идентификацией, с одной стороны, и готовностью к не-институализированному политическому поведению — с другой.

Подходы к изучению не-институализированного политического поведения

Подход, основанный на теории социальной идентичности, рассматривает не-институализированное, прежде всего протестное, политическое поведение как способ защитить социальную группу. Эта идея лежит в основе трех моделей коллективных действий: модели коллективной активности, основанной на социальной идентичности (Social Identity Model of Collective Action, SIMCA), инкапсулированной модели коллективной активности, основанной на социальной идентичности (Encapsulate Model of Social Identity in Collective Action, EMSICA), и динамической модели двух путей [13; 19; 20].

Самой известной моделью такого рода является SIMCA. Согласно этой модели, ключевым фактором не-институализированной политической активности является идентификация с социальной группой — восприятие человеком своей принадлежности к этому сообществу. Исследователи проводят различие между неполитизированной идентификацией с социальной группой, которая находится в невыгодном положении, и политизированной идентификацией с организацией (партией, движением, профсоюзом), которая защищает интересы этой группы.

Групповая идентификация связана с двумя другими факторами не-институализированного политического поведения: воспринимаемой несправедливостью и коллективной эффектив-

ностью. Воспринимаемая несправедливость может возникать под воздействием любых обстоятельств, которые ставят ингруппу в невыгодное положение. При этом исследователи проводят различие между когнитивной (оценка) и аффективной (негативные эмоции) несправедливостью. Коллективная эффективность — это вера в то, что члены ингруппы могут изменить ее положение к лучшему.

Метаанализ исследований, проведенный в рамках этой модели, показал, что групповая идентификация позитивно связана с воспринимаемой несправедливостью положения ингруппы и коллективной эффективностью. Все три фактора, в свою очередь, позитивно связаны с готовностью к не-институализированным, прежде всего протестным, политическим действиям [19]. Таким образом, связь между групповой идентификацией и готовностью к протестным действиям частично опосредуется воспринимаемой несправедливостью и коллективной эффективностью.

Подход, основанный на теории оправдания социальной системы [6; 7], рассматривает не-институализированное политическое поведение как способ сохранить или изменить систему отношений, которая существует в обществе. Странники этой теории полагают, что ключевым фактором не-институализированной политической активности является отношение человека к экономической и политической системе страны, в которой он живет. Чем больше люди оправдывают систему, тем больше они готовы к не-институализированным действиям по ее сохранению и тем меньше — к действиям по ее изменению (политическим протестам).

Исследования, проведенные в последние годы, подтвердили, что отношение к системе — доверие политическим институтам [3; 5] и общее оправдание системы

[8; 12; 15; 16] — связано с готовностью к не-институализированному политическому поведению. Однако эта связь частично опосредуется воспринимаемой несправедливостью положения ингруппы и коллективной эффективностью. Чем больше люди оправдывают систему, тем менее несправедливым они считают происходящее и тем больше верят в то, что члены ингруппы могут изменить статус-кво. Воспринимаемая несправедливость и коллективная эффективность, в свою очередь, позитивно связаны с готовностью к протестам.

Таким образом, психологические исследования подтверждают оба подхода к изучению факторов не-институализированного политического поведения. Возникает вопрос: каким образом эти подходы связаны между собой. Недавние исследования, проведенные в Новой Зеландии и США [12], показали, что оба показателя — оправдание системы и идентификация с конкретной группой — одновременно связаны с готовностью людей участвовать в не-институализированной протестной активности. Эта связь опосредуется воспринимаемой несправедливостью положения ингруппы и коллективной эффективностью.

Однако, на наш взгляд, эти исследования имеют два ограничения. Во-первых, в них принимали участие члены разных этнических групп, имеющих относительно устойчивый (низкий или высокий) статус в обществе. Таким образом, речь шла о не-институализированном поведении, которое порождается структурой общества. Во-вторых, в них рассматривался только один вид политического поведения — участие в уличных акциях. В нашем исследовании мы рассмотрим разные виды не-институализированного политического поведения, которое было вызвано конкретным событием.

Текущее исследование

Исследование проводилось в конце лета—начале осени 2020 года. В нем рассматривались протесты, которые проходили в Хабаровском крае и были связаны с арестом губернатора С.И. Фургала. 9 июля 2020 года главу Хабаровского края С.И. Фургала задержали по подозрению в организации убийств и покушений на убийство предпринимателей, совершенных в 2004—2005 годах на территории Хабаровского края и Амурской области. Его отправили в Москву и поместили в следственный изолятор «Лефортово». 10 июля московский суд принял решение об аресте Фургала до 9 сентября 2020 г., однако впоследствии этот срок был продлен.

Это событие привлекло внимание пользователей социальных сетей. В них возникли тематические сообщества; появились видеоролики с фрагментами выступлений хабаровского губернатора. 11 июля состоялся первый митинг; после этого уличные акции стали ежедневными. Хотя центром протестных действий был Хабаровск, отдельные акции проходили и в других населенных пунктах Хабаровского края (например, Комсомольске-на-Амуре). В августе-сентябре интенсивность протестов начала снижаться, однако отдельные уличные акции продолжались еще несколько месяцев.

В ходе исследования мы выдвинули несколько гипотез (рис. 1).

Оправдание системы, существующей в России, будет негативно связано с воспринимаемой несправедливостью ареста губернатора (гипотеза 1а) и позитивно — с коллективной эффективностью жителей этого региона (гипотеза 1б).

Идентификация с жителями Хабаровского края будет позитивно связана с воспринимаемой несправедливостью

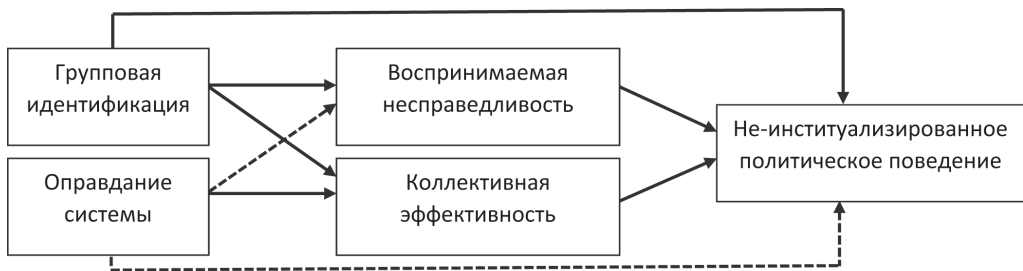

Рис. 1. Гипотезы исследования: сплошная стрелка обозначает позитивные связи, пунктирная стрелка — негативные связи

ареста губернатора (гипотеза 2а) и с коллективной эффективностью жителей этого региона (гипотеза 2б).

Воспринимаемая несправедливость ареста губернатора (гипотеза 3а) и коллективная эффективность жителей Хабаровского края (гипотеза 3б) будут позитивно связаны с готовностью к не-институализированным политическим действиям, направленным на изменение сложившейся ситуации.

Оправдание системы, существующей в России, будет негативно связано с готовностью к не-институализированным политическим действиям (гипотеза 4а). Однако эта связь будет частично опосредована воспринимаемой несправедливостью ареста губернатора (гипотеза 4б) и коллективной эффективностью жителей этого региона (гипотеза 4в).

Идентификация с жителями Хабаровского края будет позитивно связана с готовностью к не-институализированным политическим действиям (гипотеза 5а). Однако эта связь будет частично опосредована воспринимаемой несправедливостью ареста губернатора (гипотеза 5б) и коллективной эффективностью жителей этого региона (гипотеза 5в).

Таким образом, гипотезы 1 и 4 основаны на подходе, связанном с оправданием системы; гипотезы 2 и 5 — на подходе, связанном с социальной идентичностью; гипотеза 3 соответствует обоим подходам.

Метод

Выборка. Данные собирались в августе-сентябре 2020 года. Ссылка на исследование распространялась двумя способами: через сервис Яндекс.Толока — русскоязычный ресурс, на котором любой человек может выполнить задание и получить материальное вознаграждение, и через социальные сети. Респонденты, которые проходили исследование на Яндекс.Толока, заполняли описанные ниже методики и отвечали на контрольные вопросы. Участники, которые заполнили весь опросник и правильно ответили на контрольные вопросы, получали по 15 центов, а их данные использовались для последующего анализа. Респонденты, которые проходили исследование по ссылкам в социальных сетях, заполняли только описанные ниже методики и не получали материального вознаграждения.

Для того, чтобы удостовериться, что все респонденты живут в Хабаровском крае, мы использовали два способа. Во-первых, мы ограничивали круг людей, которые имели доступ к опросу. В частности, на Яндекс.Толока в качестве ограничения были выставлены два города, расположенные в Хабаровском крае, в которых проходили протестные акции, связанные с арестом С.И. Фургала, — Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. В со-

циальных сетях мы рассылали опросник по региональным группам, участники которых обсуждали эту ситуацию. Во-вторых, в конце исследования респонденты отмечали регион и город, в котором они живут.

Итоговая выборка состояла из 432 человек (318 — Яндекс.Толока, 114 — соцсети), проживающих в Хабаровском крае: 229 (53%) (187 — Яндекс.Толока, 42 — соцсети) участников определили себя как мужчин, 203 (47%) (131 — Яндекс.Толока, 72 — соцсети) — как женщин; возраст варьировался от 18 до 63 лет ($M_{\text{Толока}}=28.89$, $SD_{\text{Толока}}=9.48$, $M_{\text{сети}}=36.71$, $SD_{\text{сети}}=11.47$). Данные, полученные с помощью Яндекс.Толока и социальных сетей, обрабатывались вместе.

Методики. Опросник был создан на платформе 1KA (<https://www.1ka.si/>) — открытом словенском ресурсе, сделанном для создания и проведения онлайн-исследований. Респонденты заполняли методики для измерения оправдания системы, идентификации с жителями Хабаровского края, воспринимаемой несправедливости ареста губернатора, коллективной эффективности жителей и готовности к не-институализированному коллективному поведению для изменения сложившейся ситуации.

Оправдание системы. Чтобы измерить этот параметр, была использована русскоязычная версия опросника оправдания системы [1]. Он включал в себя пять утверждений: «Сегодня в России большинство решений власти направлены на благо народа», «Сегодня в России большинство людей может достичь желаемого уровня жизни», «Сегодня в России жизнь большинства людей меняется в правильном направлении», «Сегодня в России большинство людей должны быть довольны тем, что имеют», «Сегодня в России у большинства людей жизнь

стала лучше». Респонденты оценивали степень согласия с утверждениями по 9-балльной шкале: от 1 (совершенно не согласен) до 9 (совершенно согласен) (α -Cronbach=.911).

Идентификация с жителями Хабаровского края. Для измерения этого параметра были использованы четыре утверждения из русскоязычной версии опросника [2], предложенного К. Личем и коллегами [10]. Они отражали понимание групповой идентификации как позитивных эмоций, которые человек испытывает от членства в группе: «Я рад, что являюсь жителем Хабаровского края», «Я думаю, что жителям Хабаровского края есть чем гордиться», «Мне приятно быть жителем Хабаровского края», «Принадлежность к жителям Хабаровского края делает меня счастливым». Респонденты оценивали степень согласия с утверждениями по 7-балльной шкале: от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен) (α -Cronbach=.931).

Перед тем как начать отвечать на вопросы, связанные с Сергеем Фургалом, участники читали краткую инструкцию: «9 июля 2020 года главу Хабаровского края Сергея Фургала задержали по подозрению в организации убийств и покушений на убийство предпринимателей, совершенных в 2004-2005 годах на территории Хабаровского края и Амурской области. Его отправили в Москву и поместили в следственный изолятор «Лефортово». 10 июля московский суд принял решение об аресте Фургала до 9 сентября 2020 г., однако впоследствии этот срок был продлен. Перед Вами несколько вопросов, касающихся Вашего мнения об этой ситуации. Пожалуйста, прочитайте их и выберите варианты ответа, которые лучше всего описывают Ваше мнение».

Восприятие несправедливости. Мета-анализ [19] показал, что воспринимаемая

аффективная справедливость сильнее связана с готовностью к протестным действиям, чем воспринимаемая когнитивная справедливость. Поэтому в ходе исследования мы измеряли воспринимаемую аффективную справедливость. Для этого был использован вопрос «В какой степени Вы чувствуете каждую из нижеперечисленных эмоций, когда размышляете об этой ситуации: раздражение, гнев, возмущение, обиду?». Респонденты давали ответы по 5-балльной шкале: от 1 (почти или совсем нет) до 5 (очень сильно) (α -Cronbach=.912).

Коллективная эффективность жителей Хабаровского края. Для измерения этого параметра было использовано утверждение: «Вместе жители Хабаровского края могут повлиять на ситуацию, связанную с Сергеем Фургалом». Респонденты оценивали степень согласия с утверждением по 5-балльной шкале: от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен).

Готовность к не-институализированному поведению. Мы выделили три формы активности. Политическая коммуникация с непосредственным окружением включала в себя сбор и распространение информации об этой ситуации, ее обсуждение с людьми лицом к лицу и в интернете (три пункта, α -Cronbach=.917). Коммуникация с политиками включала в себя личные и

коллективные обращения к ним (письма, петиции, публичные выступления) (два пункта, $r=.72^{***}$). Уличные акции включали в себя участие в мирных согласованных и несогласованных пикетах, митингах и демонстрациях (два пункта, $r=.82^{***}$). Респонденты отмечали, насколько они готовы участвовать в данных действиях, чтобы повлиять на ситуацию, связанную с арестом Сергея Фургала. Они давали ответы по 7-балльной шкале: от 1 (точно не готов) до 7 (точно готов).

Результаты

Средние, стандартные отклонения и коэффициенты корреляции Спирмена между переменными, измеренными в ходе исследования, представлены в табл. 1.

Для проверки гипотез был использован медиационный анализ. Мы рассмотрели оправдание системы и идентификацию с Хабаровским краем как предикторы, воспринимаемую несправедливость и коллективную эффективность — как медиаторы, а готовность к не-институализированному политическому поведению — как зависимую переменную. В ходе статистической обработки были построены две модели параллельной медиации

Таблица 1

Описательные статистики и корреляции между переменными (N=432)

Переменные исследования	M (SD)	1	2	3	4	5	6
1. Оправдание системы	2.76 (1.70)						
2. Хабаровская идентификация	5.33 (1.40)	-.01					
3. Воспринимаемая несправедливость	3.23 (1.29)	-.49 ^{***}	.26 ^{***}				
4. Коллективная эффективность	3.38 (1.21)	-.23 ^{***}	.28 ^{***}	.38 ^{***}			
5. Коммуникация с окружением	4.73 (1.76)	-.33 ^{***}	.25 ^{***}	.57 ^{***}	.43 ^{***}		
6. Коммуникация с политиками	4.01 (1.83)	-.33 ^{***}	.23 ^{***}	.49 ^{***}	.37 ^{***}	.76 ^{***}	
7. Уличные акции	4.09 (2.00)	-.34 ^{***}	.27 ^{***}	.57 ^{***}	.43 ^{***}	.78 ^{***}	.77 ^{***}

Примечание: ^{***} $p \leq .001$.

ции с использованием макроса PROCESS v.3.4 [4] для IBM SPSS 27.0., опираясь на 5000 бутстреп-выборок. Были вычислены прямые и непрямые эффекты на уровне значимости 0.05 (доверительный интервал 95%) [11]. Результаты медиационного анализа представлены в табл. 2 и 3.

Результаты показали, что оправдание системы было негативно связано с воспринимаемой несправедливостью и коллективной эффективностью. Таким образом, они подтвердили гипотезу 1а, но опровергли гипотезу 1б. Идентификация с жителями Хабаровского края была позитивно связана с воспринимаемой несправедливостью и коллективной эффективностью. Эти результаты подтвердили гипотезы 2а и 2б. В свою очередь, воспринимаемая несправедливость и коллективная эффективность были позитивно связаны с готовностью к коммуникации с ближайшим окружением, коммуникации с политиками и уличным акциям. Эти результаты подтвердили гипотезы 3а и 3б.

И наконец, результаты продемонстрировали, что воспринимаемая несправедливость и коллективная эффективность опосредовали связь оправдания системы и идентификации с готовностью к неинституализированному политическому поведению. При этом в пяти случаях на-

блюдалась частичная, а в одном — полная медиация. Эти результаты частично подтвердили гипотезы 4а и полностью — гипотезы 4б,в и 5а,б,в.

Полученные результаты схематично представлены на рис. 2.

Обсуждение результатов

В ходе исследования мы изучали связь между оправданием социальной системы и групповой идентификацией, с одной стороны, и готовностью к неинституализированному политическому поведению — с другой. Мы предположили, что эта связь опосредуется воспринимаемой несправедливостью положения ин- группы и коллективной эффективностью. В исследовании приняли участие жители Хабаровского края, которые отвечали на вопросы, связанные с ситуацией ареста губернатора Хабаровского края С.И. Фургала. Проведенное исследование позволило нам сделать несколько выводов.

Во-первых, наше исследование показало, что оправдание системы и групповая идентификация связаны с воспринимаемой несправедливостью ареста губернатора и коллективной эффективностью. В частности, идентифи-

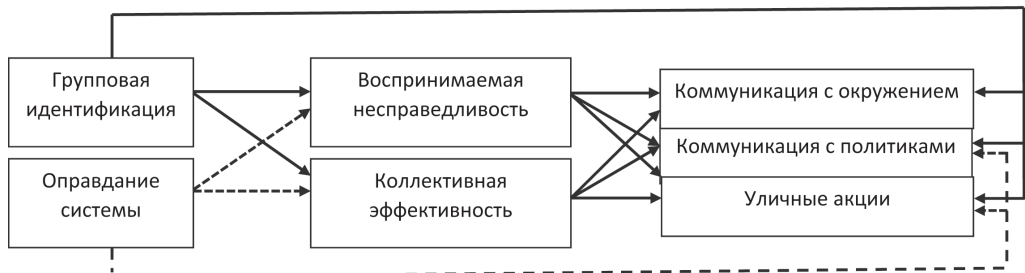

Рис. 2. Связь региональной идентификации респондентов и оправдания системы с готовностью к неинституализированному политическому поведению (схематичное изображение): сплошная стрелка обозначает позитивные связи, пунктирная стрелка — негативные связи

Таблица 2

Прямая, непрямая и общая связь оправдания респондентами системы с готовностью к не-институализированному политическому поведению

Переменные исследования	Воспринимаемая несправедливость		Коллективная эффективность		Коммуникация с окружением		Коммуникация с политиками		Уличные акции	
	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI
Оправдание системы	-.39*** (.03)	-.45; -.33	-.17*** (.03)	-.23; -.10	-.04 (.05)	-.13; .05	-.13** (.05)	-.23; -.04	-.11* (.05)	-.21; -.01
Воспринимаемая несправедливость					.59*** (.06)	.47; .72	.50*** (.07)	.36; .64	.67*** (.07)	.53; .81
Коллективная эффективность					.40*** (.06)	.28; .52	.34*** (.07)	.21; .47	.43*** (.07)	.30; .56
Constant	429.89*** (10.14)	409.95; 449.82	384.36*** (10.76)	363.20; 405.52	157.26*** (31.97)	94.42; 220.11	160.52*** (35.30)	91.14; 229.91	76.91* (36.04)	6.07; 147.75
R ²	R ² = .26		R ² = .06		R ² = .39		R ² = .31		R ² = .40	
F	F(1;430) = 152.56***		F(1;430) = 25.42***		F(3;428) = 89.61***		F(3;428) = 64.86***		F(3;428) = 95.68***	
Общий эффект оправдания системы					-.34*** (.05)	-.43; -.25	-.39*** (.05)	-.48; -.29	-.44*** (.05)	-.54; -.34
Общий не прямой эффект					-.30*** (.04)	-.37; -.23	-.25*** (.04)	-.33; -.18	-.33*** (.04)	-.41; -.25
Не прямой эффект через воспринимаемую несправедливость					-.23*** (.03)	-.30; -.17	-.19*** (.03)	-.27; -.13	-.26*** (.04)	-.33; -.19
Не прямой эффект через коллективную эффективность					-.07*** (.02)	-.11; -.04	-.06** (.02)	-.10; -.03	-.07*** (.02)	-.12; -.04

Примечания. * p < .05; ** p < .01; *** p < .00.

Таблица 3
Прямая, непрямая и общая связь региональной идентификации респондентов с готовностью к не-институализированному политическому поведению

Переменные исследования	Воспринимаемая несправедливость		Коллективная эффективность		Коммуникация с окружением		Коммуникация с политиками		Уличные акции	
	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI	Beta (SE)	95% CI
Идентификация с Хабаровским краем	.22*** (.04)	.14; .31	.26*** (.04)	.18; .34	.11* (.05)	.02; .21	.13* (.06)	.02; .24	.13* (.06)	.02; .24
Воспринимаемая несправедливость					.60*** (.06)	.49; .71	.57*** (.06)	.45; .69	.72*** (.06)	.59; .85
Коллективная эффективность					.37*** (.06)	.25; .49	.31*** (.07)	.18; .45	.40*** (.07)	.26; .53
Constant	205.76*** (23.70)	159.17; 252.35	200.42*** (21.86)	157.45; 243.38	92.47** (29.35)	34.78; 150.17	43.47 (32.64)	-20.69; 107.63	-29.27 (33.21)	-94.55; -36.00
R ²	R ² = .06		R ² = .09		R ² = .39		R ² = .31		R ² = .40	
F	F(1;430)=26.30***		F(1;430)=42.47***		F(3;428)=91.95***		F(3;428)=63.93***		F(3;428)=96.31***	
Общий эффект идентификации					.34*** (.06)	.23; .46	.33*** (.06)	.21; .45	.40*** (.07)	.26; .53
Общий непрямой эффект					.23*** (.04)	.15; .32	.21*** (.04)	.13; .29	.26*** (.05)	.17; .36
Непрямой эффект через воспринимаемую справедливость					.13*** (.03)	.07; .20	.13*** (.03)	.07; .19	.16*** (.04)	.09; .23
Непрямой эффект через коллективную эффективность					.10*** (.03)	.05; .15	.08** (.03)	.04; .14	.10*** (.03)	.05; .16

Примечания: * p<.05; ** p<.01; *** p<.001.

кация была позитивно связана с этими переменными. Кроме того, оправдание системы было негативно связано с воспринимаемой несправедливостью ареста губернатора. Эти результаты соответствуют данным, полученным в предыдущих исследованиях [12; 19].

Одновременно оправдание системы было негативно связано с коллективной эффективностью жителей Хабаровского края, что противоречит данным других исследований. В частности, упомянутые выше опросы, проведенные в США и Новой Зеландии, продемонстрировали, что оправдание системы позитивно связано как с общей коллективной эффективностью граждан, так и с коллективной эффективностью членов конкретной этнической группы [12]. На наш взгляд, можно выделить две причины такого несоответствия.

Первая причина связана со способом измерения оправдания системы. Методика, созданная авторами одноименной теории, измеряет общее позитивное отношение к системе, которое объединяет понятия «хороший» и «справедливый». Исследования, проведенные в Северной Америке и некоторых европейских странах, показали, что понятие «справедливости» включает способность людей повлиять на решения, которые затрагивают их интересы [17; 18]. Таким образом, оправдание системы подразумевает веру в то, что люди могут повлиять на положение дел в стране.

В то же время русскоязычная методика для измерения оправдания системы включает в себя только пункты, которые описывают уровень жизни людей. Это различие имеет большое значение, поскольку, согласно данным некоторых исследований, в России распространено патерналистское отношение к государству: большинство людей полагает, что государство должно само заботиться о людях [9]. Такое восприятие государства

допускает оправдание системы без ощущения коллективной эффективности.

Вторая причина несоответствия в результатах нашего и предыдущих исследований может быть связана со спецификой коллективной эффективности. В новозеландском исследовании люди отвечали на вопросы о способности граждан страны повлиять на действия представителей власти; в североамериканском исследовании — о способности членов этнической интруппы повлиять на свое положение в обществе. Таким образом, в обоих случаях речь шла о коллективной эффективности на уровне страны. В то же время в нашем исследовании речь шла о коллективной эффективности жителей одного региона в отношении местной проблемы.

Во-вторых, наше исследование продемонстрировало, что воспринимаемая несправедливость ареста губернатора и коллективная эффективность жителей Хабаровского края были позитивно связаны с готовностью участвовать во всех выделенных формах не-институализированного политического поведения — коммуникации с ближайшим окружением, коммуникации с политиками и уличных акциях.

С одной стороны, эти результаты соответствуют предыдущим исследованиям [19], хотя недавние опросы, проведенные на большом количестве людей, показали, что важность обоих факторов варьируется от выборки к выборке [12; 14]. С другой стороны, наши результаты дополняют предыдущие исследования, поскольку показывают, что эти факторы одинаково связаны с готовностью к действиям, которые различаются по форме, сложности реализации и потенциальной опасности для участников. Это говорит о том, что все формы мирного не-институализированного политического поведения имеют общие корни.

В-третьих, наше исследование показало, что воспринимаемая несправед-

ливость и коллективная эффективность опосредуют связь оправдания системы и хабаровской идентификации с готовностью к политической активности. Причем в пяти случаях речь идет о частичной, а в одном — о полной медиации. В целом эти данные соответствуют результатам, полученным в предыдущих исследованиях, которые показывают, что воспринимаемая справедливость и коллективная эффективность лишь частично объясняют связь оправдания системы и групповой идентификации с не-институализированной политической активностью [12; 19].

Заключение

В целом результаты данного исследования говорят о том, что оба подхода — подход, основанный на социальной идентичности, и подход,

основанный на оправдании системы, — объясняют готовность людей к не-институализированному политическому поведению, направленному на изменение статуса-кво. При этом групповая идентификация и оправдание системы работают в противоположном направлении: первая усиливает «рациональный» и «эмоциональный» путь политической активности, а вторая ослабляет их.

Таким образом, наше исследование вносит вклад в изучение психологических факторов, связанных с участием людей в не-институализированной политической активности. Во-первых, мы выделили «точки пересечения» между двумя психологическими подходами к изучению не-институализированного политического поведения. Во-вторых, мы продемонстрировали, что эти подходы объясняют готовность к разным формам не-институализированных политических действий.

Литература/References

1. *Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I.* How do Russians perceive and justify the status quo: insights from adapting the system justification scales // *Frontiers in Psychology*. 2021 (under review)
2. *Agadullina E., Lovakov A.* Measurement model of in-group identification: Validation in Russian samples // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2013. Vol. 10. № 4. P. 143–157.
3. *Chayinska M., Minescu A., McGarty C.* ‘We fight for a better future for our country’: Understanding the Ukrainian Euromaidan movement as the emergence of a social competition strategy // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. № 1. P. 45–65.
4. *Hayes A.F.* Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: a regression approach. Guilford Press, 2018. P. 3–4.
5. *Hooghe M., Marien S.* A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe // *European Societies*. 2013. Vol. 15. № 1. P. 131–152.
6. *Jost J.T.* A quarter century of system justification theory: Questions, answers, criticisms, and societal applications // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. № 2. P. 263–314.
7. *Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B.A.* A decade of system justification theory: Accumulated evidence of conscious and unconscious bolstering of the status quo // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. № 6. P. 881–919.
8. *Jost J.T. et al.* Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. № 2. P. 99–108.
9. Levada Center. Vzaimodeistvie grazhdan i gosudarstva [Elektronnyi resurs] [Interaction between the citizens and the state]. URL: <https://www.levada.ru/2015/04/06/vzaimodejstvie-grazhdan-i-gosudarstva>. (Accessed 18.07.2021).

10. Leach C.W. et al. Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144.
11. MacKinnon D.P., Lockwood C.M., Williams J. Confidence limits for the indirect effect: Distribution of the product and resampling methods // Multivariate Behavioral Research. 2004. Vol. 39. № 1. P. 99–128.
12. Osborne D. et al. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action // European Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 49. № 2. P. 244–269.
13. Thomas E.F., McGarty C., Mavor K.I. Aligning identities, emotions, and beliefs to create commitment to sustainable social and political action // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. № 3. P. 194–218.
14. Thomas E.F. et al. Testing the social identity model of collective action longitudinally and across structurally disadvantaged and advantaged groups // Personality and Social Psychology Bulletin. 2020. Vol. 46. № 6. P. 823–838.
15. Travaglino G.A. Support for anonymous as vicarious dissent: Testing the social banditry framework // Group Processes & Intergroup Relations. 2019. Vol. 22. № 2. P. 163–181.
16. Travaglino G., Moon C. Power distance orientation as an antecedent of individuals' intentions to engage in radical political action // Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol. 23. № 8. P. 1283–1308.
17. Tyler T.R. The psychology of legitimacy: A relational perspective on voluntary deference to authorities // Personality and Social Psychology Review. 1997. Vol. 1. № 4. P. 323–345.
18. Tyler T.R., Blader S.L. The group engagement model: Procedural justice, social identity, and cooperative behavior // Personality and Social Psychology Review. 2003. Vol. 7. № 4. P. 349–361.
19. van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. Vol. 134. № 4. P. 504.
20. van Zomeren M., Leach C.W., Spears R. Protesters as “passionate economists”: A Dynamic Dual Pathway Model of approach coping with collective disadvantage // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 180–199.

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Гусева Виктория Владиславовна, стажер-исследователь, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4368-4508>, e-mail: vvguseva@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Victoria V. Guseva, Intern Researcher, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4368-4508>, e-mail: vvguseva@hse.ru

Получена 31.05.2021

Received 31.05.2021

Принята в печать 12.08.2021

Accepted 12.08.2021

Образ Петра I в структуре политического сознания современников (на примере анализа сообщений в социальных сетях)

Журавлев А.Л.

*ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Китова Д.А.

*ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Цель. Анализ психологических особенностей образа Петра I в структуре политического сознания пользователей социальной сети Twitter.

Контекст и актуальность. Ведущими основаниями исследования являются, во-первых, положение о субъектной детерминации политического сознания, которая проявляется во множественном отношении людей к одним и тем же фактам истории. Во-вторых, феномен исторической памяти выступает одним из важнейших оснований национальной самоидентификации личности, а манипулирование политическим сознанием становится средством воздействия на самосознание человека и общества. В-третьих, важно обращение к «цифровым» технологиям исследований, что связано с перспективным развитием научных технологий и получением социально значимых знаний, релевантных обществу в целом.

Используемая методология. Психологические концепции образа, структурно-содержательный анализ сообщений, методы обоснованной теории, нейросетевая модель, анализ эмоционального фона коротких неформализованных текстов.

Основные выводы. Выявлено, что образ Петра I получает высокую положительную оценку в сфере международной, военной, экономической, просветительской, законотворческой и управленческой деятельности и обусловлен его выдающимися достижениями на международном и внутриполитическом уровнях. При этом развитие политических институтов при императоре оценивается не столь высоко и однозначно, наибольшей критике подвергаются социальное содержание государственного управления и отказ от культурных традиций народа. В частности, анализ эмоционального фона сообщений пользователей показал, что основная их масса отличается умеренно негативной или нейтральной модальностью.

Ключевые слова: политическое сознание, историческая память, концепция образа в психологии, эпоха Петра I, частотный анализ слов, нейросетевая модель, эмоциональный фон.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20–013–42001.

Для цитаты: Журавлев А.Л., Китова Д.А. Образ Петра I в структуре политического сознания современников (на примере анализа сообщений в социальных сетях) // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120303>

The Image of Peter I in the Structure of the Political Consciousness of his Contemporaries (on the Example of the Analysis of Messages in Social Networks)

Anatoly L. Zhuravlev

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (FGBON IP RAS), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzburavlev2018@yandex.ru

Dzhuletta A. Kitova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (FGBON IP RAS), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Objective. *Analysis of the psychological characteristics of the image of Peter I in the structure of the political consciousness of users of the social network Twitter.*

Background. *The leading basis of the study is the provision on the subjective determination of political consciousness, which manifests itself in the multiple attitudes of people to the same facts of history. Secondly, the phenomenon of historical memory is one of the important foundations of the national self-identification of an individual, and manipulation of political consciousness becomes a means of influencing the self-consciousness of a person and society. Thirdly, it is important to turn to “digital” research technologies, which is associated with the promising development of scientific technologies and the acquisition of socially significant knowledge relevant to society as a whole.*

Methodology. *Concepts of image psychology, structural and content analysis of messages, methods of grounded theory, neural network model, analysis of the emotional background of short non-formalized texts.*

Conclusions. *It was revealed that the image of Peter I is highly appreciated in the field of international, military, economic, educational, legislative and administrative activities and is due to his outstanding achievements at the international and domestic political levels. At the same time, the development of political institutions under the emperor is not assessed so highly and unequivocally, the social essence of state administration and the rejection of the cultural traditions of the people are subjected to the greatest criticism. In particular, analysis of the emotional background of messages showed that the bulk of user messages differ in a moderately negative or neutral background.*

Keywords: *political consciousness, historical memory, the concept of the image in psychology, the era of Peter I, frequency analysis of words, neural network model, emotional background.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-42001.

For citation: Zhuravlev A.L., Kitova D.A. The Image of Peter I in the Structure of the Political Consciousness of his Contemporaries (on the Example of the Analysis of Messages in Social Networks). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 23–37. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120303> (In Russ.).

Введение

Политика как явление социальной жизни трактуется с различных точек зрения: как искусство управлять государством, способность к завоеванию и

удержанию власти, умение добиваться равновесия в обществе, выражение воли большинства или отдельных социальных групп, борьба политических или экономических элит и т.д. [10; 12; 14]. Многообразие теоретических подходов

к исследованию политических процессов порождает разнообразие проблем, требующих своего изучения [9; 15; 18]. При междисциплинарных подходах к их изучению круг научных задач еще более расширяется, образуя широкое научное пространство для гуманитарных исследований, дополнительно приобретая специфическую методологическую инвариантность [17; 19; 20].

С психологической точки зрения политическое сознание обусловлено историческим периодом, в котором проживает человек, зависит от происходящих политических перемен, реагирует на ситуативные факторы индивидуального развития, заметно трансформируется в период смены поколений, детерминирует «появление новых политических потребностей, практик и смыслов» [13, с. 49]. В этом направлении исследований самостоятельное значение приобретает изучение *мемориальной памяти*.

Теоретико-методологические основания исследования

Мемориальная память как объект психологического исследования стала рассматриваться в конце XX—начале XXI вв. Ведущими основаниями для выделения научного направления стали выявленные М. Хальбваксом факты о том, что мемориальная память — это *конструируемый* феномен, который не является точным отражением исторических событий [16]. К примеру, Х. Вельцером было выявлено, что мемориальная память и история мало соотносятся друг с другом [2], что делает ее (память) одним из «наиболее актуальных и вместе с

тем дискуссионных проблем современности» [3, с. 134].

В этом направлении можно отметить ряд исследований. Так, Б. Римэ и В. Кристоф выявили, что публично передаваемое *эмоционально* окрашенное событие значительно укрепляет «следы памяти» [5]. При изучении воспоминаний о Маргарет Тэтчер было установлено, что более высокие рейтинги воспоминаний¹ оказались у представителей высших слоев общества, которые воспринимали ее уход как «событие, расколовшее консервативную партию» [6]. Э. Эриксон описал эффект, связанный с тем, что люди, преодолевшие 40-летний *возрастной* рубеж, все чаще в своей памяти возвращаются к своему прошлому. М. Конвей выявил, что члены каждой поколенческой когорты хотя и разделяют общность «смысловой памяти», не будут разделять один и тот же опыт [4]. Данные позиции говорят об эмоциональной составляющей феномена.

В рамках *социальной психологии* выявлено, что мемориальная память запечатлевает, прежде всего, события, которые тесно связаны для группы с ее собственным *позитивным* или *негативным* образом, что проявляется как «заговор молчания»/«молчаливая память» и сопряжено с замалчиванием негативных исторических событий, травмирующих группу [4]. Установлено, что во многих исторических текстах присутствует идеологическое влияние [14], также важно, что мемориальная память составляет основу общественного сознания, обеспечивая возможность идентификации и самоидентификации отдельной личности и общества в целом [10], а также выступает ведущим фактором, «объединяющим

¹ Максимально частое обращение к конкретным воспоминаниям.

прошлое с настоящим, проецируемым в будущее» [13, с. 49]. Таким образом, мемориальная память выступает фактором, объединяющим поведение конкретных людей в одно целое, объединяя их в социальные общности и определяя векторы их развития.

Самостоятельной проблемой анализа выступает обусловленность мемориальной памяти *социальными традициями* [16], что позволяет говорить о наличии «схематического повествовательного шаблона», присущего культурной традиции каждого народа [4; 16]. К примеру, опросы ВЦИОМ показали, что история России представлена в массовой памяти соотечественников как история власти: в качестве выдающихся личностей фигурируют монархи, военачальники и руководители страны. Для сравнения, в европейской культуре история страны отождествляется больше с историческими событиями, нежели с конкретными историческими персонами [4; 5]. Таким образом, ведущим основанием анализа является положение о *субъектной детерминации* мемориальной памяти личности и группы, которая проявляется в *множественном отношении* к одним и тем же фактам истории [16]. Выявление множественности индивидуальных позиций и особенностей психического склада больших социальных групп (народов) выступило концептуальным основанием проведенного исследования.

Методы

Целью исследования выступает выявление *образа Петра I* в структуре по-

литического сознания современников. В работе используется праксиметрический подход (анализ уже совершенных действий), в качестве продуктов анализа выступают тексты сообщений в социальной сети Twitter. В основу отбора сообщений положено присутствие в них следующих слов: «Петр I», «Петр Великий», «Петр первый» и «Петр 1». Сбор и обработка эмпирических данных производились методом сплошной выборки в четыре этапа с 11 февраля 2020 г. по 11 марта 2021 г. (11.02.2020 — 501 сообщение; 11.06.2020 — 419 сообщений; 11.10.2020 — 420 сообщений; 11.03.2021 — 537 сообщений). Обработка сообщений производилась по следующей схеме: очистка сообщений с помощью эвристики от рекламных сообщений и повторов; разбиение текста на токены², их группирование и подсчет. Всего собрано и обработано 1877 сообщений.

В основу контент-анализа легли представления о том, что «образ» включает в себя рациональные (*когнитивные*) и иррациональные (*эмоциональные* — не рефлекслируемые) оценки [8]. В основу анализа как когнитивного, так и эмоционального компонентов заложена характеристика для образа *цитатность*³, посредством которой он «опосредуется в единстве всех противоречий» [6, с. 97] в высказываниях и текстах [1; 5].

С *когнитивной* точки зрения анализ осуществлен в два этапа:

— путем автоматизированного анализа повторяемости слов в общем объеме всех сообщений (см. табл. 1а: в таблице приведено морфологическое основание слова и частота его встречаемости в текстах);

² В программировании — последовательность символов, которую можно идентифицировать как единый логический объект, аналог лексем в лингвистике (то есть единица морфологического анализа).

³ «Цитатность» рассматривается как способ выражения авторской позиции в его (автора) высказываниях.

— посредством контент-анализа *когнитивных смысловых категорий* в текстах и их соотношения с объективными характеристиками изучаемого социального конструкта «*государство как политический институт*», содержательно-смысловой анализ проведен путем экспертной оценки по следующей схеме: сущность государства (1), функции (2), суверенность (3), легитимность (4), развитие — экономическое, социальное, политическое и т.д. (5), включенность в международные процессы (6), идеология (7), система государственного управления (8), способы и методы реализации государственной политики (9), эффективность политической системы (10).

Выявление в текстах эмоциональной компоненты сообщений производилось через оценку эмоционального фона текстов с использованием нейросетевой модели Dostoevsky. Модель основана на словаре, оценивающем эмоциональный фон коротких неформализованных сообщений по трем шкалам — позитивный, нейтральный, негативный — от -1 (негативный) до +1 (позитивный). Точность идентификации модели выше 98% (подробнее см.: [11]). Результаты анализа эмоционального фона сообщений указаны с разбивкой на 20 равных позиций (длина шага 0,1), примеры работы модели представлены в табл. 16. Далее модель вычисляет среднее арифметическое значение эмоционального фона сообщения в целом.

Таблица 1

Примеры визуализации результатов автоматизированного анализа слов в сообщениях пользователей о Петре I в Twitter

Примеры частотного анализа слов (а)	Примеры эмоционального анализа слов (б)
190 петровск* ⁴ (реформы)	росс* -0.0972 ⁵
153 воен*	русск* -0.084
110 судебн*	истор* -0.063
80 церковн*	лет* -0.021
77 денежн*	сам* -0.062
64 губернк*	европ* -0.120
58 Петр*	указ* -0.050
61 проведен*	врем* -0.081
52 административн*	голланд* -0.118
41 государственн*	табак* -0.298
32 областн*	титул* 0.004
26 деятельность*	календар* 0.005
23 результат*	привез* 0.005
21 Росси*	корабл* 0.006
21 местн*	престол* 0.007
20 период*	традиц* 0.007
20 пенсион*	велик* 0.008
15 велик*	отечествен* 0.099
11 этапы*	рубл* 0.105
11 систем*	речк* 0.199

⁴ Учитываются корневые морфемы, выражающие основное лексическое значение слов.

⁵ Автоматический подсчет десятичных знаков ведется в диапазоне до 10¹⁷. Для удобства восприятия предельные значения дробных величин округлены до тысячных значений

Результаты

На рис. 1 представлен частотный анализ слов в сообщениях пользователей (чем выше частота использования, тем крупнее размер шрифта).

Как оказалось, Петр I воспринимается как *царь*, *период* его правления как *эпоха*, а его деятельность тесно переплетена с *историей России* (первая четверка наиболее популярных слов — см. рис. 1а). Следующие по частоте слова также утверждают нас в этой мысли: феномен, страна, эпоха, государство, итоги и т.д. Анализ

представленных в сообщениях пользователей реформ отличается многообразием, а также указывает на важное их значение (судебная, военная, образовательная, экономическая, административная, денежная и т.д. — рис. 1б). На рис. 1в, 1г представлен частотный анализ прилагательных (необходимые, важные, целенаправленные, системные, сложные, благоразумные и т.д.) и глаголов (оказались, проведены, признаются, ускорили, позволили и т.д.), которые также свидетельствуют об эпохальности и масштабах реализованных Петром I политических свершений.

Рис. 1. Результаты оценки частотного анализа слов в сообщениях пользователей социальной сети Twitter

Содержательно-смысловой анализ сообщений о политической деятельности императора (произведен отбор сообщений со словами «политика» и «государство») осуществлен в соответствии со схемой контент-анализа. Выявлено, что наиболее обсуждаемыми позициями выступают идеология, избранная императором, и используемые им методы и средства ее реализации. На второй позиции находятся такие проблемы, как развитие и эффективность, на третьей — суверенитет и внешняя политика, на заключительных — функции, сущность и легитимность правления (рис. 2).

Анализ эмоционального фона сообщений показал, что *положительный эмоциональный* фон высказываний пользователей (диапазон от 0.100410 до 0.582880) соотносится с оценкой политической деятельности императора, его достижений в сфере политического реформирования государства (табл. 2). *Нейтральный* эмоциональный фон (диапазон от 00.099477 до -0.099650) связан с обсуждениями *реформ* как внутри страны, так и за рубежом, — обсуждаются исторические ситуации и даты, которые можно определить как информационный обмен, а также

анализ вопросов, связанных с образовательными контекстами (темы рефератов, экзаменационных билетов и т.д.).

Данный фон обсуждений встречается и в контексте обсуждения иных социальных событий, например, в разговорах о праздновании Нового года, об истории городов, в рассказах о памятных местах. *Негативные* оценки пользователей отражаются (диапазон от -0.703080 до -0.100010) в их высказываниях, направленных на оценку исторических изменений *идеологического* пути российского государства (третья часть сообщений), которые отражают трагические *события социального* характера (практически 2/3 сообщений в этом направлении имеют негативный фон), связанные с гибелью людей, массовыми болезнями, жертвами боевых действий, спецификой мер по реализации воли императора, высказываются недовольства системой управления государством, предоставлением широких полномочий чиновникам и т.д.

Можно обратить внимание на отсутствие *выраженных* эмоциональных сторонников деятельности Петра I (то есть имеющих высокий положительный эмоциональный фон) при наличии *явных*

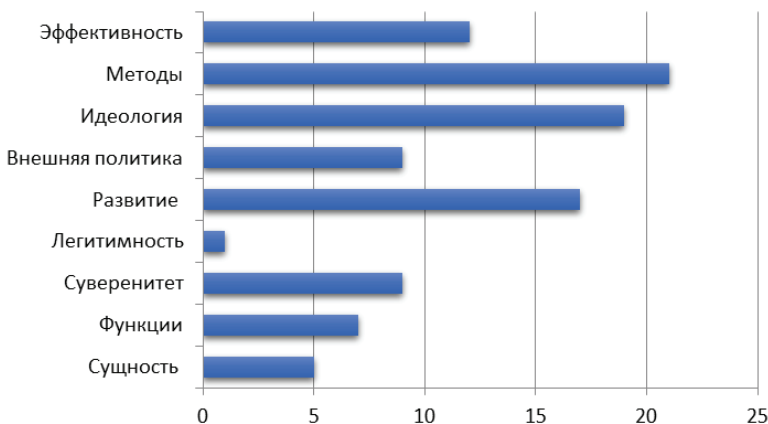

Рис. 2. Частотный анализ сообщений (твитов) по политическим категориям, в %

противников его деятельности, то есть сообщений с выраженным и резко выраженным негативным фоном (рис. 3а).

Основная масса сообщений пользователей социальной сети (73%) демонстрирует нейтральный характер общей оценки деятельности Петра I, чаще всего эти сообщения служат обмену текущей информацией по обсуждаемой проблеме (рис. 3б). Практически четвертая часть сообщений (26%) носит негативный характер, лишь в 1% сообщений пользователи демонстрируют исключительно позитивный фон в оценке деятельности императора. Но и это

незначительное количество сообщений с позитивным эмоциональным фоном занимает лишь первые позиции из девяти возможных, то есть пользователи весьма сдержанны в своих положительных оценках.

Обсуждение результатов

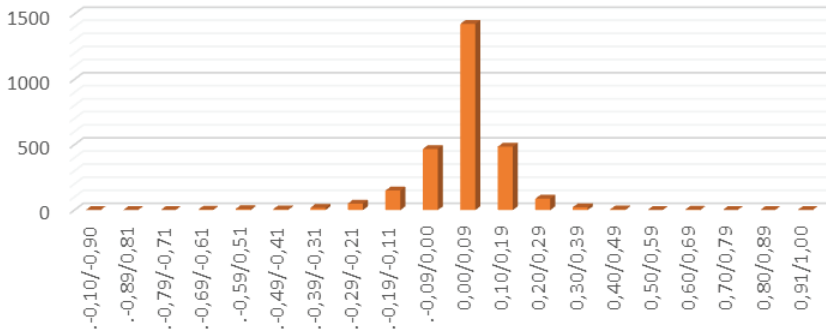
Сущность основополагающих принципов политического функционирования и развития России в период правления Петра I, оказывающих влияние на внутренние и внешние закономерности

Таблица 2

Распределение результатов оценки эмоционального фона сообщений пользователей социальной сети Twitter о Петре I

№	Эмоциональный фон слов	Диапазон эмоционального фона слов	Частота встречаемости слов
1.	Не представлен	-1.000 / -0.900 ⁶	0
2.	Не представлен	-0.900 / -0.800	0
3.	Ненормативная лексика	-0.703 / -0.704	2
4.	Экспрессивная лексика	-0.676 / -0.612	8
5.	Сверхнегативный	-0.593 / -0.510	6
6.	Негативный резко выраженный	-0.490 / -0.402	18
7.	Негативный выраженный	-0.398 / -0.300	50
8.	Негативный умеренный	-0.299 / -0.200	149
9.	Негативный незначительный	-0.199 / -0.100	468
10.	Нейтральный	-0.099 / -0.003	1425
11.	Нейтральный негативный	0.004 / 0.099	485
12.	Нейтральный позитивный	0.100 / 0.199	87
13.	Позитивный незначительный	0.201 / 0.291	22
14.	Позитивный умеренный	0.302 / 0.397	6
15.	Позитивный выраженный	0.401 / 0.500	1
16.	Позитивный резко выраженный	0.542 / 0.583	3
17.	Не представлен	0.600 / 0.700	0
18.	Не представлен	0.700 / 0.800	0
19.	Не представлен	0.800 / 0.900	0
20.	Не представлен	0.900 / 1.000	0

⁶ Автоматический подсчет десятичных знаков ведется в диапазоне до 10¹⁷. Для удобства восприятия предельные значения дробных величин округлены до тысячных значений.

а) Распределение эмоционального фона сообщений пользователей (по 20-балльной шкале)

б) Распределение эмоционального фона сообщений по трехбалльной шкале (%)

Рис. 3. Распределение эмоционального фона сообщений пользователей социальной сети Twitter о Петре I (оценки по разным шкалам)

развития государства, по мнению пользователей, можно определить как политику, неизменно ориентированную на достижение общегосударственных целей (в отличие от ориентации на интересы классовых, социальных или иных страт). Один из пользователей ярко характеризует данную позицию следующим образом: «один раз попал в Европу, Петр I навсегда заболел идеей жить как в Лондоне. С тех

пор эта мысль не дает России покоя».

С позиции реализации функций государства высокие положительные оценки пользователей получают экономическая, законодотворческая, международная, а также просветительская деятельность императора. Приведем примеры такого рода выдержек из сообщений: «...налоговую службу в России учредил», «распорядился создать “модель-каморы”⁷ при Адмиралтействе,

⁷ 3 января 1709 года Петр I издал указ об основании в Санкт-Петербурге при Адмиралтействе «Модель-каморы», предназначенной для сбора и хранения моделей отечественных и трофейных кораблей, орудий, знамен и других вещей, связанных с историей Российского флота.

где хранить модели и чертежи военных судов», «создал Российскую Империю», «заложил Российский флот», «вышла 1-я печатная газета о военных и иных делах», «315 лет назад подписал указ «О торговых речных судах»», «создал школы для детей» и т.д. *Резкой критике* подвергается качество реализации *социальных функций* государства, связанных с обеспечением общественного благополучия и повышением качества жизни населения в конкретно-исторических условиях развития России того периода. В качестве примера можно отметить следующее образное сообщение: «Сегодня мы поссорились с отцом из-за Петра I. Он утверждал, что тот наверняка в раю, потому что успел сделать очень многое для развития России. Но если Петр I после всех *своих деяний* попал в гипотетический рай, то я — марсианин».

Амбивалентное отношение пользователей социальных сетей вызывает принципиальная направленность политики Петра I на *техническое и экономическое развитие государства*, что ломало исторически сложившуюся культуру жизнедеятельности народа, его привычный уклад жизни, требовало болезненного отказа от традиционных («исконно русских») ценностей развития и угнетало этническое самосознание народа. Представим некоторые примеры сообщений противников модернизации, осуществленной императором: «Петр I — могильщик исконной Руси», «нация заболела “чужеумием”». Можно также обратить внимание на столь же эмоциональные высказывания его сторонников: «Петр I и правда лучший реформатор, сделавший Россию настоящим государством — с армией, флотом, правовым пространством» или же «Петр Первый из нас людей сделал».

Такого рода разногласия пользователей можно обнаружить и по частным вопросам, которые не отражают оценку деятельности

государства в целом. Вот примеры критических замечаний: «... Петр I повелел дворянам носить европейские костюмы, как и прочие меры внедрения *чуждой* моды в России». Важно указать и на различное отношение пользователей к одним и тем же фактам: «...обратите внимание на дату, нанесенную на люк — 7171 год! А потом Петр I *украд* у нас тысячи лет истории взмахом пера...» и тут же «...самый яркий праздничный день, который *подарил* нам Великий Петр Первый ровно 320 лет назад, это празднование Нового года!».

Со стороны пользователей социальной сети не вызывают упреков и оцениваются *чрезвычайно высоко* деятельность по укреплению *государственного суверенитета* России в мире и реализованная императором политика обеспечения внешнеполитической безопасности, которая была реализована на Руси в период его правления. В частности, в сети с гордостью отмечают, что в императорском Морском указе провозглашалось, что «все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги».

Легитимность правления Петра I среди пользователей социальных сетей в целом не вызывает сомнений, хотя иногда звучат конспирологические теории о его «подмене», нерусском (чаще немецком) происхождении и т.д. Такого рода мнения не достигают и 1% из общего объема текстов. В работе данный аспект представлен лишь с целью указать на его редкую, но все-таки представленность в сознании некоторых пользователей. Отразить данную позицию можно с помощью следующих высказываний: «В 1682-м на царство венчались одновременно Иван V и Петр I (единственный прецедент двойной коронации)», «Петр первый — подменный, Екатерина — немка».

Развитие государства, связанное с качественным изменением политиче-

ских, экономических, культурно-просветительских процессов, по мнению пользователей, позволило сделать Россию *сверхмощным* европейским государством. Данная позиция также оценивается *чрезвычайно положительно*. Среди пользователей распространены суждения следующего содержания: «...вывел страну на мировой уровень развития», «...улучшил промышленное производство», «...обеспечил технологическое превосходство», «...осуществил модернизацию армии и флота» и т.д. Усилить такие оценки можно, охарактеризовав их следующими выдержками из сообщений: «...для столь высоких достижений России был нужен Петр I с его железным стремлением к развитию и новизне», «...Петр I развивался сам, изучал науки в Европе и использовал полученные знания для развития всего государства», «...масштабы его свершений грандиозны» и т.д.

Внешилополитическая деятельность российского государства, характер его взаимодействия с другими субъектами системы международных отношений, отстаивание собственных интересов, развитие международных торговых и промышленных связей с Европой и азиатскими странами также получают высокие оценки и не содержат явных критических замечаний. В частности, пользователями отмечаются самые разные аспекты данной проблемы: «Петр I прорубил окно в Европу», «Мой город основал Петр I для создания металлургического производства и литья пушек для борьбы со Швецией». Встречаются оценки международной политики и более частного характера — «Петр I охотно брал на службу иностранцев. Начальник штаба русской армии Беннигсен был, фактически, французским подданным Наполеона».

Цели и задачи управления государством, реализованные Петром I, требо-

вали организационной целостности и согласованности *системы управления*. Пользователи отмечают, что путем создания необходимых социальных институтов и внедрения новых принципов управления императору удалось добиться решения многих важнейших задач внутреннего и внешнего развития государства. В этом отношении можно также выделить ряд сообщений: «...исторически только Петр I давал дворянство за ум, знания и заслуги перед государством...», «Петр I посылал сыновей бояр учиться за границу и не переживал, что они там останутся — имел рычаги давления», «Петр I считал, что воевод (губернаторов) больше 2-х лет нельзя на одном месте оставлять: ходы узнают, как воровать побольше» и т.д. Тем не менее система управления государством, трансформированная по требованиям Петра I, в силу ряда объективных и субъективных причин не являлась совершенной. К примеру, можно обратить внимание на типичные реплики пользователей: «...Меньшиков, второе лицо после Петра I, не умел читать и писать...», «...Суд было легко подкупить, даже высший...», «...коррупция расцвела пышным цветом...» и т.д.

Выводы

Феномен мемориальной памяти лежит в основе механизмов социальной самоидентификации личности и групп, реализуется через личностно значимые механизмы, а как следствие, выступает одним из важных факторов политического манипулирования политическим сознанием общества, что усиливает интерес представителей научного сообщества к анализу мемориальной памяти больших социальных групп.

Частотный анализ слов позволил подтвердить информацию о высокой оценке политической деятельности Петра I. Так, эмпирический анализ проблемы исследования позволяет утверждать, что образ Петра I получает высокую оценку в сфере политической деятельности (международной, военной, экономической, просветительской, законодательской и управленческой) и обусловлен его выдающимися достижениями как на международном, так и внутривнутриполитическом уровнях, что подтверждает теоретическую концепцию о тесной связи мемориальной памяти группы с ее *позитивным прошлым*.

Отдавая дань стремлению к улучшениям и позитивным изменениям в системе управления государством, развитие политических институтов при императоре оценивается не столь высоко и однозначно, в качестве неприемлемого пользователи указывают на «единоличное управление», «деспотизм», «попустительское отношение к “коррупции” среди чиновников высшего уровня (представителей своего ближнего окружения)» и т.д., что соотносится с эффектом запоминания *негативного* опыта группы.

Наибольшей критике подвергаются *социальные последствия* государственно-го управления императора, которые, по мнению пользователей, не были ориентированы на обеспечение прав и свобод человека (если трактовать эту позицию на языке современного понимания политических процессов).

Выявлены *крайне редкие* мнения о нелегитимном характере правления императора, которые не находят отклика у основной массы пользователей.

Если исходить из частотного анализа *эмоциональных фонов* сообщений, то можно отметить, что основная масса высказываний сосредоточена в диапазоне нейтральных и умеренно-негативных оценок, то есть не вызывает *насыщенных* эмоциональных переживаний (что свойственно оценке современников — пример с Маргарет Тэтчер), хотя и выступает «объединяющим историческое прошлое и современность» фактором [13], то есть находит отражение в политическом сознании современников.

Заключение

Общим выводом исследования может стать утверждение о том, что несмотря на чрезвычайно высокую оценку общеполитической, управленческой и экономической деятельности императора, основная масса высказываний пользователей сосредоточена в диапазоне нейтральных и умеренно-негативных оценок его правления, что можно определить как сдержанно-негативный эмоциональный фон отношения к нему. Последнее связано, в первую очередь, с негативной оценкой его *социальной политики*, а во вторую — с насильственным изменением *национальной идеологии* государства, которая характеризовалась отказом от культурных традиций и устоев российского общества того периода. Также целесообразно отметить значимость обращения к «цифровым» технологиям исследований, что связано как с перспективным развитием собственно научных технологий [7], так и с возможностью получения социально значимых знаний, релевантных обществу в целом [12].

Литература

1. Абакумова О.В., Величкова Л.В. Эмоциональная составляющая устной межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 4–13. DOI:10.17759/langt.2021080101

2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). С. 28–35.
3. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6(361). С. 132–137.
4. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 300 с.
5. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологический анализ образа Петра I (По материалам научной электронной библиотеки) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 57–68. DOI:10.31857/S020595920012589-3
6. Иванова И.А. Роль феномена «образ мира» в отечественной психологии // Вестник УРАО. № 1. 2011. С. 95–98.
7. Китова Д.А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 128–131. DOI:10.31857/S020595920004062-4
8. Ковтунова Ю.Р. Образ как объект исторического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 4. С. 91–93.
9. Нигматзянова А.А. Понятие политического сознания в современном обществе // Манускрипт. 2016. № 1(63). С. 115–118.
10. Поливаева Н.П. Об эволюции политического сознания в современном мире // Власть. 2008. № 6. С. 63–68.
11. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 503 с.
12. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с.
13. Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
14. Соснин В.А., Журавлев А.Л., Китова Д.А., Ковалева Ю.В., Смирнов А.А. Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 383 с.
15. Федотова Л.Н. Общественное мнение — весь народ или его часть? // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 2. С. 100–110.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3(40/41). С. 8–27.
17. Chidozie F.C., Aje O.O., Ogunmowo O.E. Political Consciousness and Governance in Africa // African Renaissance (1744-2532). 2020. Vol. 17. №. 4. P. 72–78. DOI:10.31920/2516-5305/2020/17N4A1
18. Kato H.A. Study of Political Consciousness and Communication Behavior in Urban Dwellers // Japanese Research on Mass Communication. University of Hawaii Press. 2021. P. 12–13.
19. Walker T. Service as a pathway to political participation: What research tells us // Applied Developmental Science. 2002. Vol. 6(4). P. 183–188. DOI:10.1207/S1532480XADS0604_4
20. Williams G. Political Consciousness among the Ibadan Poor 1 // Sociology and Development. Routledge, 2018. P. 109–140. DOI:10.4324/9781351030663-7

References

1. Abakumova O.V., Velichkova L.V. Emotsional'naya sostavlyayushchaya ustnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii [The emotional component of oral intercultural communication] [Elektronnyi resurs]. *Yazyk i tekst = Language and text*, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 4–13. DOI:10.17759/langt.2021080101 (In Russ.).

2. Vel'tser Kh. Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by [History, memory and the present of the past. Memory as an arena of political struggle]. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency reserve*, 2005. Vol. 2–3, no. 40–41, pp. 28–35. (In Russ.).
3. Dmitrieva O.O. Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh kontseptsii v otechestvennoi nauke [Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographic concepts in domestic science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2015. Vol. 6, no. 361, pp. 132–137. (In Russ.).
4. Emel'yanova T.P. Kollektivnaya pamyat' o sobyitiyakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [Collective memory of the events of Russian history: a socio-psychological approach]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2019. 300 p. (In Russ.).
5. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz obraza Petra I (Po materialam nauchnoi elektronnoi biblioteki) [Socio-psychological analysis of the image of Peter I (Based on the materials of the scientific electronic library)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2020. Vol. 41, no. 6, pp. 57–68. DOI:10.31857/S020595920012589-3 (In Russ.).
6. Ivanova I.A. Rol' fenomena «obraz mira» v otechestvennoi psikhologii [The role of the phenomenon “image of the world” in domestic psychology]. *Vestnik URAO = Bulletin of the URAO*, 2011, no. 1, pp. 95–98. (In Russ.).
7. Kitova D.A. Otechestvennaya psikhologiya v usloviyakh razvitiya global'nykh protsessov [Domestic psychology in the context of the development of global processes]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2019. Vol. 40, no. 2, pp. 128–131. DOI:10.31857/S020595920004062-4 (In Russ.).
8. Kovtunova Yu.R. Obraz kak ob"ekt istoricheskogo issledovaniya [Image as an object of historical research]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 2014. Vol. 14, no. 4, pp. 91–93. (In Russ.).
9. Nigmatzyanova A.A. Ponyatie politicheskogo soznaniya v sovremennom obshchestve [The concept of political consciousness in modern society]. *Manuskript = Manuscript*, 2016. Vol. 1, no. 63, pp. 115–118. (In Russ.).
10. Polivaeva N.P. Ob evolyutsii politicheskogo soznaniya v sovremennom mire [About the evolution of political consciousness in the modern world]. *Vlast' = Power*, 2008, no. 6, pp. 63–68. (In Russ.).
11. Psikhologicheskie issledovaniya global'nykh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy [Psychological research of global processes: preconditions, trends, prospects]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2018. 448 p. (In Russ.).
12. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnyie bazy [Psychological research in the Internet space: search engines, social networks, electronic databases]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2020. 503 p. (In Russ.).
13. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. [Historical science at the turn of XX–XXI centuries]. Moscow: Publ. «Krug», 2011. 560 p. (In Russ.).
14. Sosnin V.A., Zhuravlev A.L., Kitova D.A., Kovaleva Yu.V., Smirnov A.A. Psikhologicheskie faktory razvitiya geopoliticheskikh otnoshenii: sub"ekty, mekhanizmy, tendentsii [Psychological factors in the development of geopolitical relations: subjects, mechanisms, trends]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2020. 383 p. (In Russ.).
15. Fedotova L.N. Obshchestvennoe mnenie – ves' narod ili ego chast'? [Public opinion – the whole people or a part of it?]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2011. Vol. 2, no. 2, pp. 100–110. (In Russ.).
16. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency reserve*, 2005. Vol. 2/3, no. 40/41, pp. 8–27. (In Russ.).

17. Chidozie F.C., Aje O.O., Ogunnowo O.E. Political Consciousness and Governance in Africa. *African Renaissance* (1744-2532), 2020. Vol. 17, no. 4, pp. 72–78.
18. Kato H. A Study of Political Consciousness and Communication Behavior in Urban Dwellers. *Japanese Research on Mass Communication*, 2021, no. 10, pp. 12–13.
19. Walker T. Service as a pathway to political participation: What research tells us. *Applied Developmental Science*, 2002. Vol. 6, no. 4, pp. 183–188.
20. Williams G. Political Consciousness among the Ibadan Poor. *Sociology and Development*, 2018, no. 1, pp. 109–140.

Информация об авторах

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru.

Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Information about the authors

Anatoly L. Zhuravlev, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Dzhuletta A. Kitova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Получена 13.06.2021

Принята в печать 27.07.2021

Received 13.06.2021

Accepted 27.07.2021

Чем гордится и чего стыдится молодежь в России? Роль базовых индивидуальных ценностей

Неврюев А.Н.

**ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: ANNevryuev@fa.ru

Сычев О.А.

**ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ), г. Бийск, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Сариева И.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Цель. Анализ взаимосвязи причин для гордости и стыда за страну у молодежи с разными ценностными ориентациями.

Контекст и актуальность. В последнее десятилетие наметился некоторый тренд на несогласие в обществе по ключевым вопросам культурной и политической повестки. Как правило, его связывают с ценностными различиями между поколениями, но не рассматривают различия в самих ценностях у одного поколения. В данной работе будет проанализировано, что вызывает чувства гордости и стыда и как это связано с ценностями одной из возрастных категорий — молодежи.

Дизайн исследования. Данные, полученные в результате опроса, были проанализированы с помощью факторного и корреляционного анализа, а также многомерного шкалирования. Представлена структура причин для гордости и стыда у российской молодежи, а также взаимосвязь полученных факторов с различными ценностями.

Участники. Выборку составили 402 российский студента в возрасте от 17 до 25 лет ($M=18,6$; $SD=1$), из них 31% мужчин.

Методы (инструменты). Русскоязычная сокращенная версия опросника Ш. Шварца и модифицированные утверждения о гордости и стыде из исследований Левада-Центра¹.

Результаты. Было установлено, что причины для гордости формируют 4 фактора, а причины для стыда — 5. Полученные факторы по-разному связаны с тремя ценностями: сохранения, открытости изменениям и самопреодоления. Структура факторов и взаимосвязь с ценностями подробно рассмотрены в статье.

Основные выводы. Ценности сохранения, открытости изменениям и самопреодоления связаны с тем, какие факторы причин для гордости и стыда значимы для молодых людей.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, стыд, гордость.

¹ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Для цитаты: Неврюев А.Н., Сычев О.А., Сариева И.Р. Чем гордится и чего стыдится молодежь в России? Роль базовых индивидуальных ценностей // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 3. С. 38–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120304>

What are Young People in Russia Proud and Ashamed of? The Role of Basic Personal Values

Andrey N. Nevryuev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: ANNevryuev@fa.ru

Oleg A. Sychev

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irena R. Sarieva

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Objective. *Analysis of the relationship between the reasons for pride and shame of the country among young people with different value orientations in Russia.*

Background. *In the last decade, there has been a certain trend towards disagreement in society on key issues of the cultural and political agenda. As a rule, the split is associated with value differences between generations, but differences in values themselves in one generation are not considered. This paper will analyze what causes feelings of pride and shame and how this relates to the values of one of the age categories – youth.*

Study design. *The data obtained as a result of the survey were analyzed using factor and correlation analysis, as well as multidimensional scaling. The structure of reasons for pride and shame among Russian youth is presented, as well as the relationship of the obtained factors with different values.*

Participants. *The sample consisted of 402 Russian students aged 17 to 25 ($M=18.6$; $SD=1$), of which 31% were men.*

Measurements. *Russian-language abridged version of Sh. Schwartz's questionnaire and modified statements about pride and shame from the research of the Levada Center².*

Results. *It was found that the reasons for pride formed 4 factors, and the reasons for shame – 5. The resulting factors are differently linked with three values: conservation, openness to change and self-transcendence. The structure of factors and the relationship with values are discussed in detail in the article.*

Conclusions. *The values of conservation, openness to change and self-transcendence are linked to which factors of reason for pride and shame of the country are relevant to young people.*

Keywords: *values, value orientations, shame, pride.*

For citation: Nevryuev A.N., Sychev O.A., Sarieva I.R. What are Young People in Russia Proud and Ashamed of? The Role of Basic Personal Values. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 38–58. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120304> (In Russ.).

² From 05.09.2016 Levada-Centre has been added to the registry of NPOs that are considered foreign agents.

Введение

За последнее десятилетие в России регистрируют раскол в общественном мнении по важным социально-политическим вопросам и оценке того, куда в целом движется наша страна [6]. Социологи отмечают, что начиная с реформенного поколения, взросление которого происходило после распада СССР, происходят изменения ценностей и представлений о мире [8]. Социологические опросы показывают, что молодежь путинской эпохи значительно отличается от предыдущих поколений. Это более технологически развитое, цифровое поколение, которое часто откладывает взросление на потом [8]. Они меньше доверяют политикам, более положительно относятся к протестам и оппозиции власти и имеют несколько иные ценности, чем старшие поколения [4].

Исследование Фонда Фридриха Эберта и Левада-Центра³ [1] помогло создать портрет современной молодежи в возрасте от 14 до 29 лет в 2020 году. По результатам данного исследования, главными ценностями молодых россиян являются права человека (76%), безопасность (57%) и работа (52%). Около половины (45%) считают, что демократия — оптимальная модель для России, и чуть больше половины (51%) отмечают, что оппозиция необходима. При этом 63% молодых людей в возрасте 18–24 лет, которые родились после распада СССР, согласны с идеей о том, что советская эпоха была лучшим временем в истории нашей страны, тогда как 37% не согласны или затруднились ответить [14].

В процессе политической социализации возраст 17–25 лет является ключевым для формирования политических

аттитюдов [21] и называется «впечатлительными годами», а возраст 21–22 года некоторые исследователи отмечают как пик сензитивности человека к различным политическим событиям [19]. Результаты исследований говорят о том, что кризисные и трансформирующие события, которые происходят в жизни граждан в данный возрастной период, могут способствовать формированию воспоминаний, определяющих все поколение [25]. Таким образом, изучение особенностей внутри молодого поколения является важной задачей для понимания отношения данной группы к различным событиям не только в момент проведения исследования, но и в будущем.

Исследователи отмечают, что российская молодежь неоднородна. Например, В. Радаев отмечает, что в поколении миллениалов существуют различия между городским и сельским населением, а также деление на «старших» миллениалов (рожденных в 1982–1990 гг.) и «младших» (рожденных в 1991–2000 гг.). В качестве основы для различия выделяют присутствие смартфонов, социальных сетей и спад экономики в момент подростковой социализации у «младших» миллениалов. Так, «старшие» миллениалы ближе к реформенному поколению, в то время как «младшие» миллениалы — к зумерам (поколению, рожденному после 2000 года). «Младшие» в целом более образованы, более привержены здоровому образу жизни и культурным занятиям и с большим оптимизмом смотрят в будущее [9; 10; 11].

На неоднородность взглядов молодежи указывают данные социологических опросов. Например, 53% молодых людей в возрасте 18–24 лет считают, что Рос-

³ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

сия должна идти своим особенным путем, в то время как 21% и 18% отмечают, что страна должна ориентироваться на путь европейских стран или Советского Союза соответственно [14]. Среди данного поколения 53% хотели бы переехать за границу на постоянное место жительства (максимальный показатель с 2009 года), а остальные предпочли бы остаться в стране [17]. Данные результаты говорят о том, что примерно пополам разделена молодежь в своем намерении связать будущее с Россией и понимании того, куда должна двигаться страна.

Различия внутри одного поколения могут объясняться различными факторами: психологическими, социальными и экономическими [5; 16]. Основным исследовательским вопросом данной работы является: с чем взаимосвязано разное отношение к общественным событиям среди молодежи. В данной работе предлагается рассмотреть ответ на исследовательский вопрос с точки зрения ценностей. В рамках ценностного подхода будет рассматриваться классическая теория базовых ценностей Ш. Шварца.

Шварц предположил, что ценности человека — это некоторый мотивационный континуум, который определяется базовыми условиями человеческого существования, а именно потребностями организма, стремлением к социальным взаимодействиям и потребностью в принадлежности. В рамках данной теории 19 базовых ценностей были категоризированы по принципу ориентации на: 1) личную или социальную выгоду, 2) рост и саморазвитие или избегание тревожности, 3) открытость к изменениям или сохранение статуса-кво и 4) направленность на собственное благо или благо других. В результате эти ценности на базе описанной выше категоризации формируют 4 ценности более высокого порядка: сохранения, открытости к новым

изменениям, самоутверждения и самопреодоления. С точки зрения данной теории эти ценности помимо других функций выполняют роль стандартов и критериев для оценки событий и влияют на поведение человека [16; 27].

Преыдущие исследования взаимосвязи отношения к стране и общественным вопросам и ценностей у российской молодежи показывают, что ценности сохранения положительно связаны с мнением о том, что: 1) частная собственность может быть изъята государством в случае необходимости, 2) элита является ценным элементом общества, 3) патриотизм — это главное, что необходимо современной России, 4) религия должна стать основой для национальной идеи, 5) оппозиция действует вопреки интересам России и 6) причиной бед нашей страны являются внутренние и внешние враги. Открытость к изменениям, в свою очередь, связана с данными представлениями отрицательно [15]. Таким образом, ценностные ориентации могут быть связаны с отношением к различным событиям и явлениям внутри одного поколения.

В психологии отношение к различным событиям может измеряться не только в контексте отношения к конкретным событиям и группам, как было описано выше, но и с точки зрения эмоций, которые эти события вызывают [20]. Так, основными социальными эмоциями, которые изучаются, являются гордость и стыд. Данные эмоции сильно связаны с идентичностью человека и необходимостью поддерживать ее позитивной [22]. Другими словами, для поддержания положительного образа своей группы (например, россияне) у человека может формироваться определенное отношение к тем или иным событиям. Так, коллективная гордость связана с положительно оцениваемыми действиями и качествами

группы, так как позволяет повысить самооценку [28] (например, победа на чемпионате мира по фигурному катанию).

Стыд, в свою очередь, может рассматриваться как угроза связи со своей собственной группой и ее целостности [23]. Так, например, в исследовании британских граждан оценка гипотетической бомбардировки ядерных объектов Ирана как незаконной повышала стыд за свою группу и повышала готовность к протестам по этому поводу и поддержку выплат компенсаций Ирану [24]. Другими словами, для повышения позитивности образа своей группы респонденты при чувстве стыда за действия страны скорее были готовы исправить ошибки. Таким образом, гордость и стыд за страну являются важными факторами формирования и развития связи со своей гражданской идентичностью [18].

По данным социологических опросов, у россиян может быть целый спектр оснований для стыда и гордости. По состоянию на 2018 год среди поводов для гордости россияне называют победу в Великой Отечественной войне (83%), ведущую роль страны в освоении космоса (50%) и возвращение Крыма в состав Российской Федерации (45%), а среди причин для стыда: бедность при том, что страна великая (54%), разрушение СССР (45%), а также грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу (37%) и т.д. [2]. Различия в называемых причинах для гордости и стыда могут быть связаны с индивидуальными ценностями респондентов.

Таким образом, целью данного исследования является анализ стыда и гордости за свою страну у молодежи в пространстве ценностных координат. Данное исследование является поисковым и не имеет конкретных гипотез.

Методы

Выборка и процедура

В исследовании приняли участие 402 студента университетов г. Москвы в возрасте от 17 до 25 лет ($M=18,6$; $SD=1$), из них 31% мужчин. Опрос проводился онлайн в период с марта по апрель 2019 года. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

Методики

Ценности. Для оценки базовых ценностей использовалась сокращенная версия ценностного опросника Ш. Шварца (PVQ-21) [26] из анкеты Европейского социального исследования [3]. Методика включает в себя 21 пункт и позволяет оценить 10 базовых ценностей, а также четыре ценности высшего порядка: ценности открытости изменениям (коэффициент α -Кронбаха составил 0,77), ценности сохранения ($\alpha=0,62$), ценности самоутверждения ($\alpha=0,74$) и ценности самопреодоления ($\alpha=0,67$). При анализе данных использовались только ценности высшего порядка, показавшие приемлемую для исследовательских целей внутреннюю согласованность. Общие показатели по этим шкалам в соответствии с рекомендациями Ш. Шварца [26; 27] были центрированы для контроля систематических ошибок в ответах, связанных с тенденцией выражать согласие со всеми предложенными утверждениями.

Стыд и гордость за страну. Стыд и гордость за свою страну оценивались с помощью модифицированных утверждений, сформулированных на основе вопросов, ранее неоднократно применявшихся в исследованиях Левада-Центра⁴ [7]. Респондентам предлагалось оценить,

⁴ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

в какой степени то или иное событие вызывает чувство гордости или стыда по пятибалльной шкале Ликерта, где 1 — в наименьшей степени, а 5 — в наибольшей степени (варианты ответов см. в табл. 1 и 2). Данная методика была выбрана, так как содержит в себе как известные исторические события, так и события текущей повестки (см. Приложение).

Методы статистической обработки данных

Для анализа структуры представлений о причинах для гордости и стыда за свою страну в среде разработки R проводился эксплораторный факторный анализ методом минимальных остатков с облическим вращением факторов (метод вращения «oblimin»). Для снижения размерности и визуализации пространства представлений о причинах для гордости и стыда использовалось многомерное шкалирование (неметрическое многомерное шкалирование по стандартизованным оценкам с Евклидовым расстоянием с помощью алгоритма PROXCAL в программе SPSS 23). Для установления связи между ценностями, с одной стороны, и причинами для гордости и стыда, с другой, использовался корреляционный анализ.

Результаты

Относительная важность различных причин для гордости и стыда за свою страну

С целью оценки относительной важности разных причин для гордости и стыда за свою страну были вычислены средние значения оценок и их доверительные интервалы, в наглядной форме представленные на рис. 1.

Из представленных на рис. 1 результатов следует, что к числу наиболее важных причин для гордости за свою страну у мо-

лодежи относятся (в порядке убывания важности): «Великая русская литература», «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ведущая роль страны в освоении космоса», «Достижения российской науки» и «Великие русские путешественники, первопроходцы». Наименее важными причинами для гордости из предложенных выступают: «Подвижничество русских святых», «Перестройка, начало рыночных реформ», «Стабилизация положения страны при Владимире Путине, рост экономики», «Возвращение Крыма в состав Российской Федерации», «Передовой строй, советское бесклассовое общество».

К числу наиболее важных причин для стыда за свою страну относятся: «Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу», «Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности», «Репрессии, террор, выселение народов в 20–50-е годы», «Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть», «Хроническое отставание от Запада». Наименее важными причинами для стыда оказались: «Дух русской вольницы, свободолюбие», «Военные поражения России», «Гонения на церковь», «Разрушение СССР».

Факторная структура представлений о причинах для гордости и стыда за свою страну

Результаты анализа факторной структуры представлений о причинах для гордости за свою страну приведены в табл. 1. О пригодности этих данных для факторного анализа свидетельствуют значения критериев Бартлетта ($\chi^2(120)=2324.04$, $p<0.001$) и Кайзера-Мейера-Олкина (КМО=0.89).

Первый фактор преимущественно объединяет геополитические, военные и социально-экономические успехи стра-

Рис. 1. Средние оценки причин для гордости и стыда за свою страну: горизонтальные отрезки указывают на границы 95%-ного доверительного интервала, полные формулировки причин см. в табл. 1 и 2

Таблица 1

**Результаты эксплораторного факторного анализа поводов для чувства
гордости за свою страну**

Причины для гордости за свою страну	Факторные нагрузки (pattern coefficients)			
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	0,30	-0,01	0,55	-0,11
Ведущая роль страны в освоении космоса	0,10	-0,12	0,62	0,23
Возвращение Крыма в состав Российской Федерации	0,83	-0,07	0,00	0,05
Великая русская литература	-0,20	0,17	0,44	0,34
Достижения российской науки	0,12	0,02	0,03	0,77
Слава русского оружия	0,63	0,00	0,16	0,05
Моральные качества русского человека — простота, терпение, стойкость	0,33	0,31	-0,03	0,30
Превращение страны в советские времена в одну из ведущих промышленных держав в мире	0,43	0,24	0,26	-0,09
Великие русские путешественники, первопроходцы	-0,11	0,33	0,37	0,27
Стабилизация положения страны при Владимире Путине, рост экономики	0,64	0,08	0,01	0,12
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	0,17	0,40	0,44	-0,13
Передовой строй, советское бесклассовое общество	0,48	0,15	0,06	0,01
Подвижничество русских святых	0,48	0,43	-0,10	-0,07
Дух русской вольницы, свободолюбие	0,05	0,67	0,01	0,04
Нравственный авторитет русской интеллигенции	-0,06	0,68	-0,01	0,09
Перестройка, начало рыночных реформ	0,14	0,42	-0,03	-0,03
Собственные значения	2,87	2,15	1,66	1,18
Доля объясняемой дисперсии	0,18	0,13	0,10	0,07
Корреляции между факторами				
Фактор 1	1	0,61	0,45	0,30
Фактор 2	0,61	1	0,50	0,36
Фактор 3	0,45	0,50	1	0,50
Фактор 4	0,30	0,36	0,50	1

Примечание: факторные нагрузки, равные или превышающие 0,4 по модулю, выделены жирным шрифтом.

ны, хотя в него также вошли достижения в духовной сфере — подвижничество рус-

ских святых. Второй фактор включает различные достижения и качества, свя-

занные со стремлением к свободе (свободолюбие, Перестройка), куда закономерно входит также нравственный авторитет русской интеллигенции, выступавшей в России со времен декабристов и до конца Перестройки авангардом в борьбе за свободу, против тоталитаризма.

Третий фактор объединяет культурные достижения русского народа в литературе и освоении космоса, а также победу в Великой Отечественной войне и борьбу с татаро-монгольским игом. Близкий к третьему (судя по корреляциям) четвертый фактор включает только научные достижения России, демонстрируя при этом невысокие, но положительные факторные нагрузки (0,27-0,34) по таким причинам для гордости, как великая русская литература, моральные качества русского человека и великие русские путешественники.

В ходе факторного анализа представлений о причинах для стыда было получено пятифакторное решение, представленное в табл. 2. Пригодность данных для факторного анализа подтверждается значениями критериев Бартлетта ($\chi^2(105)=1631.13, p<0.001$) и Кайзера-Мейера-Олкина (КМО=0.81).

Первый фактор включает суждения о негативных качествах русских людей («Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу», «Наша косность, инертность, лень») и власти («Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть»). Второй фактор объединяет суждения историко-политического характера, отражающие негативную оценку некоторых фактов истории нашей страны, связанных с авторитаризмом российского общества («Репрессии, террор, выселение народов в 20–50-е годы», «Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду», «Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам»).

Третий фактор включает два суждения с противоположным знаком: с положительным знаком «Приход Владимира Путина к власти» и с отрицательным знаком «Гонения на церковь». Это означает, что для лиц, считающих гонения на церковь существенной причиной для стыда за свою страну, не свойственно рассматривать как причину для стыда приход Путина к власти (и наоборот).

Четвертый фактор охватывает два суждения, характеризующие отношение к советскому периоду истории нашей страны: «Разрушение СССР» и «То, во что в конце концов вылилась Перестройка». В пятый фактор вошли две причины для стыда, отражающие авторитарные и милитаристские представления: «Дух русской вольницы, свободолюбие» и «Военные поражения России».

Связь гордости и стыда за страну с особенностями ценностной сферы

Для изучения связи гордости и стыда за свою страну с базовыми ценностями личности был выполнен корреляционный анализ (табл. 3). С ценностями сохранения статистически значимую умеренную корреляцию показали первые два фактора причин для гордости. Первый из них, продемонстрировавший умеренную по величине прямую корреляцию, отражает гордость геополитическими, военными и социально-экономическими успехами страны. Важно, что данный фактор одновременно показывает обратную связь с ценностями открытости изменениям, что позволяет с уверенностью говорить о его смещении по ценностной оси «сохранение-открытость изменениям» в сторону полюса ценности сохранения. Второй фактор, отражающий гордость за свободолюбие, интеллигенцию и перестройку, показал лишь слабую корреляцию с ценностями

Таблица 2

**Результаты эксплораторного факторного анализа поводов для чувства
стыда за свою страну**

Причины для стыда за свою страну	Факторные нагрузки (pattern coefficients)				
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности	0,28	0,28	0,18	0,28	-0,28
Разрушение СССР	-0,06	-0,06	-0,04	0,76	0,04
Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу	0,82	-0,04	-0,06	-0,02	0,02
Хроническое отставание от Запада	0,36	0,10	0,29	0,13	-0,19
То, во что в конце концов вылилась Перестройка	0,10	0,29	0,11	0,46	-0,09
Репрессии, террор, выселение народов в 20–50-е годы	0,15	0,49	-0,06	0,01	-0,08
Наша косность, инертность, лень	0,64	0,18	-0,11	0,01	0,07
Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть	0,41	0,28	0,16	0,00	-0,22
Гонения на церковь	-0,11	0,27	-0,47	0,16	0,37
Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду	0,07	0,68	-0,01	0,00	0,01
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	0,08	0,51	0,26	-0,13	0,09
Приход Владимира Путина к власти	-0,14	0,11	0,71	0,02	0,12
Национальное высокомерие	0,33	0,15	0,33	-0,11	0,32
Дух русской вольницы, свободолюбие	0,03	0,03	0,19	0,07	0,55
Военные поражения России	0,14	-0,17	0,01	0,39	0,44
Собственные значения	2,01	1,74	1,23	1,13	0,96
Доля объясняемой дисперсии	0,13	0,12	0,08	0,08	0,06
	Корреляции между факторами				
Фактор 1	1	0,64	0,25	0,25	0,04
Фактор 2	0,64	1	0,16	0,17	0,02
Фактор 3	0,25	0,16	1	-0,07	-0,11
Фактор 4	0,25	0,17	-0,07	1	0,25
Фактор 5	0,04	0,02	-0,11	0,25	1

Примечание: факторные нагрузки, равные или превышающие 0,4 по модулю, выделены жирным шрифтом.

сохранения при отсутствии связи с ценностями открытости изменениям.

Третий фактор, охватывающий гордость достижениями в литературе и освоении космоса, победой в Великой Отечественной войне и борьбой с татаро-монгольским игом, показал слабую, но статистически значимую прямую связь с ценностями самопреодоления, что свидетельствует о сочетании подобной гордости с альтруистическими, гуманистическими ценностями. Четвертый фактор гордости за свою страну не показал статистически значимых связей с базовыми ценностями.

Рассматривая корреляции факторов причин для стыда с базовыми ценностями, прежде всего, можно отметить наличие большего числа взаимосвязей между ними. Первые два фактора демонстрируют сходный паттерн корреляций: обратные связи с ценностями сохранения и прямые — с ценностями самопреодоления. Эти факторы отражают негативные представления о качествах русских людей, власти и авторитарном историческом прошлом страны.

Третий фактор, отражающий стыд за приход В.В. Путина к власти и от-

сутствие стыда за гонения на церковь, показал обратную связь с ценностями сохранения и прямую — с ценностями открытости изменениям, что позволяет с уверенностью говорить о его смещении по ценностной оси «ценности сохранения—ценности открытости изменениям» в сторону последних.

Четвертый и пятый факторы, отражающие негативное отношение к Перестройке, развалу СССР, свободолюбию и военным поражениям, продемонстрировали следующие корреляции: наличие прямых связей с ценностями сохранения и обратных — с ценностями открытости изменениям.

С целью визуализации расположения различных причин для гордости за страну в пространстве ценностных измерений было выполнено многомерное шкалирование (рис. 2). Многомерное шкалирование в данном случае помимо наглядного представления соотношения ценностей и причин для гордости позволяет также преодолеть затрудняющее интерпретацию результатов разделение двух ценностных осей на четыре шкалы. Величина нормализованного стресса, характеризую-

Таблица 3

Корреляции обобщенных причин для гордости и стыда за страну с базовыми индивидуальными ценностями

Обобщенные факторы гордости и стыда за свою страну	Ценности сохранения	Ценности открытости изменениям	Ценности самоутверждения	Ценности самопреодоления
Гордость-фактор 1	0,26***	-0,19***	-0,01	-0,10
Гордость-фактор 2	0,13**	-0,06	-0,06	-0,05
Гордость-фактор 3	0,00	-0,07	-0,02	0,13**
Гордость-фактор 4	-0,07	0,03	0,00	0,08
Стыд-фактор 1	-0,15**	-0,01	0,01	0,22***
Стыд-фактор 2	-0,16**	0,02	-0,03	0,22***
Стыд-фактор 3	-0,23***	0,18***	0,00	0,08
Стыд-фактор 4	0,13**	-0,14**	-0,05	0,05
Стыд-фактор 5	0,30***	-0,22***	-0,05	-0,08

Примечания: статистическая значимость коэффициентов: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

ющего долю различий между объектами, не учтенную в данной модели, составила для двумерного решения 0,026, что свидетельствует о его приемлемости.

В соответствии с ожиданиями, основанными на теории базовых индивидуальных ценностей, ценностные шкалы в результате анализа образовали две оси пространства ценностей, внутри которого расположились различные причины для гордости за страну. Выделенные выше факторы гордости образовали в двумерном пространстве почти не пересекающиеся области (на рисунке они обозначены эллипсами), при этом об-

ласть, соответствующая первому фактору (на рисунке обозначена круглыми метками), оказалась расположенной целиком в правой половине ценностного пространства, приближаясь к ценностям сохранения. Следовательно, результаты корреляционного анализа и многомерного шкалирования позволяют сделать вывод о том, что первый фактор включает причины для гордости за страну, основанные на ценностях сохранения.

Два других фактора в ценностном пространстве оказались расположены ближе к центру и примерно равноудаленно от каждого из ценностных полю-

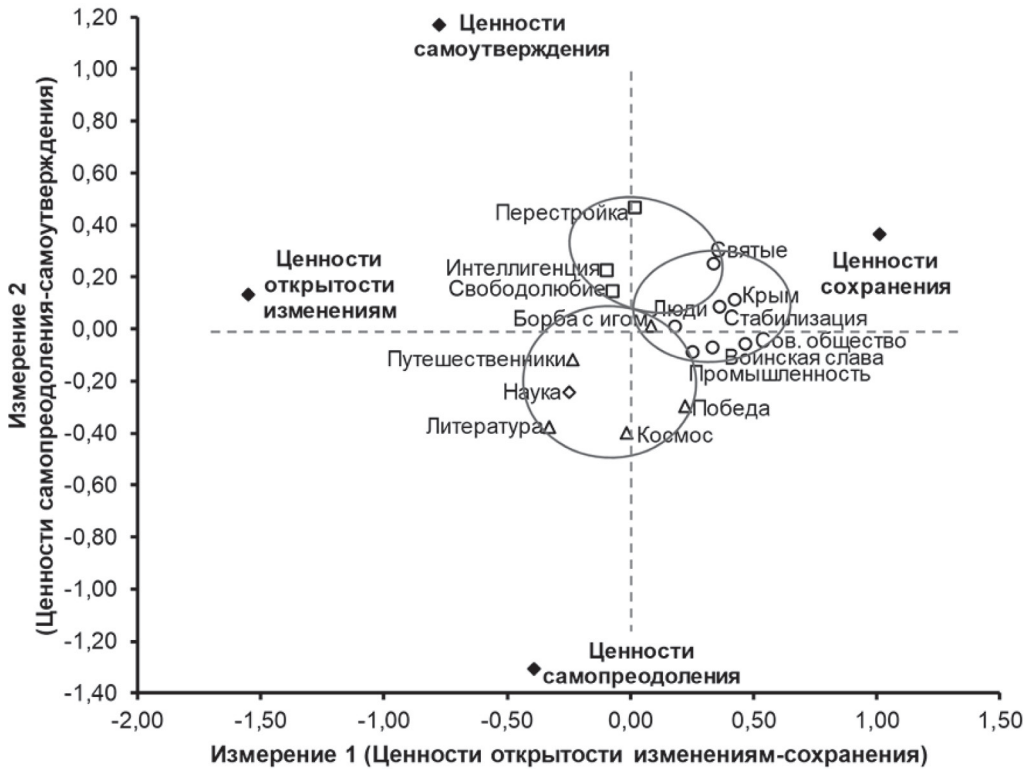

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования поводов для чувства гордости за свою страну в пространстве ценностных измерений: форма точек отражает принадлежность к разным факторам, ромбы с черной заливкой соответствуют ценностным шкалам

сов. Можно отметить лишь тот факт, что к ценностям самопреодоления оказались ближе всего два объекта третьего фактора — «Великая русская литература» и «Ведущая роль страны в освоении космоса», в то время как к ценностям самоутверждения наиболее близким оказался элемент из второго фактора — «Перестройка, начало рыночных реформ».

Результаты многомерного шкалирования причин для стыда и базовых ценностей также указывают на приемлемость двумерного решения: нормализованный простой стресс составил 0,012. В двумерном пространстве первые два фактора, отражающие негативные пред-

ставления о жителях России, власти и авторитарном прошлом страны, оказались перемешаны (круги и квадраты на рис. 3), располагаясь при этом в левой части диаграммы ближе к ценностям открытости изменениям.

Третий фактор, включающий две причины для стыда с противоположным знаком (на рис. 3 обозначен черными точками), оказался разорванным — гонения на церковь прилегают к полюсу консервативных ценностей, в то время как приход к власти В.В. Путина располагается между ценностями открытости изменениям и ценностями самопреодоления. Причины для стыда, образующие

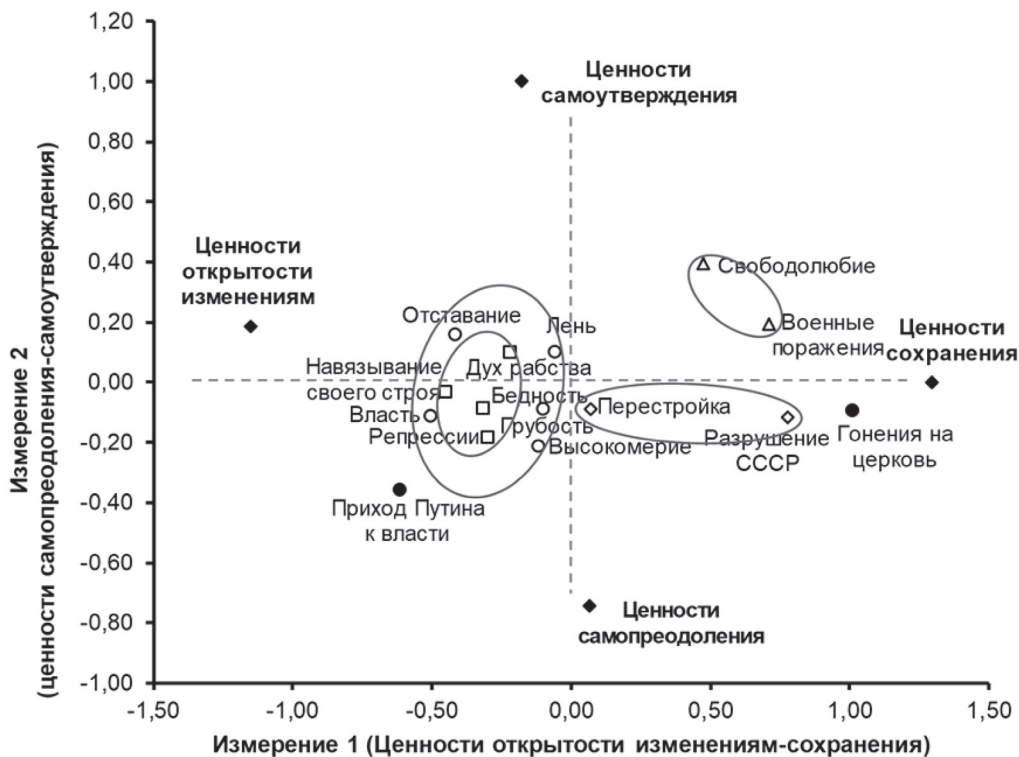

Рис. 3. Результаты многомерного шкалирования поводов для чувства стыда за свою страну в пространстве ценностных измерений: форма и заливка точек отражают принадлежность к разным факторам, ромбы с черной заливкой соответствуют ценностным шкалам

четвертый (белые ромбы на рис. 3) и пятый (треугольники на рис. 3) факторы, находятся ближе к ценностям сохранения. Таким образом, конфигурации причин для гордости и стыда, полученные в ходе многомерного шкалирования, подтверждают результаты проведенного корреляционного анализа и наглядно демонстрируют важность ценностной оси «ценности сохранения—ценности открытости изменениям».

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования были проанализированы наиболее и наименее важные причины для стыда и гордости за страну у молодежи и изучена их факторная структура и взаимосвязь факторов с ценностями.

Результаты проведенного анализа показали, что среди молодежи наиболее важными причинами для гордости за свою страну являются: великая русская литература, победа в Великой Отечественной войне и ведущая роль страны в освоении космоса, что соотносится с результатами Левада-Центра⁵ по общей выборке. При этом у молодежи в данном исследовании есть отличия от общей выборки в плане приоритизации причин для гордости: для молодежи на первом месте среди причин стоит великая русская литература, тогда как по общей выборке на первых строчках стоит победа в ВОВ, а также возвращение Крыма в состав Российской Федерации. При этом для молодежи возвращение Крыма не входит в число важных причин для гордости.

Это может быть связано с тем, что для старшего поколения, которое помнит, что Россия и Крым до 1991 года были частью одного государства — СССР, это событие обладает большей значимостью, чем для тех, кто родился после 1991 года. Высокая позиция величия русской литературы как причины для гордости у людей в возрасте от 18 до 25 лет может объясняться тем, что они не так давно получили среднее и/или высшее образование, и информация о культурных достижениях легко актуализируется у них в памяти и является поводом для гордости.

Различия между молодежью в данном исследовании и общей выборкой в опросах Левада-Центра⁶ сохраняются и в контексте приоритизации причин для стыда. Важнейшими поводами для стыда у молодых людей являются грубость нравов и хамство, бедность и репрессии в 1920—50-е годы, тогда как по общей выборке вместо репрессий в качестве важной причины для стыда фигурирует разрушение СССР. Для молодежи эта причина позиционируется как одна из наименее важных. Бедность и хамство являются универсальными причинами для стыда.

Этот результат может быть связан с тем, что за последние 10 лет исследователи фиксируют повышение значимости ценности универсализма (толерантности, заботы о других, заботы о природе) [13]. Молодые люди, которые родились после распада СССР, не видят в этом событии большого повода для стыда, в отличие от общей выборки, где большая часть людей помнит СССР. Соответственно, молодежь может более трезво относиться к репрессиям этого периода,

⁵ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁶ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

поскольку смотрит на историю СССР более отстраненно.

Это также может быть связано с тем, что в целом по выраженности ценности открытости к изменениям мы уступаем большинству стран, и, возможно, в поколении 18–25-летних происходит постепенное выравнивание в долях по данной оси [12]. Таким образом, поколение в возрасте 18–25 лет может являться более трансформационным по своим ценностям, чем предыдущее поколение «старших» миллениалов, что соотносится с предыдущими исследованиями [10; 11].

Факторная структура причин для гордости и стыда показала, что причины для гордости формируют 4 фактора, а причины для стыда — 5. Логика выделения факторов для гордости определяется следующими категориями: гордость за страну-великую державу (фактор 1), гордость за выдающихся русских и советских людей (фактор 2), гордость за вклад страны в мировую историю и культуру (фактор 3) и гордость за отечественную науку как отдельно стоящее достижение (фактор 4). Такой результат условно описывает то, какие мы и какая страна, какова наша роль (действия). Отдельно стоит отметить российскую науку, которая выделялась в отдельный фактор, возможно, из-за специфики формулировки, отделяющей российскую науку от советской.

Полученная факторная структура причин для стыда может формироваться в логике негативной оценки некоторых характеристик и действий группы. Два фактора связаны с характеристиками гражданской идентичности: один фактор отражает стыд за негативные черты россиян (фактор 1), а другой — стыд за недисциплинированность в военном контексте (фактор 5). Остальные три фактора в первую очередь определяются историческими травмами, а именно:

репрессиями и крепостничеством (фактор 2), распадом СССР (фактор 4) и актуализацией/гонением православия (фактор 3). Последний фактор представляет особый интерес, так как объединяет положительный вклад стыда за приход к власти В.В. Путина и отрицательный вклад гонений на церковь. Можно предположить, что в этом контексте приход к власти В.В. Путина трактуется как начало процесса актуализации темы духовности и православия. Такой результат также описывает то, какие мы и какие действия были совершены.

При изучении взаимосвязей индивидуальных ценностей и выявленных факторов были получены следующие результаты. Ценность сохранения положительно связана с гордостью за страну-великую державу и выдающихся русских и советских людей, а также со стыдом за распад СССР и нехватку дисциплины в военном контексте. Отрицательная связь проявилась со стыдом за негативные черты россиян, репрессии и крепостничество, а также с актуализацией православия.

Ценность открытости изменениям положительно связана со стыдом за актуализацию православия при В.В. Путине и отрицательно — с гордостью за страну-великую державу, стыдом за распад СССР и нехватку дисциплины. Данные результаты соотносятся с концепцией Шварца о важности конформизма, традиций и безопасности в рамках ценности сохранения и важности самостоятельности и стимуляции изменений в рамках ценности открытости изменениям.

Ценность самопреодоления положительно связана с гордостью за вклад страны в мировую историю и культуру и стыдом за негативные черты россиян, а также репрессии и крепостничество. Эти данные в условиях отсутствия значимой связи ценности самоутверждения с при-

чинами для гордости и стыда соотносятся с теорией базовых индивидуальных ценностей и иллюстрируют фокус на выгоде и заботе о группе.

Данное исследование дополняет существующие социологические и психологические работы о российской молодежи и иллюстрирует взаимосвязь между ценностями и чувствами гордости и стыда за различные события в настоящем и прошлом России. Полученные данные указывают на то, что даже внутри одной возрастной группы сохраняется разная взаимосвязь ценностей сохранения, открытости изменениям и самопреодоления с различными факторами гордости и стыда за свою страну, существенный раскол в вопросе трактовки исторических событий. Это позволяет сделать вывод о заведомой ошибочности подхода к «молодежи» как к некой однородной по социально-политическим взглядам группе. Результаты данного исследования могут быть использованы для понимания реакций молодежи на различные социально-политические события и для разработки различных социальных программ.

В заключение стоит отметить, что несмотря на то, что данное исследование обладает научной и прикладной значимостью, у него есть некоторые ограничения. Во-первых, в данном исследовании нет сравнения с другими поколениями, что необходимо для дальнейшего развития идеи о взаимосвязи социальных эмоций и ценностей. Во-вторых, для лучшего понимания различий внутри одного поколения необходимо провести лонгитюдное исследование взаимосвязей. В-третьих, необходимо масштабировать и квотировать выборку с учетом пола, возраста и географии для улучшения репрезентатив-

ности данной возрастной группы. И, наконец, интересным направлением для продолжения изучения взаимосвязи социальных эмоций по поводу социально-политических событий и фактов является кросс-культурное сравнение данной взаимосвязи в разных странах, в том числе постсоветских и западных, коллективистских и индивидуалистских.

Выводы

1. Полученные в данном исследовании причины для гордости и стыда у молодежи несколько отличаются от результатов по общей выборке в предыдущих исследованиях Левада-Центра⁷.

2. Причины для гордости и стыда формируют отдельные факторы, которые отражают отношения к определенным группам характеристик и действий россиян.

3. Ценность сохранения позитивно связана с такими факторами, как гордость за страну-великую державу и выдающихся русских и советских людей, а также стыд за распад СССР и нехватку дисциплины в военном контексте. Отрицательная связь проявилась со стыдом за негативные черты россиян, репрессии и крепостничество, а также с актуализацией православия.

4. Ценность открытости изменениям, наоборот, положительно связана со стыдом за актуализацию православия и отрицательно — с гордостью за страну-великую державу, стыдом за распад СССР и нехватку дисциплины.

5. Ценность самопреодоления положительно связана с гордостью за вклад страны в мировую историю и культуру и стыдом за негативные черты россиян, репрессии и крепостничество.

⁷ С 05.09.2016 Левада-Центр включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Методика измерения гордости и стыда за страну

Оцените, в какой степени каждое из перечисленных ниже событий вызывает у Вас чувство гордости/стыда за страну. При ответе используйте шкалу от 1 до 5, где 1 — в меньшей степени, а 5 — в наибольшей степени.

Гордость

1. Победа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.
2. Ведущая роль страны в освоении космоса
3. Возвращение Крыма в состав Российской Федерации
4. Великая русская литература
5. Достижения российской науки
6. Слава русского оружия
7. Моральные качества русского человека — простота, терпение, стойкость
8. Превращение страны в советские времена в одну из ведущих промышленных держав в мире
9. Великие русские путешественники, первопроходцы
10. Стабилизация положения страны при Владимире Путине, рост экономики
11. Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока
12. Передовой строй, советское бесклассовое общество
13. Подвижничество русских святых
14. Дух русской вольницы, свободолюбие
15. Нравственный авторитет русской интеллигенции
16. Перестройка, начало рыночных реформ

Стыд

1. Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности
2. Разрушение СССР
3. Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу
4. Хроническое отставание от Запада
5. То, во что в конце концов вылилась Перестройка
6. Репрессии, террор, выселение народов в 20—50-е годы
7. Наша косность, инертность, лень
8. Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть
9. Гонения на церковь
10. Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду
11. Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам
12. Приход Владимира Путина к власти
13. Национальное высокомерие
14. Военные поражения России

Литература

1. Голубева А. Социал-демократ, не верит властям, аполитичен. «Левада-центр» составил портрет российской молодежи [Электронный ресурс] // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52479627> (дата обращения: 3.07.2021).
2. Гордость и стыд [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/01/gordost-i-styd/> (дата обращения: 3.07.2021).
3. Европейское социальное исследование в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ess.ru/> (дата обращения: 24.10.2020).

4. Колесников А. Общество после протестов. Несет ли смена поколений модернизацию России [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84142> (дата обращения: 3.07.2021).
5. Лимонов Л.Э., Несева М.В. Диспаритет «больших» и «малых» городов России: сравнительный анализ показателей экономического развития и данных социальных обследований // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 4(4). С. 163–188.
6. Одобрение институтов власти [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/29/odobrenie-institutov-vlasti-27/> (дата обращения: 3.07.2021).
7. Пиптя К. Национальная идентичность и гордость [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 29.10.2020).
8. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029
9. Радаев В.В. Городские и сельские миллениалы: неоднородность нового поколения // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 5–28. DOI:10.32609/0042-8736-2019-7-5-28
10. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. DOI:10.19181/socjour.2020.26.3.7395
11. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60. DOI:10.19181/socjour.2020.26.4.7641
12. Руднев М.Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран. Дисс. ... канд. социол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://142.93.136.188/wp-content/uploads/2018/01/d0b4d0b8d181d181d0b5d180d182d0b0d186d0b8d18fd180d183d0b4d0bdd0b5d0b2-2n.pdf> (дата обращения: 3.07.2021).
13. Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109. DOI:10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109
14. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (дата обращения: 3.07.2021).
15. Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 60–77. DOI:10.17223/17267080/73/4
16. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf (дата обращения: 3.07.2021).
17. Эмиграционные настроения [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 3.07.2021).
18. Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations // Political Psychology. 2003. Vol. 24(2). P. 345–376.
19. Ghitza Y., Gelman A. The Great Society, Reagan’s Revolution, and Generations of Presidential Voting [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat.columbia.edu/~gelman/research/unpublished/cohort_voting_20140605.pdf (дата обращения: 3.07.2021).
20. Jasper J.M. The Emotions of Protest: Affective and Reactive Emotions In and Around Social Movements // Sociological Forum. 1998. Vol. 13. P. 397–424. DOI:10.1023/A:1022175308081
21. Jennings M.K., Niemi R.G. Generations and Politics: A Panel Study of Young Adults and Their Parents. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981. P. 447.

22. Salice A., Montes Sánchez A. Pride, Shame, and Group Identification // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 557. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00557
23. Scheff T. Shame and the Social Bond: A Sociological Theory // *Sociological Theory*. 2000. Vol. 8(1). P. 84–99.
24. Shepherd L., Spears R., Manstead A. ‘This will bring shame on our nation’: The role of anticipated group-based emotions on collective action // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49(1). P. 42–57. DOI:10.1016/j.jesp.2012.07.011
25. Schuman H., Corning A. Generational Memory and the Critical Period: Evidence for National and World Events // *Public Opinion Quarterly*. 2012. Vol. 76(1). P. 1–31.
26. Schwartz S.H. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7 [Электронный ресурс] // The Questionnaire Development Package of the European Social Survey. 2003. P. 259–319. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 3.07.2021).
27. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings // *Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2(1). DOI:10.9707/2307-0919.1116
28. Sullivan G.B. Collective pride, happiness, and celebratory emotions: Aggregative, network, and cultural models // *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy, and sociology*. Oxford University Press, 2014. P. 266–280. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018

References

1. Golubeva A. Sotsial-demokrat, ne verit vlastyam, apolitichen. «Levada-tsentr» sostavil portret rossiiskoi molodezhi. BBC [Elektronnyi resurs] [Social democrat doesn't trust the authorities, is apolitical. The Levada-center has compiled a portrait of Russian youth]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52479627> (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).
2. Gordost' i styd. Levada-Tsentr [Elektronnyi resurs] [Pride and shame]. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/01/gordost-i-styd/> (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).
3. Evropeiskoe sotsial'noe issledovanie v Rossii [Elektronnyi resurs] [European social study in Russia]. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (Accessed 24.10.2020). (In Russ.).
4. Kolesnikov A. Obshchestvo posle protestov. Neset li smena pokolenii modernizatsiyu Rossii. Moskovskii Tsentr Karnegi [Elektronnyi resurs] [Society after protests. Will the change of generations bring modernization to Russia]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84142> (Accessed 3.07.2021). (In Russ.).
5. Limonov L.E., Nesena M.V. Disparitet «bol'shikh» i «malykh» gorodov Rossii: sravnitel'nyi analiz pokazatelei ekonomicheskogo razvitiya i dannykh sotsial'nykh obsledovaniy [Disparity between the “big” and “small” Russian cities: a comparative analysis of economic growth indicators and social studies data]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2019, no. 4(4), pp. 163–188. (In Russ.).
6. Odobrenie institutov vlasti. Levada-Tsentr [Elektronnyi resurs] [Approval of government institutions]. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/29/odobrenie-institutov-vlasti-27/> (Accessed 3.07.2021). (In Russ.).
7. Pipiya K. Natsional'naya identichnost' i gordost'. Levada-Tsentr [Elektronnyi resurs] [National identity and pride]. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (Accessed 29.10.2020). (In Russ.).
8. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenii: empiricheskii analiz [Millennials contrasted with previous generations: and empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018, no. 3, pp. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029 (In Russ.).
9. Radaev V.V. Gorodskie i sel'skie millenialy: neodnorodnost' novogo pokoleniya [City and country millennials: the heterogeneity of the new generation]. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*, 2019, no. 7, pp. 5–28. DOI:10.32609/0042-8736-2019-7-5-28 (In Russ.).

10. Radaev V.V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (Pervaya chast') [The split of the millennial generation: a historical and empirical justification (First part)]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*, 2020. Vol. 26, no. 3, pp. 30–63. DOI:10.19181/socjour.2020.26.3.7395 (In Russ.).
11. Radaev V.V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (Okonchanie) [The split of the millennial generation: a historical and empirical justification (Ending)]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*, 2020. Vol. 26, no. 4, pp. 31–60. DOI:10.19181/socjour.2020.26.4.7641 (In Russ.).
12. Rudnev M.G. Bazovye tsennosti naseleniya: sravnenie rossiyan s zhitelyami drugih evropeiskikh stran. Diss. ... kand. sotsiol. nauk. [Elektronnyi resurs] [Basic values of the population: comparing Russians with citizens of other European countries. PhD (Sociology) diss.]. URL: <http://142.93.136.188/wp-content/uploads/2018/01/d0b4d0b8d181d181d0b5d180d182d0b0d186d0b8d18fd180d183d0b4d0bdd0b5d0b2-2n.pdf> (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).
13. Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V. Universalizm tsennosti studentcheskoi molodezhi i razvitie rossiiskogo obshchestva [The universalism of values of the student youth and the development of Russian society]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 97–109. DOI:10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109 (In Russ.).
14. Struktura i vosproizvodstvo pamyati o Sovetskom Soyuze v rossiiskom obshchestvennom mnenii. Levada-Tsentr [Elektronnyi resurs] [The structure and reproduction of memory of the Soviet Union in Russian public opinion]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (Accessed 3.07.2021). (In Russ.).
15. Sycheva O.A., Belousov K.I., Protasova I.N. Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi [The value and moral foundations of the youth's socio-political views]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal*, 2019, no. 73, pp. 60–77. DOI:10.17223/17267080/73/4 (In Russ.).
16. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennosti: primenenie v Rossii [Elektronnyi resurs] [A redefined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf (Accessed 3.07.2021). (In Russ.).
17. Emigratsionnye nastroyeniya. Levada-Tsentr [Elektronnyi resurs] [Emigration attitudes]. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroyeniya-4/> (Accessed 3.07.2021). (In Russ.).
18. Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations. *Political Psychology*, 2003. Vol. 24, no. 2, pp. 345–376.
19. Ghitza Y., Gelman A. The Great Society, Reagan's Revolution, and Generations of Presidential Voting [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.stat.columbia.edu/~gelman/research/unpublished/cohort_voting_20140605.pdf (Accessed 3.07.2021).
20. Jasper J.M. The Emotions of Protest: Affective and Reactive Emotions In and Around Social Movements. *Sociological Forum*, 1998, no. 13, pp. 397–424. DOI:10.1023/A:1022175308081
21. Jennings M.K., Niemi R.G. Generations and Politics: A Panel Study of Young Adults and Their Parents. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981, 447 p.
22. Salice A., Montes Sánchez A. Pride, Shame, and Group Identification. *Frontiers in Psychology*, 2016, no. 7, pp. 557. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00557
23. Scheff T. Shame and the Social Bond: A Sociological Theory. *Sociological Theory*, 2000. Vol. 18, no. 1, pp. 84–99.
24. Shepherd L., Spears R., Manstead A. 'This will bring shame on our nation': The role of anticipated group-based emotions on collective action. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2013. Vol. 49, no. 1, pp. 42–57. DOI:10.1016/j.jesp.2012.07.011

25. Schuman H., Corning A. Generational Memory and the Critical Period: Evidence for National and World Events. *Public Opinion Quarterly*, 2012. Vol. 76, no. 1, pp. 1–31.
26. Schwartz S.H. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7 [Elektronnyi resurs]. The Questionnaire Development Package of the European Social Survey, 2003, pp. 259–319. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (Accessed 3.07.2021).
27. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings. *Psychology and Culture*, 2012. Vol. 2, no. 1. DOI:10.9707/2307-0919.1116
28. Sullivan G.B. Collective pride, happiness, and celebratory emotions: Aggregative, network, and cultural models. *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy, and sociology*. Oxford University Press, 2014, pp. 266–280. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018

Информация об авторах

Неврюев Андрей Николаевич, старший преподаватель Департамента психологии и развития человеческого капитала Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина» (ФГБОУ ВО АГПУ), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Сариева Ирина Ремаевна, старший преподаватель Департамента психологии Факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Information about the authors

Andrey N. Nevryuev, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Oleg A. Sychev, Research Associate, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irena R. Sariyeva, Senior Lecturer at Psychology School of Faculty of Social Sciences of HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Получена 04.07.2021

Received 04.07.2021

Принята в печать 02.09.2021

Accepted 02.09.2021

Оправдание системы и поддержка ограничений, связанных с коронавирусом: роль доверия государству и веры в теории заговора

Сариева И.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Богатырева Н.И.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyрева@hse.ru

Цель. Анализ взаимосвязи между оправданием системы, доверием правительству, верой в теории заговора и поддержкой коронавирусных ограничений.

Контекст и актуальность. Пандемия коронавируса в 2020 году показала, что люди по-разному реагируют на ограничения, связанные с коронавирусом. В России общество неохотно поддерживает ограничения и верит в теории заговора в контексте коронавируса.

Дизайн исследования. В работе изучалась взаимосвязь между оправданием системы и поддержкой коронавирусных ограничений. Оправдание системы являлось независимой переменной, поддержка коронавирусных ограничений — зависимой, в свою очередь, доверие правительству и вера в теорию заговора последовательно выступали медиаторами данной связи. Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью линейной регрессии. Гендер, возраст и религиозность учитывались как ковариаты.

Участники. Выборку составили 1677 жителей России (66,9% женщин в возрасте от 18 до 76 лет, $M=31.96$, $SD=10.96$).

Методы (инструменты). Русскоязычная версия шкалы оправдания системы Дж. Джоста, вопросы о доверии правительству, отношении к коронавирусу как к средству ограничения свобод и о поддержке ограничений: закрытие границ страны и запрет на передвижение в городе.

Результаты. Было установлено наличие прямого отрицательного эффекта оправдания системы на поддержку закрытия границ и запрета на передвижение в городе при наличии непрямого положительного эффекта с учетом медиаторов. Общий эффект был разным в зависимости от типа ограничения.

Основные выводы. Оправдание системы может иметь разный эффект на поддержку разных коронавирусных ограничений.

Ключевые слова: оправдание системы, вера в теории заговора, доверие правительству, поддержка коронавирусных ограничений, коронавирус.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00142.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Агадуллиной Елене Рафиковне за помощь в подготовке публикации.

Для цитаты: Сариева И.Р., Богатырева Н.И. Оправдание системы и поддержка ограничений, связанных с коронавирусом: роль доверия государству и веры в теории заговора // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120305>

System Justification and Coronavirus Restrictions Support: the Role of Government Trust and Conspiracy Belief

Irena R. Sarieva

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Natalia I. Bogatyreva

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyreva@hse.ru

Objective. *Analysis of the relationship between system justification, trust in the government, conspiracy beliefs and coronavirus restrictions.*

Background. *The 2020 coronavirus pandemic has shown that people react differently to the restrictions associated with the coronavirus. In Russia, society is not willing to support restrictions and believes in conspiracy theories in the context of the coronavirus.*

Study design. *The relationship between system justification and supporting coronavirus restrictions was examined. System justification was an independent variable, support for coronavirus restrictions was dependent, trust in the government and conspiracy belief consistently mediated this connection. The presence and nature of the relationship was checked using linear regression. Gender, age, and religiosity were counted as covariates.*

Participants. *The sample consisted of 1677 residents of Russia (66.9% of women, aged 18 to 76, $M=31.96$, $SD=10.96$).*

Measurements. *The Russian-language version of the J. Jost system justification scale, questions about trust in the government, attitudes towards coronavirus as a means of limiting freedoms and towards restrictions: closing the country’s borders and banning movement in the city.*

Results. *It was found that there was a direct negative effect of system justification on supporting border closures and travel bans in the city with an indirect positive effect in the models with mediators.*

Conclusions. *System justification can have different effects on supporting coronavirus restrictions.*

Keywords: *system justification, conspiracy belief, trust in the government, support for coronavirus restrictions, coronavirus.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00142.

Acknowledgements. Authors would like to thank Elena Agadullina for her contribution in the preparation of the article.

For citation: Sarieva I.R., Bogatyreva N.I. System Justification and Coronavirus Restrictions Support: the Role of Government Trust and Conspiracy Belief. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120305> (In Russ.).

Введение

В конце 2019 года мир столкнулся с новым вызовом — коронавирусной инфекцией COVID-19, несколько случаев которой зафиксировали в китайском городе Ухань [1]. Спустя несколько месяцев в начале марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила сложившуюся ситуацию пандемией: к тому моменту вирус активно распространялся и уже затронул около 114 стран [3]. Весной 2020 года эпицентром распространения вируса стала Европа и, в частности, Италия с более чем 25 тысячами заболевших в день [2]. Перед руководителями разных стран встал вопрос о сдерживании распространения вируса и введении пакета ограничений. Первыми жесткие ограничения ввели в Китае, а именно — были закрыты въезд и выезд в некоторых городах и сообщение с другими странами [5]. По заявлениям китайских властей, после введения ограничений в Китае, где проживает более миллиарда человек, в течение марта-декабря 2020 года и в начале 2021 года количество заболевших на своем пике достигает максимум 700 человек [8]. Подобные ограничения ввели во многих других странах по всему миру [10].

Однако в разных странах граждане не всегда поддерживают политику своих государственных политических лидеров, что выливается в протесты и нежелание людей выполнять предписания и следовать установленным ограничениям. Например, в США к лету 2020 года 38% граждан считают, что в отношении коронавируса «делают из мухи слона» («has been made a bigger deal than it really is»), 53% не доверяют информации от государства о коронавирусе и 36% считают, что некоторые теории заговора могут быть правдой [27]. 40% жителей Великобри-

тании верят, что распространение вируса связано с тем, что влиятельные люди хотят захватить контроль над людьми [15]. В Германии также на начало лета 56% немцев поддерживают идею ослабления ограничений, при этом 62% удовлетворены работой государства в пандемию; 75% жителей Чехии и только 33% французов доверяют в этот момент государству [30]. В России на начало лета 2020 года 66% граждан одобряют или полностью одобряют принимаемые правительством меры по сдерживанию коронавирусной инфекции, 49% боятся заразиться, лишь 31% доверяет официальной государственной информации о коронавирусе. По данным на март 2021 года, 64% россиян верят, что «вирус создан искусственно и является новой формой биологического оружия» [7; 9; 11]. Эти данные говорят о том, что оценка опасности коронавируса и связанная с ней поддержка ограничений в разных странах выражены по-разному, и их уровень может быть связан с определенными внутренними особенностями в том или ином обществе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существуют различные культурно-специфические и политические факторы, которые могут быть связаны с восприятием коронавируса и, как следствие, одобрением или неодобрением различных ограничительных мер. Такими факторами могут быть поддержка существующей в стране политической и общественной системы, доверие государству и вера в различные теории заговора.

Оправдание системы, доверие государству и поддержка коронавирусных ограничений

Поддержка и одобрение существующей в стране системы могут быть опи-

саны с помощью классической концепции в социальной психологии — теории оправдания системы. Данная теория была впервые предложена Дж. Джостом и М. Банаджи в 1994 году, ее популярность в научной литературе растет до сих пор [22]. В рамках данной теории легитимизация и рационализация существующих в обществе взаимоотношений между людьми с разным статусом являются естественным механизмом, свойственным как высокостатусным, так и уязвимым в социальной иерархии группам. Так, например, бедные люди с высоким уровнем оправдания системы могут уменьшать уровень коррупции в стране [38] или вовсе не участвовать в протестной активности против своего положения в существующей системе [29]. Также в нашем обществе исторически сложившиеся более высокостатусные группы, такие как мужчины, люди старшего возраста, религиозные люди, как правило, обладают более высоким уровнем оправдания системы [21; 41]. Такая тенденция к легитимизации системы будет отрицательно связана с любыми нововведениями и изменениями в обществе, которые могут изменить текущее положение дел и статус-кво, даже если эти нововведения исходят от государства.

По данным предыдущих исследований, в кризисных ситуациях, таких как террористические атаки в стране, оправдание выполняет определенную положительную защитную функцию и может, например, снижать уровень страха [42]. В таких ситуациях человек зачастую зависит от государства, а зависимость от системы, как правило, положительно связана с оправданием системы, которое, в свою очередь, повышает легитимизацию власти и доверие к ней [35]. Это может объясняться тем, что оправдание системы дает простые ответы на слож-

ные вопросы, которые могут вызывать диссонанс у представителей уязвимых низкостатусных групп, и делает мир более понятным и предсказуемым [23]. Ситуация пандемии COVID-19, по данным исследований, связана с высоким уровнем тревоги и страха, а также высоким уровнем зависимости от государства ввиду коронавирусных ограничений и организации системы здравоохранения в целом [26]. Однако предлагаемые для снижения распространения заболевания ограничения свободы передвижения и взаимодействия граждан существенно изменяют текущий образ жизни, что может быть воспринято отрицательно. Таким образом, можно выдвинуть первое предположение о том, что оправдание системы будет оказывать отрицательный эффект на поддержку коронавирусных ограничений. Это можно объяснить тем, что любые ограничения будут нарушать статус-кво в текущей системе и поэтому будут восприниматься отрицательно (H1) (рис. 1).

Доверие государству, вера в теории заговора и поддержка коронавирусных ограничений

Политическое доверие — один из базовых параметров гражданского поведения и оценки деятельности государства. Начиная с середины прошлого века этот концепт прочно закрепился среди политологов, социологов и психологов. В современных исследованиях за последние 20 лет изучается политическое доверие различным институтам, таким как президент, парламент, главы регионов, институт выборов, система правосудия, общественные организации, международные организации, бизнес, СМИ и т.д. [4; 13; 33; 40; 45]. Высокий уровень со-

циального и политического неравенства связан с таким гражданским поведением, как волонтерство, благотворительность [36; 39], уплата налогов [34], голосование и подписание петиций [4], кооперация с другими в целом [32].

Важным и особо актуальным направлением изучения доверия государству является связь между таким доверием и поведением людей в чрезвычайных ситуациях, угрожающих жизни и здоровью граждан. В научной литературе существует богатый опыт изучения связи между доверием государству и поведением людей в вопросах, непосредственно касающихся их жизни и здоровья. Например, доверие государству и СМИ повышает уровень вакцинации [25; 44], а также повышает вероятность подчинения государственным предписаниям при эвакуации из зоны бедствия [18; 43]. На уровне стран данные за апрель 2020 года, полученные в условиях пандемии COVID-19 в 25 странах, свидетельствуют о том, что при контроле различий в социальных связях и в государственных мерах по борьбе с эпидемией уровень доверия институтам обратно связан с показателями смертности от COVID-19 [28]. В России, по данным на середину 2020 года, около 60% участников социологического опроса одобряли действия Президента Российской Федерации и около 50% одобряли действия правительства [12].

Альтернативой доверию государству и официальной информации в ситуациях кризиса зачастую может стать вера в теории заговора. Например, о том, что коронавирус — это биологическое оружие, созданное некоторыми людьми или организациями и распространяемое с помощью различных современных технологий [7]. В целом под верой в теории заговора чаще всего понимают веру в то, что первопричинами значительных

социальных и политических событий являются один или несколько влиятельных людей, которые воплощают некий тайный план [16]. Психологи объясняют это потребностью в удовлетворении эпистемических и экзистенциальных мотивов, то есть потребностью в понимании и желанием контроля и безопасности [17]. Исследования показывают, что вера в теории заговора зачастую связана с ощущением бессилия и потери контроля [14]. Одним из наиболее негативных последствий веры в теории заговора является отрицание результатов научных исследований и науки в целом [16].

Актуальные исследования говорят о том, что люди, которые больше верят в теории заговора, менее склонны доверять государственным институтам и выполнять официальные предписания по социальному дистанцированию, ношению масок и другим ограничениям [24; 31; 37].

Таким образом, на основании проведенного анализа современных исследований можно выдвинуть еще одно предположение. Оправдание системы будет иметь положительный эффект на доверие государству, которое будет отрицательно связано с верой в теории заговора, которая, в свою очередь, будет приводить к меньшей поддержке коронавирусных ограничений, то есть непрямым эффектом будет положительным (H2) (рис. 1).

Метод

Схема проведения исследования.

Респонденты заполняли методики для измерения оправдания системы, доверия правительству и отношения к таким запретам, как передвижение внутри города и закрытие границ. Опрос был размещен на платформе «Яндекс.Толока» до объ-

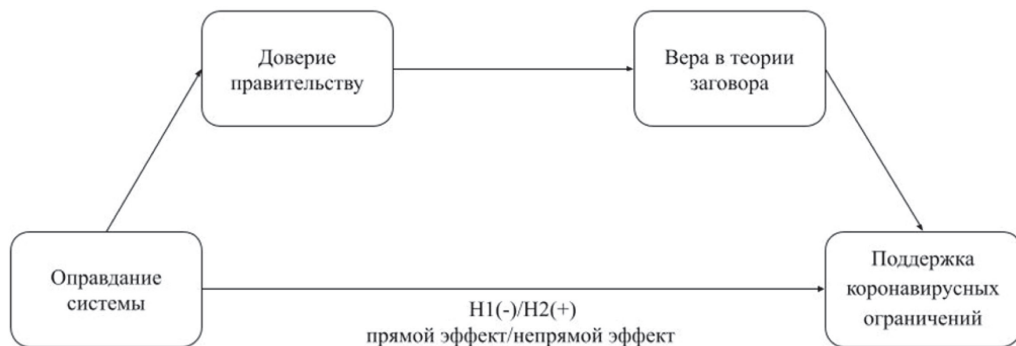

Рис. 1. Модель связи оправдания системы и поддержки коронавирусных ограничений, опосредованная доверием правительству и верой в теории заговора

явления режима самоизоляции 27 марта 2020 года. Участники получили денежное вознаграждение за участие в опросе. Респонденты прочитали текст о целях и процедуре исследования и, если они были согласны с пунктами информированного согласия, приступали к заполнению опроса. После заполнения методик исследования респонденты вносили социодемографические данные о себе.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 1677 жителей России (66,9% женщин, 32,9% мужчин, 0,2% в графе «пол» указали «другое») в возрасте от 18 до 76 лет ($M=31,96$, $SD=10,96$). Большинство респондентов идентифицируют себя как русские — 86,8% ($n=1455$), остальные относят себя к украинцам — 2% ($n=33$), татарам — 2,7% ($n=46$), евреям — 1,6% ($n=27$) и другим этническим группам — 6,9% ($n=116$). Также среди респондентов не считают себя религиозными — 58,9% ($n=987$), считают себя религиозными — 21,3% ($n=358$), затрудняются ответить на этот вопрос — 19,8% ($n=332$). Среди верующих 81,8% ($n=293$) исповедуют православие, 3,4% ($n=24$) — ислам, а остальные 13,7% ($n=98$) исповедуют другие религии.

Методы исследования. Оправдание системы измерялось с помощью восьми

суждений о легитимности и справедливости статуса-кво в России (например, «В целом российское общество справедливо») [20]. Респонденты оценивали каждое суждение по шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 9 (абсолютно согласен) (α Кронбаха=0,86).

Поддержка коронавирусных ограничений измерялась с помощью двух вопросов о закрытии границ и запрете на передвижение внутри города. Отношение к закрытию границ страны измерялось с помощью одного утверждения («В какой степени Вы поддерживаете/готовы поддержать решение руководства страны в ситуации распространения коронавируса жестко ограничить передвижение граждан: запретить транспортное сообщение с другими государствами, закрыть границы?»). Отношение к запрету на передвижение в городе измерялось с помощью одного утверждения («В какой степени Вы поддерживаете/готовы поддержать решение руководства страны в ситуации распространения коронавируса жестко ограничить передвижение граждан: запретить передвижение в городе (за исключением краткосрочного посещения ближайшего продовольственного магазина или аптеки)?»). Респонденты оценивали суждения по шкале от 1 (абсо-

лютно не поддерживаю) до 7 (полностью поддерживаю).

Доверие государству измерялось с помощью вопроса о доверии правительству в форме одного утверждения («Скажите, насколько Вы доверяете правительству в целом (председатель правительства, министра)?»). Респонденты оценивали суждение по шкале: 1 (совсем не доверяете), 2 (не очень доверяете), 3 (в некоторой степени доверяете), 4 (полностью доверяете).

Вера в теории заговора измерялась с помощью одного утверждения о том, что коронавирус уменьшает свободы («Под предлогом коронавируса власть хочет уменьшить свободу людей»). Респонденты оценивали суждение по шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 7 (абсолютно согласен).

Результаты

Результаты анализировались с помощью программы R и RStudio (версии 4.0.4 и 1.3.1093 соответственно). Были проанализированы описательные статистики и корреляция между переменными.

Результаты корреляционного исследования, представленные в таблице, показали, что все конструкты имеют значимые корреляции, кроме доверия

правительству и запрета на передвижение в городе, а также закрытия границ страны и оправдания системы. Наиболее слабой корреляцией обладают запрет на передвижение в городе и оправдание системы, наиболее сильной — доверие правительству и оправдание системы.

Для проверки гипотезы о связи оправдания системы и поддержки закрытия границ страны, запрета на передвижение в городе, опосредованной доверием к правительству и верой в теорию заговора, были проверены две модели медиации. Для этого был использован пакет PROCESS v.3.4 macro [19], разработанный для статистической программы IBM SPSS 27.00. Предварительно в SPSS была проведена диагностика мультиколлинеарности, которая показала, что коэффициент увеличения дисперсии модели не превышает показатель 2, а значит проблема мультиколлинеарности не наблюдается.

В первой модели в качестве независимой переменной выступало оправдание системы, в качестве зависимой — поддержка закрытия границ страны, медиаторами — доверие правительству и вера в теорию заговора, а ковариатами — гендер, религиозность и возраст испытуемого. Использование данных ковариатов обусловлено тем, что, по результатам предыдущих исследований, мужчины,

Т а б л и ц а

Описательные статистики и корреляции между показателями оправдания системы, верой в теории заговора и поддержкой коронавирусных ограничений

Переменные	M (SD)	1	2	3	4	5
1. Оправдание системы	3,61 (1,58)	1				
2. Закрытие границ страны	6,08 (1,50)	0,04	1			
3. Запрет на передвижение в городе	4,47 (2,12)	-0,07**	0,37***	1		
4. Доверие правительству	2,05 (0,90)	0,67***	0,13***	0,00	1	
5. Вера в теории заговора	2,95 (1,94)	-0,18***	-0,26***	-0,25***	-0,18***	1

Примечание: критерий корреляции Спирмена; *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

люди старшего возраста и религиозные люди обладают более высоким уровнем оправдания системы, что требует дополнительного контроля в моделях [21; 41]. Результаты показали наличие прямого отрицательного эффекта оправдания системы на отношение к закрытию границ страны ($b=-,09$, 95%CI [-,15, -,03], SE=,03, $p=,0027$). При этом общий эффект был значительным и положительным ($b=,06$, 95%CI [,02, ,11], SE=,02, $p=,0087$). Стоит отметить непрямым положительный эффект оправдания системы на поддержку закрытия границ, опосредованный доверием правительству и верой в теорию заговора ($(,4)*(-,3)*(-,19)=,02$) (рис. 2). Значимость непрямого эффекта была проверена с помощью 95% доверительного интервала [,01, ,04] (bootstrap): так как он не включал в себя ноль, непрямым эффект можно считать статистически значимым. Среди трех ковариатов (возраст, гендер и религиозность) на российской выборке только гендер был статистически значим ($b=-,28$, $p=,0003$).

Во вторую модель были включены те же независимая переменная, медиаторы, ковариаты и новая зависимая переменная — поддержка запрета пере-

движения в городе. По результатам второй модели прямой эффект оправдания системы на запрет передвижения был негативным ($b=-,2$, 95%CI [-,29, -,11], SE=,04, $p=,0000$), как и общий эффект, но в меньшей степени ($b=-,07$, 95%CI [-,14, -,01], SE=,03, $p=,0276$). Однако непрямым эффект оправдания системы на поддержку запрета передвижения внутри страны был положительным $(,4)*(-,3)*(-,26)=,03$. Его значимость также подтвердилась доверительными интервалами 95% [,02, ,05] (bootstrap) (рис. 3). В этой модели также среди трех ковариатов (возраст, гендер и религиозность) только гендер был статистически значим ($b=-,61$, $p=,0000$).

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы изучали взаимосвязь между оправданием системы, доверием правительству, верой в теории заговора и поддержкой коронавирусных ограничений. В соответствии с нашими гипотезами были построены две модели регрессионного анализа. В результате было получено, что оправдание

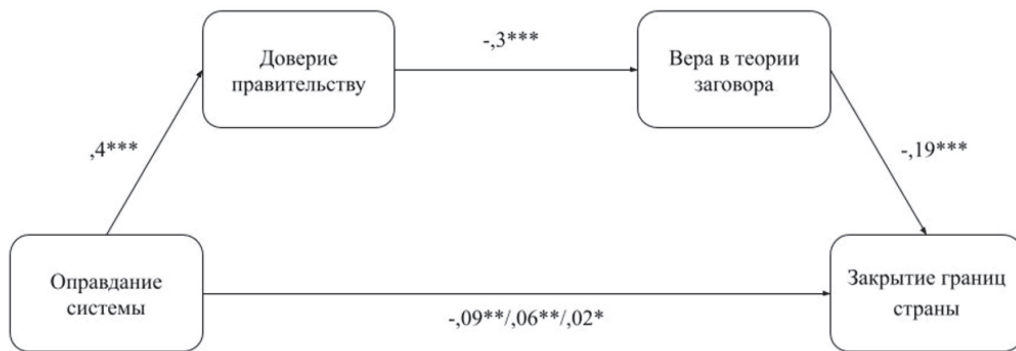

Рис. 2. Медиационная модель связи оправдания системы и поддержки закрытия границ страны, опосредованная доверием правительству и верой в теории заговора: прямой эффект/общий эффект/непрямой эффект; *** $p<0,001$; ** $p<0,01$; * $p<0,05$.

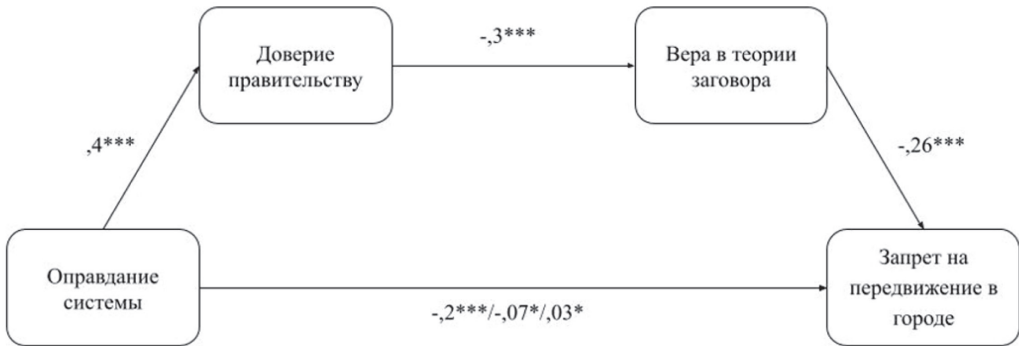

Рис. 3. Медиационная модель связи оправдания системы и поддержки запрета на передвижение в городе, опосредованная доверием правительству и верой в теории заговора: прямой эффект/общий эффект/непрямой эффект; *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

системы действительно имеет отрицательный эффект на поддержку коронавирусных ограничений и положительный не прямой эффект, опосредованный доверием государству и верой в теории заговора. Это может объясняться тем, что оправдание системы в соответствии с нашими гипотезами и предыдущими исследованиями повышает доверие государству и официальной информации, а это уменьшает эффект веры в теории заговора, и люди более активно готовы поддерживать ограничения, которые вводятся правительством для борьбы с коронавирусом. В случае прямой связи оправдание системы имеет негативный эффект, так как любые вводимые ограничения — это нововведения, которые изменяют текущий статус-кво общественной и социальной системы.

Однако при анализе общего эффекта в моделях было получено, что в случае, где зависимой переменной была поддержка закрытия границ, он был положительным, а в случае, где зависимой переменной была поддержка запрета на передвижение внутри города, — отрицательным. Данный результат можно объяснить различной актуальностью

этих мер для россиян. Так, по данным на 2016 год, загранпаспорт для выезда за рубеж был только у 30% россиян [6], что может говорить о том, что закрытие границ напрямую не затрагивает большую часть населения. Таким образом, закрытие границ страны не является для большинства россиян изменением текущего статуса-кво социальной системы, в отличие от запрета на передвижение внутри города, который существенно влияет на образ жизни и потенциально изменяет саму систему отношений между людьми, обществом и государством.

Стоит отметить, что важно учитывать несколько аспектов исследования. Первый заключается в том, что полученные результаты верны на российской выборке и требуют тщательного кросс-культурного анализа с учетом выборок других стран. Второй важный аспект — это время проведения исследования. Уникальность данных обусловлена тем, что сбор проводился в период самого начала эпидемии в России, когда никакие ограничения еще введены не были. Возможно, для будущих исследований важно проверить взаимосвязь переменных

в других контекстах и на других этапах развития эпидемии. И наконец, для будущих исследований стоит учитывать методологическое ограничение данного исследования, а именно — в дальнейшем использовать более широкую шкалу ответов для измерения доверия государственным институтам.

Данная работа может быть интересным дополнением к исследованиям теории оправдания системы и общему массиву исследований восприятия и поддержки коронавирусных ограничений. В качестве ее прикладного значения можно выделить учет полученных результатов при анализе и прогнозировании общественных реакций в случае эпидемий, а также их использование при

планировании социальных программ и кампаний в здравоохранении.

Выводы

Результаты нашего исследования показали, что оправдание системы имеет прямой отрицательный эффект на поддержку коронавирусных ограничений и положительный непрямой эффект, опосредованный верой в государство и верой в теории заговора. Однако общий эффект оправдания системы будет зависеть от конкретного ограничения и будет положительным в случае поддержки закрытия границ и отрицательным в случае запрета на передвижение в городе.

Литература

1. ВОЗ. Пневмония неизвестной этиологии — Китай [Электронный ресурс] // WHO. URL: <http://www.who.int/csr/don/05-january-2020-pneumonia-of-unknown-cause-china/ru/> (дата обращения: 31.05.2021).
2. Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на пресс-брифинге по COVID-19 13 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-mission-briefing-on-covid-19---13-march-2020> (дата обращения: 31.05.2021).
3. Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 31.05.2021).
4. Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205
5. Десять китайских городов приостановили транспортное сообщение— [Электронный ресурс] // Газета.Ru. Новости. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/01/24/n_13953176.shtml (дата обращения: 31.05.2021).
6. Доля имеющих загранпаспорта россиян осталась на уровне 28% [Электронный ресурс] // Interfax.ru. URL: <https://www.interfax.ru/russia/505606> (дата обращения: 31.05.2021).
7. Коронавирус: вакцина и происхождение вируса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktsina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 31.05.2021).
8. Коронавирус: статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 31.05.2021).
9. Коронавирус: страх и занятость [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/07/31/koronavirus-strah-i-zanyatost/> (дата обращения: 31.05.2021).

10. Меры борьбы с распространением COVID-19 в разных странах [Электронный ресурс] // – РИА Новости, 31.12.2020. URL: <https://ria.ru/20201231/covid-19-1591420327.html> (дата обращения: 31.05.2021).
11. Меры по борьбе с пандемией коронавируса [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/08/meru-po-borbe-s-pandemiej-koronavirusa/> (дата обращения: 31.05.2021).
12. Одобрение институтов власти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/27/odobrenie-institutov-vlasti-28/> (дата обращения: 31.05.2021).
13. *Татарко А.Н.* Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 3. С. 28–41.
14. *Abalakina-Paap M. et. al.* Beliefs in Conspiracies // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. № 3. P. 637–647.
15. Conspiracy beliefs reduce the following of government coronavirus guidance [Электронный ресурс] // University of Oxford. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2020-05-22-conspiracy-beliefs-reduces-following-government-coronavirus-guidance> (дата обращения: 31.05.2021).
16. *Douglas K.M. et. al.* Understanding Conspiracy Theories // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. № S1. P. 3–35.
17. *Douglas K.M., Sutton R.M., Cichocka A.* The Psychology of Conspiracy Theories // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. № 6. P. 538–542.
18. *Hamm J.A., Smidt C., Mayer R.C.* Understanding the psychological nature and mechanisms of political trust // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14. № 5. P. e0215835.
19. *Hayes A.F.* Partial, conditional, and moderated moderated mediation: Quantification, inference, and interpretation // *Communication Monographs*. 2018. Vol. 85. № 1. P. 4–40.
20. *Ivanov A., Sarieva I., Agadullina E.R.* How do Russians perceive and justify the status quo: insights of the System Justification scales adaptation // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. (manuscript in preparation).
21. *Jost J.T. et. al.* Belief in a just God (and a just society): A system justification perspective on religious ideology // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 34. № 1. P. 56–81.
22. *Jost J.T., Banaji M.R.* The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 33. № 1. P. 1–27.
23. *Jost J.T., Hunyady O.* Antecedents and Consequences of System-Justifying Ideologies // *Current Directions in Psychological Science*. 2005. Vol. 14. № 5. P. 260–265.
24. *Karić T., Međedović J.* Covid-19 conspiracy beliefs and containment-related behaviour: The role of political trust // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175. P. 110697.
25. *Larson H.J.* The biggest pandemic risk? Viral misinformation // *Nature*. 2018. Vol. 562. № 7727. P. 309–309.
26. Many Americans continue to experience mental health difficulties as pandemic enters second year [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/03/16/many-americans-continue-to-experience-mental-health-difficulties-as-pandemic-enters-second-year/> (дата обращения: 31.05.2021).
27. *Mitchell A. et. al.* Three Months In, Many Americans See Exaggeration, Conspiracy Theories and Partisanship in COVID-19 News [Электронный ресурс] // Pew Research Center's Journalism Project. URL: <https://www.journalism.org/2020/06/29/three-months-in-many-americans-see-exaggeration-conspiracy-theories-and-partisanship-in-covid-19-news/> (дата обращения: 31.05.2021).
28. *Oksanen A. et. al.* Regulation and Trust: 3-Month Follow-up Study on COVID-19 Mortality in 25 European Countries // *JMIR Public Health and Surveillance*. 2020. Vol. 6. № 2. P. e19218.
29. *Osborne D. et. al.* Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 244–269.

30. Public opinion in the time of COVID-19 [Электронный ресурс] // Public opinion in the time of COVID-19. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/public-opinion-in-the-time-of-covid-19> (дата обращения: 31.05.2021).
31. *Pummerer L. et. al.* Conspiracy Theories and Their Societal Effects During the COVID-19 Pandemic // *Social Psychological and Personality Science*. 2021. P. 194855062110002.
32. *Putnam R.D.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. Simon & Schuster, 2000. 544 p.
33. *Rothstein B., Stolle D.* The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // *Comparative Politics*. 2008. Vol. 40. № 4. P. 441–459.
34. *Scholz J.T., Lubell M.* Trust and Taxpaying: Testing the Heuristic Approach to Collective Action // *American Journal of Political Science*. 1998. Vol. 42. № 2. P. 398.
35. *Shepherd S., Kay A.C.* On the perpetuation of ignorance: System dependence, system justification, and the motivated avoidance of sociopolitical information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102. № 2. P. 264–280.
36. *Sonderskov K.M.* Does Generalized Social Trust Lead to Associational Membership? Unravelling a Bowl of Well-Tossed Spaghetti // *European Sociological Review*. 2011. Vol. 27. № 4. P. 419–434.
37. *Soveri A. et. al.* Unwillingness to engage in behaviors that protect against COVID-19: the role of conspiracy beliefs, trust, and endorsement of complementary and alternative medicine // *BMC Public Health*. 2021. Vol. 21. № 1. P. 684.
38. *Tan X. et. al.* The Effects of General System Justification on Corruption Perception and Intent // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 1107.
39. *Uslaner E.M.* The moral foundations of trust / E.M. Uslaner, Cambridge University Press, 2002. 298 p.
40. *Van Deth J.W.* Interesting but irrelevant: Social capital and the saliency of politics in Western Europe // *European Journal of Political Research*. 2000. Vol. 37. № 2. P. 115–147.
41. *Vargas-Salfate S. et. al.* A Comparison of Social Dominance Theory and System Justification: The Role of Social Status in 19 Nations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. № 7. P. 1060–1076.
42. *Vasilopoulos P., Brouard S.* System Justification and Affective Responses to Terrorism: Evidence from the November 2015 Paris Attacks // *Political Psychology*. 2020. Vol. 41. № 3. P. 569–586.
43. *Walch C.* Evacuation ahead of natural disasters: Evidence from cyclone Phailin in India and typhoon Haiyan in the Philippines // *Geo: Geography and Environment*. 2018. Vol. 5. № 1. P. e00051.
44. *Yaqub O. et. al.* Attitudes to vaccination: A critical review // *Social Science & Medicine*. 2014. Vol. 112. P. 1–11.
45. *Zmerli S., Meer T. van der* Handbook on Political Trust / S. Zmerli, T. van der Meer, Edward Elgar Publishing, 2017. 560 p.

References

1. VOZ Pnevmoniya neizvestnoi etiologii – Kitai [Elektronnyi resurs] [Pneumonia of unknown etymology]. WHO. URL: <http://www.who.int/csr/don/05-january-2020-pneumonia-of-unknown-cause-china/ru/> (Accessed: 31.05.2021) (In Russ.).
2. Vstupitel'noe slovo General'nogo direktora VOZ na press-brifinge po COVID-19 13 marta 2020 g. [Elektronnyi resurs] [Introductory word from General director of WHO on the COVID-19 press-conference on the 13 of March 2020]. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-mission-briefing-on-covid-19---13-march-2020> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
3. Vstupitel'noe slovo General'nogo direktora na press brifinge po COVID-19 11 marta 2020 g. [Elektronnyi resurs] [Introductory word from General director of WHO on the COVID-19 press-conference on the 11 of March 2020]. URL: <https://www.who.int/ru/director-general/>

- speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020 (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
4. Gulevich O.A., Sarieva I.R. Sotsial'nye verovaniya, politicheskoe doverie i gotovnost' k politicheskomu povedeniyu: sravnenie Rossii i Ukrain. [Social beliefs, political trust, and readiness for political behavior: the comparison of Russia and Ukraine]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. DOI:10.17759/sps.2020110205 (In Russ.).
 5. Desyat' kitaiskikh gorodov priostanovili transportnoe soobshchenie [Elektronnyi resurs] [Ten Chinese cities stopped transport connections] – Gazeta.Ru|Novosti. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/01/24/n_13953176.shtml (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 6. Dolya imeyushchikh zagranpasporta rossiyan ostalas' na urovne 28% [Elektronnyi resurs] [The share of Russians who own an international passport is left at 28%]. Interfax.ru. URL: <https://www.interfax.ru/russia/505606> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 7. Koronavirus: vaksina i proiskhozhdenie virusa [Elektronnyi resurs] [Coronavirus: vaccine and the origin of virus]. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaksina-i-proishozhdenie-virusa/> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 8. Koronavirus: statistika [Elektronnyi resurs] [Coronavirus: statistics]. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 9. Koronavirus: strakh i zanyatost' [Elektronnyi resurs] [Coronavirus: fear and employment]. URL: <https://www.levada.ru/2020/07/31/koronavirus-strah-i-zanyatost/> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 10. Mery bor'by s rasprostraneniem COVID-19 v raznykh stranakh [Elektronnyi resurs] [Measures against COVID-19 in different countries]. RIA Novosti, 31.12.2020. URL: <https://ria.ru/20201231/covid-19-1591420327.html> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 11. Mery po bor'be s pandemiei koronavirusa [Elektronnyi resurs] [Measures against coronavirus pandemic]. Levada-Tsentr. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/08/mery-po-borbe-s-pandemiej-koronavirusa/> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 12. Odobrenie institutov vlasti [Elektronnyi resurs] [Approval of government institutions]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/27/odobrenie-institutov-vlasti-28/> (Accessed: 31.05.2021). (In Russ.).
 13. Tatarko A.N. Mezhluchnostnoe doverie kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. [Mechanism of trust as a factor of social and economic development]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 3, pp. 28–41. (In Russ.).
 14. Abalakina-Paap M. et al. Beliefs in Conspiracies. *Political Psychology*, 1999. Vol. 20, no. 3, pp. 637–647.
 15. Conspiracy beliefs reduce the following of government coronavirus guidance [Elektronnyi resurs] [University of Oxfor]. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2020-05-22-conspiracy-beliefs-reduces-following-government-coronavirus-guidance> (Accessed: 31.05.2021).
 16. Douglas K.M. et al. Understanding Conspiracy Theories. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40, no. S1, pp. 3–35.
 17. Douglas K.M., Sutton R.M., Cichocka A. The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*, 2017. Vol. 26, no. 6, pp. 538–542.
 18. Hamm J.A., Smidt C., Mayer R.C. Understanding the psychological nature and mechanisms of political trust. *PLOS ONE*, 2019. Vol. 14, no. 5, pp. e0215835.
 19. Hayes A.F. Partial, conditional, and moderated moderated mediation: Quantification, inference, and interpretation. *Communication Monographs*, 2018. Vol. 85, no. 1, pp. 4–40.
 20. Ivanov A., Sarieva I., Agadullina E.R. How do Russians perceive and justify the status quo: insights of the System Justification scales adaptation. *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. (manuscript in preparation).
 21. Jost J.T. et al. Belief in a just God (and a just society): A system justification perspective on religious ideology. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 2014. Vol. 34, no. 1, pp. 56–81.

22. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology*, 1994. Vol. 33, no. 1, pp. 1–27.
23. Jost J.T., Hunyady O. Antecedents and Consequences of System-Justifying Ideologies. *Current Directions in Psychological Science*, 2005. Vol. 14, no. 5, pp. 260–265.
24. Karić T., Međedović J. Covid-19 conspiracy beliefs and containment-related behaviour: The role of political trust. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 175, pp. 110697.
25. Larson H.J. The biggest pandemic risk? Viral misinformation. *Nature*, 2018. Vol. 562, no. 7727, pp. 309–309.
26. Many Americans continue to experience mental health difficulties as pandemic enters second year. Pew Research Center [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/03/16/many-americans-continue-to-experience-mental-health-difficulties-as-pandemic-enters-second-year/> (Accessed: 31.05.2021).
27. Mitchell A. et al. Three Months In, Many Americans See Exaggeration, Conspiracy Theories and Partisanship in COVID-19 News. Pew Research Center's Journalism Project [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.journalism.org/2020/06/29/three-months-in-many-americans-see-exaggeration-conspiracy-theories-and-partisanship-in-covid-19-news/> (Accessed: 31.05.2021).
28. Oksanen A. et al. Regulation and Trust: 3-Month Follow-up Study on COVID-19 Mortality in 25 European Countries. *JMIR Public Health and Surveillance*, 2020. Vol. 6, no. 2, pp. e19218.
29. Osborne D. et al. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 2, pp. 244–269.
30. Public opinion in the time of COVID-19. Public opinion in the time of COVID-19 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/public-opinion-in-the-time-of-covid-19> (Accessed: 31.05.2021).
31. Pummerer L. et al. Conspiracy Theories and Their Societal Effects During the COVID-19 Pandemic. *Social Psychological and Personality Science*, 2021. pp. 194855062110002.
32. Putnam R. D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. Simon & Schuster, 2000. 544 p.
33. Rothstein B., Stolle D. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust. *Comparative Politics*, 2008. Vol. 40, no. 4, pp. 441–459.
34. Scholz J.T., Lubell M. Trust and Taxpaying: Testing the Heuristic Approach to Collective Action. *American Journal of Political Science*, 1998. Vol. 42, no. 2, pp. 398.
35. Shepherd S., Kay A.C. On the perpetuation of ignorance: System dependence, system justification, and the motivated avoidance of sociopolitical information. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 102, no. 2, pp. 264–280.
36. Sonderskov K.M. Does Generalized Social Trust Lead to Associational Membership? Unravelling a Bowl of Well-Tossed Spaghetti. *European Sociological Review*, 2011. Vol. 27, no. 4, pp. 419–434.
37. Soveri A. et al. Unwillingness to engage in behaviors that protect against COVID-19: the role of conspiracy beliefs, trust, and endorsement of complementary and alternative medicine. *BMC Public Health*, 2021. Vol. 21, no. 1, p. 684.
38. Tan X. et al. The Effects of General System Justification on Corruption Perception and Intent. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, p. 1107.
39. Uslaner E.M. The moral foundations of trust. E. M. Uslaner, Cambridge University Press, 2002. 298 p.
40. Van Deth J.W. Interesting but irrelevant: Social capital and the saliency of politics in Western Europe. *European Journal of Political Research*, 2000. Vol. 37, no. 2, pp. 115–147.
41. Vargas-Salfate S. et al. A Comparison of Social Dominance Theory and System Justification: The Role of Social Status in 19 Nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018. Vol. 44, no. 7, pp. 1060–1076.

42. Vasilopoulos P., Brouard S. System Justification and Affective Responses to Terrorism: Evidence from the November 2015 Paris Attacks. *Political Psychology*, 2020. Vol. 41, no. 3, pp. 569–586.
43. Walch C. Evacuation ahead of natural disasters: Evidence from cyclone Phailin in India and typhoon Haiyan in the Philippines. *Geo: Geography and Environment*, 2018. Vol. 5, no. 1, pp. e00051.
44. Yaqub O. et al. Attitudes to vaccination: A critical review. *Social Science & Medicine*, 2014. Vol. 112, pp. 1–11.
45. Zmerli S., Meer T. van der Handbook on Political Trust. S. Zmerli, T. van der Meer, Edward Elgar Publishing, 2017. 560 p.

Информация об авторах

Сариева Ирена Ремаевна, старший преподаватель, Департамент психологии Факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»)» г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Богатырева Наталья Игоревна, стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»)» г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyreva@hse.ru

Information about the authors

Irena R. Sarieva, Senior Lecturer at Psychology School of Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.r

Natalia I. Bogatyreva, Intern Researcher in Laboratory for Psychology of Social Inequality, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6024-2322>, e-mail: nbogatyreva@hse.ru

Получена 31.05.2021

Received 31.05.2021

Принята в печать 20.08.2021

Accepted 20.08.2021

Кто виноват и что делать: анализ комментариев к фильмам о бесланском теракте

Смирнов Н.М.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>, e-mail: nmsmirnov@edu.hse.ru

Цель. Выявить специфику содержания комментариев к документальным фильмам о пятнадцатой годовщине теракта в Беслане.

Контекст и актуальность. На фоне реактивации дискурса о Беслане видится необходимым изучить осмысление трагедии в российском обществе. Крайне важным является обращение к нереактивным данным для оценки ретроспективного восприятия теракта.

Дизайн исследования. Используется модель случайного леса для оценки конкретных характеристик комментариев.

Данные. Массив комментариев к фильмам Юрия Дудя, Ксении Собчак и «Новой газеты» о Беслане ($N=141966$, дата выгрузки: 29.02.2020, потери при парсинге < 1% от генеральной совокупности).

Методы (инструменты). Модель случайного леса (Random forest classifier) применительно к текстовым данным.

Результаты. В комментариях ко всем трем фильмам вина в подавляющем большинстве ретрибутируется государству. Отличаются призывы к действию: в комментариях к фильмам Ю. Дудя и К. Собчак прослеживаются призывы к помощи жертвам теракта; к фильму «Новой газеты» — к наказанию виновных.

Основные выводы. Бесланская трагедия оказывается серьезной точкой общественной диссоциации, не происходит сплочения вокруг государства и формирования консенсуса относительно способов заживления травмы.

Ключевые слова: Беслан, случайный лес, коллективная травма, фреймирование.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе и кодировании данных для исследования Родионову М.М. и Скворцова И.А.

Для цитаты: Смирнов Н.М. Кто виноват и что делать: анализ комментариев к фильмам о бесланском теракте // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3 С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120306>

Who Is to Blame and What Is to Be Done: Analysis of Comments to Films about the Beslan School Siege

Nikita M. Smirnov

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>, e-mail: nmsmirnov@edu.hse.ru

CC BY-NC

Objective. *Analysis of YouTube comments to documentaries about the fifteenth anniversary of the Beslan school siege.*

Background. *Amid reactivation of the Beslan discourse, demand for social reflection of the tragedy is increasing. It seems relevant to address nonreactive data to evaluate framing perception.*

Study design. *Using random forest modeling we examine the content of YouTube comments to evaluate their specific characteristics.*

Data. *Array of comments to Yuri Dud, Ksenia Sobchak and Novaya Gazeta films about Beslan (N=141,966, upload date: 02/29/2020, parsing loss<1% of the total).*

Measurements. *Random forest modeling for textual data.*

Results. *In the comments to all three films, blame is mainly reattributed to the state. The moral performatives are different: in the comments to Y. Dud and K. Sobchak's films there are appeals for helping victims of the terrorist attack; in the case of Novaya Gazeta – to the punishment of the guilty.*

Conclusions. *The Beslan tragedy turns out to be a serious point of social dissociation, there is neither rallying around the state nor a consensus on how to heal the trauma.*

Keywords: *Beslan siege, random forest, collective trauma, framing perception.*

Acknowledgements. The author is grateful to Rodionova M.M. and Skvortsov I.A. for their assistance in the data collection and coding.

For citation: Smirnov N.M. Who Is to Blame and What Is to Be Done: Analysis of Comments to Films about the Beslan School Siege. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120306> (In Russ.).

Введение

В 2019 году – году пятнадцатой годовщины теракта в Беслане – самые разные медиа выпускают материалы, посвященные трагедии. Документальные фильмы выходят на политизированных и аполитичных, больших и малых, «оппозиционных» и «провластных» платформах. Происходит интенсивная реактивация дискуссии о причинах и последствиях трагедии, которая почти на десятилетие исчезла из публичного дискурса.

Захват заложников в Беслане – один из самых страшных терактов в российской истории. Он становится точкой серьезной общественной диссоциации – этнической, религиозной и политической. Трагичным кажется умолчание этих разломов и отсутствие рефлексии теракта, связанное во многом с политической необходимостью. В результате Беслан становится коллективной трав-

мой. Психологи и культурологи определяют ее как коллективно переживаемый болезненный и пролонгированный опыт насилия [22]. В исследованиях травмы формируется некоторый набор стратегий ее осмысления, относительно общепринятым является признание важности культурной рефлексии в формировании общественного консенсуса и «заживления» (*healing*) травмы [13].

Корни этого подхода можно найти в психоаналитической школе, хотя ее анализ травмы касается индивидуального переживания. З. Фрейд выделяет две стратегии реакции на травматичный опыт: деструктивную меланхолию (постоянное переживание травмы, сосредоточенность на ней) и конструктивную скорбь (признание потери, совмещенное с отказом строить свою жизнь вокруг нее) [11]. Продолжая логику Фрейда, Д. Ла Капра предлагает альтернативный язык описания: травму по Ла Капре

можно разыгрывать, то есть постоянно публично воспроизводить виктимные паттерны, или прорабатывать — принимать катастрофичность переживания, но осознавать необходимость продолжать развитие [17].

Теория травмы на общественном уровне восходит к работам конструктивистских социологов. П. Штомпка и Д. Александер пишут о роли травмы в формировании идентичности [5; 23]: патологичное переживание рождает социальные расколы и препятствует формированию консенсуса. Сообщество, пережившее травму, диссоциирует, и эта диссоциация вызывает конкретные политические последствия (в случае с Бесланом — это, в первую очередь, отмена прямых выборов губернаторов). Р. Хестанов отмечает, что травматичность бесланской трагедии связана, во-первых, с сакральностью объекта насилия (дети и школа), а во-вторых, с отсутствием согласия относительно атрибуции вины: «У этого зла (*бесланского теракта* — Н.С.) много имен. Для кого-то это представители определенной веры, для других — определенного этноса, для третьих — террористы» [3]. В этом смысле сложно переоценить важность анализа одной из самых глубоких ран российского социокультурного пространства — бесланской трагедии.

В качестве теоретической рамки анализа выбрана теория медийных фреймов. Исследования фреймов в медиакоммуникациях резюмированы в статье Д. Чонга и Д. Дракмана [9]. Базовое положение теории фреймов состоит в том, что любое высказывание представляет собой не только единицу информации, но и сопутствующий фрейм — некоторое специфическое обрамление, наделяющее сообщение особым контекстом. Одна и та же совокупность фактов может облекаться в разные фреймы (через выбор

языка описания, специфических метафор, умолчания, контекстуализации и множества других инструментов). Под фреймированием Чонг и Дракман понимают процесс формирования мнения через специфический угол представления проблемы, именно такая концептуализация и используется в работе.

После теракта 11 сентября 2001 года и последовавших за ним событий появилось значительное количество исследований фреймирования терроризма и террористов. Д. Вудс задавался вопросом влияния фреймирования терроризма в СМИ на формирование общественного восприятия опасности. Моделируя в опросе три возможных фрейма («террорист», «радикальный исламский террорист» и «террорист, использующий ядерное оружие»), Вудс приходит к выводу, что терроризм репрезентируется как комплексный феномен, восприятие которого значительно отличается в зависимости от фреймирования [24].

Концептуально схожим является анализ стратегий фреймирования терроризма А. Морина. Автор выделяет 7 риторических паттернов описания терактов (таких, как контекстуализация, выделение жертв и героев, метанарративизация и т.д.) [19]. И Вудс, и Морин отмечают вариативность репрезентации терроризма. Помимо приведенных работ существует широкий пласт других исследований по темам: фреймирование в сообщениях самих террористов [6], фокус на фреймах женщин-террористок [15], проблема значимости фрейминга как контртеррористической медийной политики [12].

Н. Луман описывает коммуникацию как два последовательных, но связанных этапа селекции: селекция смыслов авторами сообщения (в сущности, фреймирование, выбор конкретных акцен-

тов) и селекция смыслов реципиентами (выделение информации из сообщения, восприятие фреймов) [18]. Однако исследования в рамках теории фреймов в основном фокусируются или на непосредственном вычлениении фреймов из документов [6; 7; 15; 19], или на оценке восприятия фреймов респондентами [14; 24]. Эта работа сосредоточена на втором этапе коммуникации и пытается ответить на вопрос о том, какова реакция целевой аудитории на фильмы о годовщине бесланского теракта.

Для анализа были выбраны комментарии к трем фильмам с наибольшим охватом аудитории: «Беслан. Помни» Юрия Дудя, «Беслан. День незнаний» Ксении Собчак и «Школа номер один» «Новой газеты». Выемка комментариев производилась 29.02.2020, общие потери при парсинге составили не более 1% от общего числа комментариев.

Отдельный вызов для подобного исследования — подбор релевантных методов. Теория фреймов — скорее теоретическое основание мышления о коммуникации, чем стройный набор методов; существующие исследования в силу ограничений интерпретативистской традиции тоже не сформировали единой методологии. Восприятие фреймов широко изучено на индивидуальном уровне (главным образом в рамках экспериментальных дизайнов [14; 24]), но отсутствует предметный консенсус относительно восприятия фреймов на больших выборках.

В этой работе используется модель машинного обучения для оценки целевых переменных в большом массиве комментариев. С одной стороны, это уязвимый для критики способ отследить реакцию зрителей на фреймирование: комментарии во многом зашумлены лишней информацией, комментаторы не являются репрезентативным срезом ауди-

тории. С другой стороны, комментарии являются лучшим из доступных вариантов оценки того, как целевая аудитория восприняла предложенные фреймы: во-первых, в силу достаточно большого объема массива, во-вторых, из-за отсутствия вмешательства исследователя в объект.

Для того, чтобы провести оценку восприятия фреймов, необходимо сформулировать целевые переменные: основные линии сравнения комментариев. При этом их детализация должна быть сравнительно простой в силу ограничений текущих моделей анализа содержания текстов. В работе используется подход «мешка слов»: представления текстов как множества слов без учета их порядка и грамматики. В этом смысле наиболее перспективными с точки зрения формализации представляются следующие два фрейма.

Атрибуция вины. Этот фрейм включает в себя приписывание ответственности и вины за произошедшее. В случае террористического акта ответственность и вина обычно приписываются либо террористам, либо государству (см., например, [1]).

Призывы к действию. Это фрейм включает в себя указание на то, каким образом нужно реагировать на произошедшее. В случае теракта такими стратегиями могут стать помощь жертвам или наказание виновных.

Метод

Выборка исследования

Массив из 141966 текстовых объектов, полученных автоматизированным сбором с использованием YouTube API. Выемка производилась 29.02.2020, возможны несистематические потери, не превышающие 1% от генеральной совокупности. Из выборки исключены полностью некириллические комментарии.

Методы исследования

В рамках анализа восприятия фреймов было принято решение обратиться к нереактивным данным — то есть «цифровому следу» пользователей, который остается в сети и в этом смысле не является реакцией на интервенцию исследователя [2]. В нашем случае такими данными стал массив комментариев к фильмам. Анализируемые фреймы легли в основу целевых переменных (см. таблицу).

После этого тремя кодировщиками (один из них — автор) была независимо оценена тренировочная выборка $N=1000$ комментариев. Инструкция для кодировщиков содержала указания на значения целевых переменных и основные паттерны поиска. Каждое наблюдение получило оценку по двум целевым переменным. Результаты оценки трех кодировщиков проверены на согласованность с помощью альфы Криппендорфа (мера согласия, обобщающая несколько мер надежности [16]); полученный коэффициент (α Криппендорфа=0.76) позволяет говорить о консистентной оценке наблюдений кодировщиками.

Построение предиктивных моделей проводилось в среде Python. Тренировочная выборка была разделена на обучающую и тестовую в пропорции 3:1 с соблюдением баланса классов для каждой переменной (то есть в каждой из подвыборок сохранено изначальное соотношение между комментариями разных категорий и разных авторов). Массив данных был токенизирован, то есть разделен на отдельные слова и очищен от зашумляющих словоформ (предлогов, частиц, союзов и т.д.). Каждое слово было приведено к словарной форме средствами пакета *Mystem*. С целью улучшения качества моделей каждому слову присвоен тэг части речи (так называемый POS-tag).

Далее проведена векторизация текста (приведение его в числовое представление), для нее использовался алгоритм TF-IDF, реализованный в библиотеке *scikit-learn*. Векторизация текста методом TF-IDF (*Term Frequency — Inverse Document Frequency*) — один из самых распространенных алгоритмов числового представления текстовых данных, который присваивает каждому токену

Таблица

Целевые переменные и их значения

Целевая переменная	Возможные значения
Атрибуция вины	0 — в комментарии отсутствует выраженная атрибуция вины; 1 — в комментарии вина атрибутируется государству; 2 — в комментарии вина атрибутируется террористам; 3 — в комментарии вина атрибутируется автору нарратива ¹ .
Призыв к действию	0 — в комментарии нет выраженного призыва к действию; 1 — в комментарии есть призыв помочь жертвам теракта; 2 — в комментарии есть призыв каким-то образом наказать виновных в теракте.

¹ Третье значение целевой переменной (атрибуция вины автору нарратива) появилось в процессе кодирования. В комментариях к фильму К.А. Собчак проявились обвинение автора в затрагивании сакральной темы и личные оскорбления.

(отдельному слову) в каждом документе значение TF-IDF коэффициента.

Он учитывает частотность слов как в рамках одного документа (комментария), так и в рамках всего корпуса. При этом наибольший TF-IDF коэффициент получают слова с высокой частотой в одном документе и с низкой частотой употребления в корпусе в целом. Выходом алгоритма является матрица размера $D \times T$, где D — количество документов, а T — количество уникальных токенов в корпусе; каждый элемент этой матрицы — значение коэффициента для конкретного токена в конкретном тексте.

Для оценки комментариев был выбран алгоритм случайного леса. Случайный лес (*Random forest*) — ансамблевая модель машинного обучения, представляющая собой множество решающих деревьев. Каждое из них независимо голосует по отдельному комментарию, итоговое значение переменной определяется большинством голосов. Для повышения независимости отдельных классификаторов решающие деревья строятся на случайной подвыборке наблюдений и признаков. При этом сама логика построения дерева остается классической — для каждого разделения используется критерий Джини. В результате несколько субоптимальных алгоритмов большинством голосов принимают близкое к оптимальному решение (см. теорему Кондорсе о жюри присяжных [10]). Этот метод не только позволяет проследить важные предикторы, но и считается устойчивым к переобучению.

После обучения моделей необходимо было оценить их адекватность. С одной стороны, это можно сделать через расчет формальных показателей. На оцененной вручную тестовой подвыборке обе модели получили высокое значение метрики ассигасу. Она отражает долю правиль-

ных ответов среди всех ответов. В нашем случае правильным ответом становится совпадение классификации алгоритма с оценкой кодировщика. Для *атрибуции вины* ассигасу составила 0.780, для *призыва к действию* — 0.976. Другой способ оценить применимость моделей — обратиться к ключевым предикторам. В нашем случае это словоформы, которые играют наибольшую роль при решении задачи классификации.

Ключевые слова, которые модель выделила для целевой переменной «атрибуция вины», выглядели осмысленно. Атрибуция вины определялась в зависимости от упоминания конкретных лиц: слова «Путин», «государство», «власть» и «правительство», вероятно, определяли атрибуцию вины государству, а слово «террорист» — террористам.

Ключевые слова, которые модель выделила для целевой переменной «призыв к действию», также выглядели осмысленно. Часть из них определяла значение 1 (призыв к помощи жертвам теракта): это слова «карта», «муртазовый» (искаженный лемматизатором вариант фамилии одной из героинь фильма Ю. Дудя Дианы Муртазовой), «счет» и т.д. Остальные определяли присвоение переменной значения 2 (призыв к наказанию виновных или мести) — это слова «отвечать», «наказание», «повесить», «Путин» и т.д.

Результаты

Ниже представлены распределения двух целевых переменных (атрибуция вины и призыв к действию) в зависимости от автора фильма. В достаточном количестве комментариев целевые переменные принимают значение 0 (отсутствует атрибуция вины или призыв к действию). Для повышения наглядности

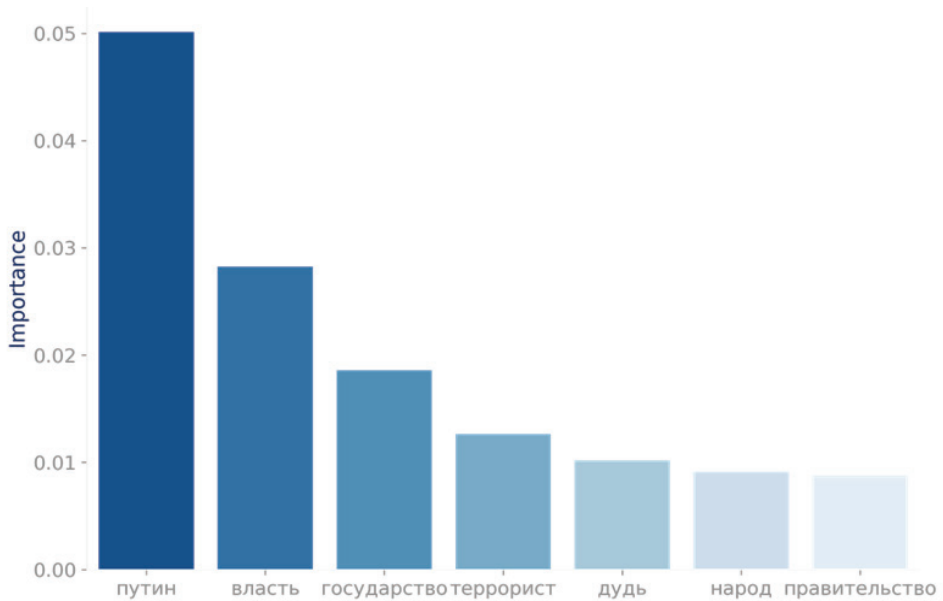

Рис. 1. Ключевые предикторы целевой переменной «атрибуция вины»

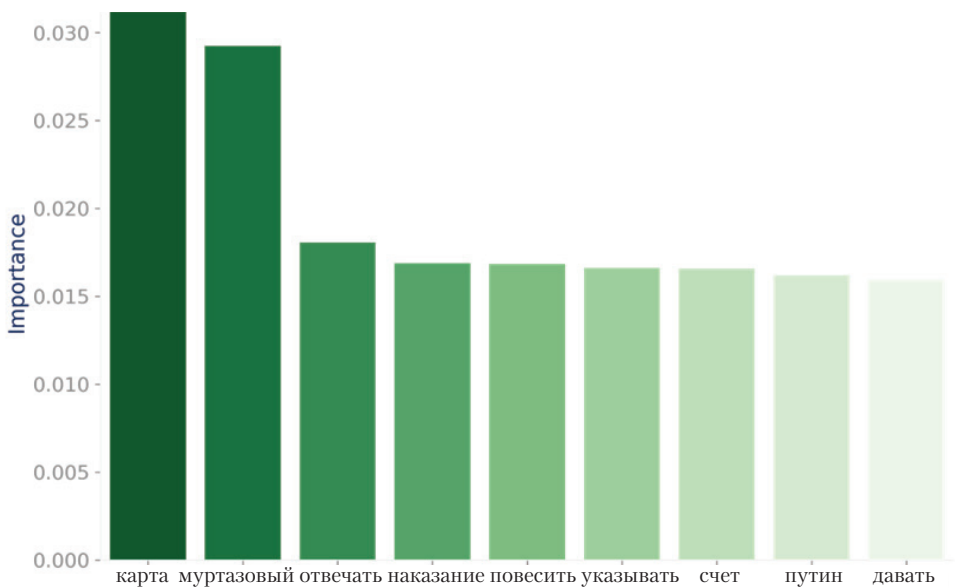

Рис. 2. Ключевые предикторы целевой переменной «призыв к действию»

распределений в графиках опущены такие наблюдения. В рамках этого иссле-

дования важно проследить различия в массивах комментариев, а не дать мак-

симально правдоподобную оценку распределения признаков. Поэтому ниже мы будем говорить именно о *склонности* аудитории к тем или иным стратегиям комментирования.

Обратимся к распределению комментариев в зависимости от атрибуции вины (см. рис. 3). Здесь наблюдается два значимых тренда: с одной стороны, большая часть комментариев с ненулевым значением переменной «атрибуция вины» была отнесена моделью к единице (вина атрибутируется государству). С другой стороны, в массиве комментариев к фильму К. Собчак мы видим выраженную долю наблюдений с иным значением переменной (вина атрибутируется автору нарратива).

Далее опишем распределение комментариев по призывам к действию. В данном случае наблюдается значительное смещение акцентов: в комментариях к фильмам Ю. Дудя и К. Собчак чаще присутствует призыв к помощи жертвам теракта, а в массиве комментариев к фильму «Новой газеты» — призыв к привлечению виновных к ответственности (см. рис. 4).

Обсуждение результатов

В этом исследовании рассмотрен массив комментариев к трем документальным фильмам о пятнадцатой годовщине теракта в Беслане: Юрия Дудя, Ксении Собчак и «Новой газеты». Предпринята попытка выделить два основных фрейма: атрибуцию вины и призыв к действию. Для этого весь корпус комментариев оценен моделью случайного леса по двум переменным. Этот анализ позволил сделать два основных вывода.

Первый из них касается атрибуции вины за произошедшее в Беслане. На первый взгляд, теракт — это травмирующее событие, воздействие которого сглаживается наличием понятного объекта обвинения — террористов. Подобный механизм описан в психологической литературе: любая понятная атрибуция вины смягчает последствия пережитого травматичного опыта [8].

В то же время государство рассматривается как точка объединения, как некоторый символический защитник в

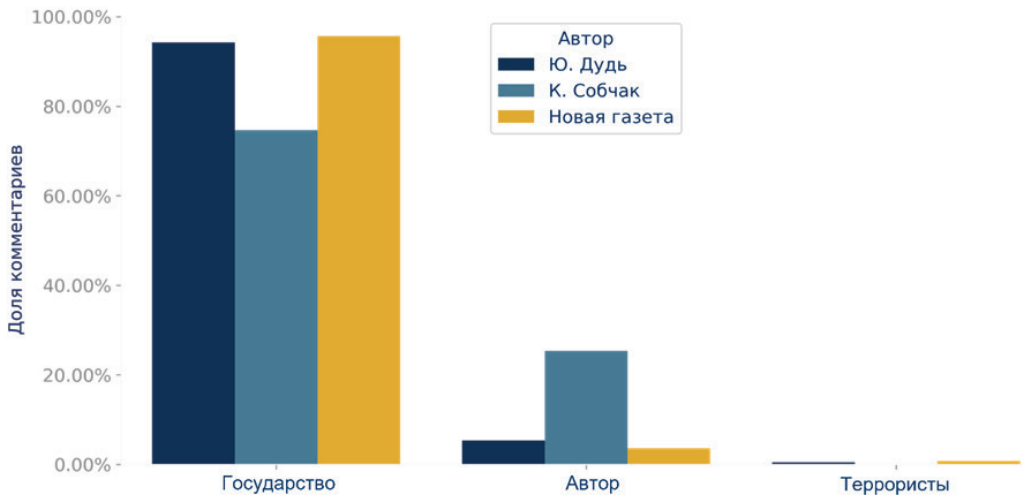

Рис. 3. Распределение комментариев к ролику автора в зависимости от переменной «атрибуция вины»

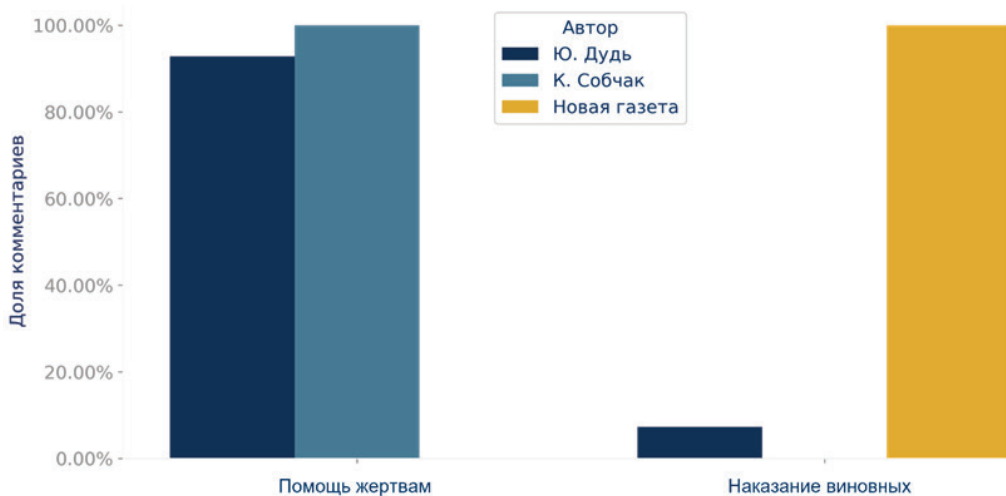

Рис. 4. Распределение комментариев к ролику автора в зависимости от переменной «призыв к действию»

момент кризиса. В пользу этого говорит феномен «объединения вокруг флага». Он заключается в том, что в условиях кризиса, в том числе после террористических актов, легитимность политического лидера растет. Этот феномен был многократно продемонстрирован на американском материале [20].

Однако комментарии российских пользователей, посмотревших фильм о Беслане, говорят об обратном. Ответственность и вина за теракт и его последствия возлагаются на государство и российского президента. Таким образом, теракт как травмирующее событие не формирует объединяющей идентичности, связанной с государством. Напротив, образуется некоторый раскол между государством и обществом.

Можно предложить несколько объяснений этого феномена: от специфики российского интернет-населения и его скептического отношения к государству [4] до идеологических предпочтений авторов фильмов. Это исследование не ставит себе цели предложить каузаль-

ную модель, скорее наметить основные проблемные точки, и на проанализированных данных видно, что определение виновных является таковой.

Второй вывод касается призывов к действию. Комментаторы чаще говорят о стратегии помощи жертвам теракта, чем о наказании виновных. Эта закономерность выражена, прежде всего, в комментариях к фильмам Ю. Дудя и К. Собчак. В некотором смысле подобный конструктивный подход может стать механизмом коллективного переживания травмы, «скорбью» вместо «меланхолии» в терминах Фрейда. На эмпирическом материале исследователи показывают, как помощь пострадавшим может помочь собственному переживанию [21].

В то же время комментаторы фильма «Новой газеты» склонны призывать к наказанию виновных. И это также очевидная стратегия реакции: после однозначного определения виновного возникает необходимость в воздаянии, установлении справедливости. Однако если помощь жертвам — принципиаль-

но достижимая цель, то некоторая абстрактная месть представляется скорее деструктивным и бесполезным механизмом реакции.

Отдельный вопрос касается того, кто является объектом этой мести. В данном исследовании не проводилось специального различия между объектами наказания. Однако описанные выше данные говорят о том, что комментаторы склонны атрибутировать вину государству. Поэтому можно предположить, что требования наказания также касаются представителей власти. Это предположение подтверждается содержательным анализом комментариев в тренировочной выборке.

Заключение

Документальные фильмы Юрия Дудя, Ксении Собчак и «Новой газеты» о Беслане можно рассматривать как культурную рефлексию травмы, вызванной террористическим актом. В данной работе была предпринята попытка проанализировать реакцию комментаторов на документальные фильмы о Беслане, поскольку эти комментарии можно рас-

сматривать как косвенное отражение степени заживленности коллективной травмы.

На большом массиве неактивных данных мы проанализировали два основных аспекта этой реакции: атрибуцию вины и призывы к действию. Результаты показали, что комментаторы склонны атрибутировать вину за теракт государству. Кроме того, часть комментаторов предлагает помогать жертвам теракта, другие призывают к наказанию виновных.

Оба этих вывода скорее пессимистичны с точки зрения социального анализа последствий Беслана. Возложение вины на государство говорит о наличии некоторого напряжения между властью и обществом, отсутствие консенсуса относительно стратегий заживления травмы препятствует формированию коллективной идентичности. Тем не менее, возможно, эти фильмы станут «спусковым крючком» на пути к заживлению травмы. Само возвращение Беслана в политический дискурс — большой шаг на пути к тому, чтобы российское общество смогло проговорить эту травму, принять и от-рефлектировать ее.

Литература

1. *Гаврилов К.А., Толмач А.Д.* Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в «Домодедово» // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 81–88.
2. *Девятко И.Ф.* Инструментарий онлайн-исследований: попытка каталогизации // Онлайн-исследования в России 3.0 / под ред. и предисл. Шашкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. М., 2012. С. 7–30.
3. *Ефимова А.* «Историческая травма от Беслана сформируется не раньше, чем через 50–60 лет»: беседа с профессором НИУ ВШЭ Р. Хестановым [Электронный ресурс] // МЕЛ. URL: https://mel.fm/vazhny_razgovor/7648502-beslan_tragedy (дата обращения: 21.06.2021).
4. *Радкевич А.Л.* Интернет-аудитория в России: состояние, динамика, тенденции // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 230–236.
5. *Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P.* Cultural trauma and collective identity. University of California Press, 2004. 304 p. DOI:10.1525/9780520936768.
6. *Andersen J.C., Sandberg S.* Islamic State propaganda: Between social movement framing and subcultural provocation // Terrorism and Political Violence. 2020. Vol. 32. № 7. P. 1506–1526. DOI:10.1080/09546553.2018.1484356

7. Bayulgen O., Arbatli E. Cold War redux in US-Russia relations? The effects of US media framing and public opinion of the 2008 Russia-Georgia war // *Communist and Post-Communist Studies*. 2013. Vol. 46. № 4. P. 513–527. DOI:10.1016/j.postcomstud.2013.08.003
8. Bulman R.J., Wortman C.B. Attributions of blame and coping in the «real world»: severe accident victims react to their lot // *Journal of personality and social psychology*. 1977. Vol. 35. № 5. P. 351. DOI:10.1037//0022-3514.35.5.351
9. Chong D., Druckman J.N. Framing theory // *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2007. № 10. P. 103–126. DOI:10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054
10. Condorcet M.D. *Essay on the Application of Analysis to the Probability of Majority Decisions*. 1785. Paris: Imprimerie Royale. 195 p.
11. Freud S. Mourning and melancholia // *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Volume XIV (1914-1916): On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works. 1957. P. 237–258.
12. Haider-Markel D.P., Joslyn M.R., Al-Baghal M.T. Can we frame the terrorist threat? Issue frames, the perception of threat, and opinions on counterterrorism policies // *Terrorism and Political Violence*. 2006. Vol. 18. № 4. P. 545–559. DOI:10.1080/09546550600880625
13. Hall S. The work of representation // *Representation: Cultural representations and signifying practices*. 1997. Vol. 2. P. 13–74.
14. Higgins E.T., Bargh J.A., Lombardi W.J. Nature of priming effects on categorization // *Journal of experimental psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11. № 1. P. 59. DOI:10.1037/0278-7393.11.1.59
15. Jackson L.B. Framing British «Jihadi Brides»: Metaphor and the Social Construction of IS Women // *Terrorism and Political Violence*. 2019. P. 1–19. DOI:10.1080/09546553.2019.1656613
16. Krippendorff K. *Content analysis: An introduction to its methodology*. Sage publications, 2018. 472 p.
17. LaCapra D. *Writing history, writing trauma*. JHU Press, 2014. 264 p.
18. Luhmann N. What is communication? // *Communication theory*. 1992. Vol. 2. № 3. P. 251–259. DOI:10.1111/j.1468-2885.1992.tb00042.x
19. Morin A. Framing terror: The strategies newspapers use to frame an act as terror or crime // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2016. Vol. 93. № 4. P. 986–1005. DOI:10.1177/1077699016660720
20. Mueller J.E. Presidential Popularity from Truman to Johnson // *American political science review*. 1970. Vol. 64. № 1. P. 18–34. DOI:10.2307/1955610
21. Neimeyer R.A., Stewart A.E. Trauma, healing, and the narrative employment of loss // *Families in Society*. 1996. Vol. 77. № 6. P. 360–375. DOI:10.1606/1044-3894.933
22. Somasundaram D. Addressing collective trauma: Conceptualisations and interventions // *Intervention*. 2014. Vol. 12. № 1. P. 43–60. DOI:10.1097/WTF.0000000000000068
23. Sztopka P. The trauma of social change // *Cultural trauma and collective identity*. University of California Press, 2004. P. 155–195. DOI:10.1525/9780520936768-006
24. Woods J. Framing terror: An experimental framing effects study of the perceived threat of terrorism // *Critical Studies on Terrorism*. 2011. Vol. 4. № 2. P. 199–217. DOI:10.1080/17539153.2011.586205

References

1. Gavrilov K.A., Tolmach A.D. Kto vinovat: kontent-analiz blogov o terakte v «Domodedovo» [Who is to blame: content analysis of blogs about the terrorist attack at «Domodedovo»]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014, no. 12, pp. 81–88. (In Russ.)
2. Devyatko I.F. Instrumentarii onlain-issledovani: popytka katalogizatsii [Online research toolkit: cataloging attempt]. In Shashkina A.V., Devyatko I.F., Davydova S.G. (ed.) *Onlain-issledovaniya v Rossii 3.0 [Online research in Russia 3.0]*. Moscow, 2012, pp. 7–30. (In Russ.)

3. Efimova A. «Istoricheskaya travma ot Beslana sformiruetsya ne ran'she, chem cherez 50—60 let» [Elektronnyi resurs] [The historical trauma from Beslan will not form until 50—60 years later]. MEL. URL: https://mel.fm/vazhny_razgovor/7648502-beslan_tragedy (Accessed 21.06.2021). (In Russ.).
4. Radkevich A.L. Internet-auditoriya v Rossii: sostoyanie, dinamika, tendentsii [Internet audience in Russia: state, dynamics, trends]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. = Knowledge. Understanding. Skill*, 2009. No. 1, pp. 230—236. (In Russ.).
5. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. University of California Press, 2004. 304 p. DOI:10.1525/9780520936768
6. Andersen J.C., Sandberg S. Islamic State propaganda: Between social movement framing and subcultural provocation. *Terrorism and Political Violence*, 2020. Vol. 32, no. 7, pp. 1506—1526. DOI:10.1080/09546553.2018.1484356
7. Bayulgen O., Arbatli E. Cold War redux in US-Russia relations? The effects of US media framing and public opinion of the 2008 Russia-Georgia war. *Communist and Post-Communist Studies*, 2013. Vol. 46, no. 4, pp. 513—527. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.08.003
8. Bulman R.J., Wortman C.B. Attributions of blame and coping in the «real world»: severe accident victims react to their lot. *Journal of personality and social psychology*, 1977. Vol. 35, no. 5, p. 351. DOI:10.1037//0022-3514.35.5.351
9. Chong D., Druckman J.N. Framing theory. *Annu. Rev. Polit. Sci.*, 2007. No. 10, pp. 103—126. DOI:10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054
10. Condorcet M.D. Essay on the Application of Analysis to the Probability of Majority Decisions. 1785. Paris: Imprimerie Royale. 195 p.
11. Freud S. Mourning and melancholia. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIV (1914-1916): On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works. 1957, pp. 237—258.
12. Haider-Markel D.P., Joslyn M.R., Al-Baghal M.T. Can we frame the terrorist threat? Issue frames, the perception of threat, and opinions on counterterrorism policies. *Terrorism and Political Violence*, 2006. Vol. 18, no. 4, pp. 545—559. DOI:10.1080/09546550600880625
13. Hall S. The work of representation. In *Representation: Cultural representations and signifying practices*, 1997. Vol. 2, pp. 13—74.
14. Higgins E.T., Bargh J.A., Lombardi W.J. Nature of priming effects on categorization. *Journal of experimental psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 1985. Vol. 11, no. 1, p. 59. DOI:10.1037/0278-7393.11.1.59
15. Jackson L.B. Framing British «Jihadi Brides»: Metaphor and the Social Construction of IS Women. *Terrorism and Political Violence*, 2019, pp. 1—19. DOI:10.1080/09546553.2019.1656613
16. Krippendorff K. Content analysis: An introduction to its methodology. Sage publications, 2018. 472 p.
17. LaCapra D. Writing history, writing trauma. JHU Press, 2014. 264 p.
18. Luhmann N. What is communication? *Communication theory*, 1992. Vol. 2, no. 3, pp. 251—259. DOI:10.1111/j.1468-2885.1992.tb00042.x
19. Morin A. Framing terror: The strategies newspapers use to frame an act as terror or crime. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2016. Vol. 93, no. 4, pp. 986—1005. DOI:10.1177/1077699016660720
20. Mueller J.E. Presidential Popularity from Truman to Johnson. *American political science review*, 1970. Vol. 64, no. 1, pp. 18—34. DOI:10.2307/1955610
21. Neimeyer R.A., Stewart A.E. Trauma, healing, and the narrative employment of loss. *Families in Society*, 1996. Vol. 77, no. 6, pp. 360—375. DOI:10.1606/1044-3894.933
22. Somasundaram D. Addressing collective trauma: Conceptualisations and interventions. *Intervention*, 2014. Vol. 12, no. 1, pp. 43—60. DOI:10.1097/WTF.0000000000000068

23. Sztompka P. The trauma of social change. In *Cultural trauma and collective identity*. University of California Press, 2004, pp. 155–195. DOI:10.1525/9780520936768-006
24. Woods J. Framing terror: An experimental framing effects study of the perceived threat of terrorism. *Critical Studies on Terrorism*, 2011. Vol. 4, no. 2, pp. 199–217. DOI:10.1080/17539153.2011.586205

Информация об авторах

Смирнов Никита Максимович, стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>, e-mail: nmsmirnov@edu.hse.ru

Information about the authors

Nikita M. Smirnov, Research Intern, Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9513-2641>, e-mail: nmsmirnov@edu.hse.ru

Получена 04.07.2021

Received 04.07.2021

Принята в печать 02.09.2021

Accepted 02.09.2021

«Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов

Хухлаев О.Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Павлова О.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Цель. Анализ связи между потерей личной значимости, интеллектуальной скромностью, потребностью в когнитивной завершенности и поддержкой радикальных взглядов.

Контекст и актуальность. Психологические исследования процесса радикализации вносят существенный вклад в объяснение данного негативного социально-политического явления. Один из вопросов связан с изучением того, как потребность в когнитивной завершенности связана с идеологическим экстремизмом.

Дизайн исследования. Исследование носило корреляционный характер. Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью путевого анализа, выполненного в программе AMOS 23.

Участники. 365 жителей России (78,5% женщин), возраст от 20 до 66 лет ($M=42.11$; $SD=11,62$). Большая часть выборки имеет высшее образование (94,1%), остальные – среднее или среднее специальное. 41,8% респондентов отнесли себя к христианам, 17,8% – к агностикам, 11,7% – к атеистам, 10,1% – к мусульманам, оставшиеся – к иным вероисповеданиям или предпочли пропустить данный пункт анкеты.

Методы (инструменты). Были использованы: а) краткая шкала измерения потребности в когнитивной завершенности Д. Веббера и А. Круглански; б) шкала интеллектуальной скромности М. Лири и др.; в) шкала потери личной значимости; г) опросник оценки поддержки радикального насилия.

Результаты. Позитивная связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов опосредована потребностью в когнитивной завершенности. Негативная связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов так же опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Основные выводы. Исследование демонстрирует значимость так называемой «когнитивной уязвимости» для поддержки экстремистской идеологии, которая исключительно важна для понимания личностных аспектов как радикализации, так и дерадикализации.

Ключевые слова: радикализация, экстремизм, потребность в когнитивной завершенности, интеллектуальная скромность, когнитивная ригидность.

Для цитаты: Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307>

“I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization

Oleg E. Khukhlaev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Olga S. Pavlova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Objective. Analysis of the relationship between loss of personal significance, intellectual humility, the need for cognitive closure, and support for radicalisation.

Background. Psychological studies of the process of radicalization make a significant contribution to the explanation of this negative socio-political phenomenon. One of the questions from these studies is how cognitive rigidity is related to ideological extremism.

Study design. The study examined the relationship between loss of personal significance, intellectual humility, and support for radical views mediated by the need for cognitive closure. The presence and nature of the relationship were checked using a path analysis performed in the AMOS 23 program.

Participants. 365 residents from Russia (78.5% women), age from 20 to 66 years ($M=42.11$; $SD=11.62$). The majority of the sample has a higher education (94.1%), the rest have secondary or specialized secondary education. 41.8% of the respondents identified themselves as Christians, 17.8% as Agnostics, 11.7% as atheists, 10.1% as Muslims, the rest-as other faiths or chose to skip this item of the questionnaire.

Measurements. Russian-language versions of the short scale of scales of the need for cognitive closure by D. Webber and A. Kruglansky; the scale of intellectual humility by M. Leary et al. and the scale of loss of personal significance. A questionnaire for assessing support for radical violence.

Results. The direct effect of loss of personal importance on the support of radical views is mediated by the need for cognitive closure. The reverse effect of intellectual humility on the support of radical views is mediated by the need for cognitive completeness.

Conclusions. The study demonstrates the significance of the “cognitive vulnerability” of supporting extremist ideology, which is extremely important for understanding the personal aspects of both radicalization and deradicalization.

Keywords: radicalization, extremism, need for cognitive closure, intellectual humility, cognitive rigidity.

For citation: Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. “I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307> (In Russ.).

Введение

«Мне известно, что мне ничего не известно! Вот последняя правда, открытая мной» — так звучат, наверное, самые известные строки персидского поэта О. Хайяма. Они говорят о том, что понимание ограниченности познания явля-

ется важной составляющей адекватного мировосприятия.

Современная психология, интегрируя многообразие философских традиций и результаты многочисленных эмпирических исследований, обозначает признание неопределенности и ограниченности своих познаний как познавательную

(или интеллектуальную) скромность (epistemic/intellectual humility) [5]. С одной стороны, она является составной частью мудрости и повышает позитивное восприятие аутгруппы, а также снижает поляризацию установок в конфликте [5]. С другой стороны, отсутствие интеллектуальной скромности рассматривается как одно из проявлений когнитивной ригидности [39], которая, в свою очередь, является предиктором ряда негативных социально-политических последствий [16]. Кроме интеллектуальной скромности в современной политической психологии хорошо изучено другое проявление когнитивной ригидности — потребность в когнитивной завершенности: предпочтение порядка и предсказуемости в сочетании с «закрытостью» мышления и дискомфортом в ситуации неопределенности [30; 31]. Несмотря на взаимосвязь потребности в когнитивной завершенности и интеллектуальной скромности, они представляют собой разные аспекты когнитивной ригидности, при этом вопрос их взаимосвязи не является однозначно проясненным.

Л. Змигорд выделяет два подхода к пониманию роли когнитивной ригидности в политической психологии [40]. Первый отражает представление о том, что когнитивная ригидность свойственна людям, придерживающимся «правых» политических взглядов (rigidity-of-the-right hypothesis). Другой подход связан с представлением о том, что когнитивная ригидность связана с идеологическим экстремизмом (rigidity-of-the-extreme hypothesis) вне зависимости от идеологических ориентаций (правых или левых). В свою очередь, идеологический экстремизм является значимой составляющей процесса радикализации — вхождения индивида в радикальные, экстремистские группы [36].

Существуют исследования [41], демонстрирующие, что когнитивная ригидность, измеряемая в «чистом» виде (без мотивационной составляющей, объективными когнитивными тестами), связана с такими проявлениями идеологического экстремизма, как желание убивать и умереть за свою группу, а также «слияние идентичности» с ингрупой (identity fusion, прямой предиктор радикализации) [10]. В рамках модели радикализации Д. Веббера и А. Круглански был изучен вклад потребности в когнитивной завершенности в поддержку радикальных взглядов [35]. Связь интеллектуальной скромности и радикализации ранее не изучалась.

Таким образом, настоящее исследование было направлено на изучение вклада «мотивационно-когнитивных» (motivated social cognition [16]) аспектов ригидности в поддержку радикальных взглядов. В предыдущих исследованиях данный вопрос был изучен с помощью одного измерения (потребности в когнитивной завершенности) [35]. Задачи нашего исследования состояли, во-первых, в репликации предыдущих результатов на российской выборке и, во-вторых, в расширении социально-когнитивных измерений за счет ранее не изученного параметра — интеллектуальной скромности.

Модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански

Модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански [35] включает в себя три составляющих, которые последовательно приводят человека к вхождению в радикальные группы: 1) потребности (needs) — индивидуальные потребности/мотивации, 2) идеологии (narratives) — идеологические нарративы культуры, в которую встроен индивид, и 3) сеть (network) — социальная сеть индивида.

Индивидуальные потребности, являющиеся «драйверами» радикализации, представляют собой широкий круг индивидуальных мотивов, за которыми стоит одна базовая мотивация: поиск значимости («quest for significance»). Он основывается на фундаментальной человеческой потребности — потребности быть «кем то», быть уважаемым в глазах других, обладать чувством собственного достоинства. Различные индивидуальные мотивы радикализации, выявленные в широком круге исследований (статус, месть, лояльность лидеру), можно рассматривать как формы реализации этой базовой потребности [37].

Мотивация поиска значимости не является постоянной доминантой, актуальной все время. Ее активируют такие триггеры, как: а) потеря значимости, б) угроза потери значимости и в) возможность повышения значимости. Потеря значимости заключается в переживаниях унижения, бесчестья, стыда, которые заставляют человека ощущать свою незначимость. Потеря значимости активирует жизненную цель человека — поиск значимости. При этом следует подчеркнуть, что радикальный способ обретения значимости — только один из многочисленных вариантов.

Вторая составляющая трехмерной модели радикализации — идеологии, определяющие, каким путем будет двигаться человек, мотивируемый на восстановление значимости [36]. Люди ограничены в выборе способов обретения значимости, а групповая идеология обозначает, какие из них являются социально одобряемыми. Например, чтобы заслужить значимость, человек может стараться получить образование, высокооплачиваемую работу и др. (в одной социокультурной среде). В другой среде можно обрести значимость в качестве террориста.

Необходимые элементы одобряющих воинствующий экстремизм идеологий — это: а) четкое обозначение происходящего с группой как несправедливости, б) идентификация виновников, за это ответственных (реальных или так называемых «козлов отпущения»), и в) оправдание насилия как подходящего ответа виновнику за несправедливые обиды [22]. Соответствующая идеология «должна одобрять насилие и причинение вреда другим людям — вещи, которые обычно воспринимаются как аморальные и снижающие значимость, — и превращать их в законные действия» [28, с. 40]. Именно поэтому во многих исследованиях радикализация измеряется не напрямую, как поддержка той или иной террористической организации, а как одобрение, оправдание межгруппового насилия, которое лежит в основе экстремистского мышления [33].

Третья составляющая описываемой модели радикализации — социальная модель индивида. Групповое насилие как морально оправданное действие возможно только при поддержке группы. При этом отчуждение от широкого социума (social alienation) дает хорошую возможность для вербовки в мини-группу экстремистской направленности [2].

Потеря значимости, потребность в когнитивной завершенности и радикализация

Как уже было отмечено, потеря значимости не обязательно ведет к радикализации, — она только является основой для этого. Существуют психологические механизмы, которые повышают привлекательность экстремизма и способствуют тому, что поиск значимости приводит к насилию [22]. Один

из них связан с переживанием неопределенности и последующей реакцией на нее индивида. События, переживаемые как потеря значимости, показывают несоответствие между желаемым образом «Я» и текущим состоянием. Следствием этого является повышение чувства неопределенности и тревоги. Переживание неопределенности и сопутствующей ей тревоги мотивирует поведение, направленное на уменьшение несоответствия между позитивным представлением о себе и унижительным опытом в реальности. Человек стремится как можно быстрее снизить двусмысленность самовосприятия и обрести уверенность. Это мотивационное состояние определяется как потребность в когнитивной завершенности [35].

Экстремистские идеологии «исключительно подходящи» для снижения неопределенности, так как четко делят мир на «добро» и «зло» и привлекательны для тех, кто ищет определенности [12]. Так называемое «черно-белое мышление», отражающееся в предельно однозначной категоризации «мы-они», делает нарративы экстремистских групп более ценными для людей с высокой потребностью в когнитивной завершенности [20; 21].

Таким образом, в ситуации, когда человек в целом имеет низкую терпимость неопределенности, предпочитает максимально четкую структуру и порядок, он оказывается подвержен риску радикализации. Вклад потребности в когнитивной завершенности в радикализацию показан в различных исследованиях. Так, чувство незначительности членов радикальных группировок положительно связано с экстремизмом, но при этом данная связь опосредована потребностью в когнитивной завершенности [35]. В другом исследовании демонстрация антиэкстремистских контрнарративов

людям с высокой потребностью в когнитивной завершенности приводила к обратным (по сравнению с желаемыми) результатам — росту поддержки экстремистской идеологии [3]. Таким образом, потребность в когнитивной завершенности обеспечивала большую устойчивость радикальных взглядов, их меньшую подверженность контрэкстремистской пропаганде. Также исследователями обнаружено, что потребность в когнитивной завершенности ведет к более экстремальной дифференциации между ингруппой и аутгруппой [9]. Это также объясняет механизм поддержки радикальных взглядов среди людей с высокой потребностью в когнитивной завершенности: радикальные идеологии всегда жестко дифференцируют ингруппу и аутгруппу [36], поэтому они должны лучше восприниматься людьми, потенциально готовыми к такому противопоставлению.

Таким образом, потеря личной значимости ведет к повышению потребности в когнитивной завершенности, которая, в свою очередь, стимулирует поддержку радикализации. Несмотря на наличие исследований, подтверждающих это положение [3; 35], они все еще немногочисленны и их выборки достаточно скромны. В восточно-европейском (в том числе российском) контексте данных исследований не проводилось. В силу этого мы посчитали необходимым реплицировать на российской выборке результаты изучения вклада потребности в когнитивной завершенности в связь потери значимости и радикализации [35]. В связи с этим была сформулирована первая гипотеза исследования.

Гипотеза 1. Позитивная связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Интеллектуальная скромность, потребность в когнитивной завершенности и радикализация

Интеллектуальная скромность включает признание того, что конкретное личное убеждение может быть ошибочным, при этом человек внимателен к ограничениям в доказательной основе этого убеждения и к собственным ограничениям в получении и оценке релевантной информации [25]. Выделяют две составляющих интеллектуальной скромности: а) понимание ограниченности (пределов) собственного знания и б) отсутствие интеллектуального высокомерия по отношению к альтернативным точкам зрения [27]. С позиций интегративного подхода Э. Крумрей-Манкузо и С. Роуза [24] интеллектуальная скромность включает в себя четыре аспекта: а) независимость интеллекта и эго, б) готовность к пересмотру своей точки зрения, в) уважение к точкам зрения других людей и г) отсутствие интеллектуальной самоуверенности. Таким образом, интеллектуальная скромность рассматривается одновременно как интраперсональный и интерперсональный конструкт.

Как интраперсональный конструкт интеллектуальная скромность проявляется в первую очередь в более точной оценке своих когнитивных возможностей [23]. Как интерперсональный конструкт интеллектуальная скромность ярко проявляется в конфликтных отношениях. Интеллектуальная скромность как самого человека, так и воспринимаемая интеллектуальная скромность представителя другой стороны в конфликтной ситуации являются предиктором прощения в столкновении на религиозной почве [38]. При обсуждении межрелигиозных противоречий интеллектуальная скромность является

предиктором доверия и близости к партнеру, придерживающемуся противоположных взглядов на вопросы, важные в религиозном контексте (например, возможность гомосексуальных браков) [29]. Интеллектуальная скромность снижает эффект воспринимаемой непохожести аутгруппы на предрассудки по отношению к ней [6]. Связь когнитивных способностей и поддержки свободы слова политических оппонентов опосредована интеллектуальной скромностью [17]. Респонденты с низким уровнем интеллектуальной скромности более склонны принижать интеллектуальные способности и негативно отзываться о моральном облике своих оппонентов, в меньшей степени готовы дружить с ними, в том числе «френдиться» в социальных сетях [34].

Таким образом, вклад интеллектуальной скромности в восприятие и отношение к аутгруппе достаточно очевиден. При этом в исследованиях радикализации напрямую интеллектуальная скромность не изучалась, несмотря на предположения исследователей о том, что она может быть важным конструктом для понимания природы экстремизма [34].

С теоретической точки зрения, на наш взгляд, возможный механизм вклада интеллектуальной скромности в радикализацию лежит в ее связи с потребностью в когнитивной завершенности. Исследователи отмечают, что как интеллектуальная скромность, так и низкая потребность в когнитивной завершенности являются компонентами непредубежденного (open-minded) мышления [23]. Исследований связи интеллектуальной скромности и потребности в когнитивной завершенности ранее не проводилось, однако известно, что она негативно связана со смежными конструктами: догматизмом [25] и интолерантностью к неопределенности [25; 26].

Мы предполагаем, что понимание ограниченности собственного знания (интеллектуальная скромность) с неизбежностью ведет человека к осознанию неопределенности и адаптации к ней. Так, например, интеллектуальная скромность способствует адаптации пожилых людей к информационно-коммуникационным технологиям [4]. Кроме того, показано, что интеллектуально скромные люди более эффективны в когнитивной обработке информации, противоречащей их убеждениям [7]. Находясь в неопределенной (например, культурно-разнообразной) среде, человек с высоким уровнем интеллектуальной скромности не старается защититься от нее в поиске порядка и предсказуемости (потребность в когнитивной завершенности), а меняется, понимая и принимая неопределенность как составную часть мироустройства [13]. Таким образом, интеллектуальная скромность неизбежно будет снижать потребность в когнитивной завершенности, обозначая, с одной стороны, принципиальную невозможность достижения предсказуемости и, с другой стороны, снижая дискомфорт от ситуации неопределенности.

В определенных аспектах интеллектуальная скромность может быть схожа по эффекту действия с низкой способностью достичь завершенности (Ability to Achieve Closure). Когда люди с высоким уровнем потребности в когнитивной завершенности ожидают, что им не удастся достичь определенности, они обрабатывают информацию менее схематично, используют менее стереотипные характеристики при формировании впечатления и применяют более сложные стратегии принятия решений [18]. Таким образом, ощущение низкой способности достичь когнитивной завершенности «блокирует» высокую в ней потребность, что под-

тверждается эмпирическими данными [19]. Однако, в отличие от способности достичь завершенности, интеллектуальная скромность представляет собой более широкий социокогнитивный конструкт, который, скорее всего, выступает предиктором потребности в когнитивной завершенности. Понимание ограниченности собственного знания неизбежно ведет к снижению потребности в когнитивной завершенности [23] и, как следствие, повышению поддержки радикальных взглядов.

Можно предположить, что интеллектуальная скромность связана с потребностью в когнитивной завершенности и, таким образом, соотносится с поддержкой радикальных взглядов. В связи с этим была сформулирована вторая гипотеза исследования.

Гипотеза 2. Негативная связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности.

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось в формате онлайн-опроса через сервис опросов «Анкетолог» в сети Интернет. Вначале участник отвечал на вопросы социодемографического характера (пол, возраст и пр.), а затем заполнял опросник на измерение потребности в когнитивной завершенности, методику измерения интеллектуальной скромности, потери значимости, а в завершение — опросник оценки поддержки радикального насилия.

Выборка исследования включала в себя 365 жителей России (78,5% — женщины, 21,5% — мужчины) в возрасте от 20 до 66 лет ($M=42.11$; $SD=11,62$). Боль-

шая часть выборки имеет высшее образование (94,1%), остальные — среднее или среднее специальное. 41,8% респондентов отнесли себя к христианам, 17,8% — к агностикам, 11,7% — к атеистам, 10,1% — к мусульманам, оставшиеся — к иным вероисповеданиям или предпочли пропустить данный пункт анкеты. 74% респондентов отнесли себя к русским, 6% — к евреям, 5% — к татарам, 11% — к иным национальностям, а 4% указали космополитическую идентичность («человек мира» и пр.).

Методики исследования

Потребность в когнитивной завершенности измерялась при помощи краткой версии шкалы потребности в когнитивной завершенности Д. Веббера и А. Круглански [30], состоящей из 15 утверждений. Примеры вопросов: «Мне нравится неопределенность новых ситуаций, когда не знаешь, что может произойти» и «Мне не нравится, когда чье-то высказывание можно трактовать по-разному». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен». Русскоязычный вариант методики был использован впервые. Ее надежность шкал была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель показала достаточное соответствие исходным данным с учетом теоретически обоснованных ковариаций между пунктами (см. Приложение, рис. 1): $\chi^2=118.389$; $df=74$; $\chi^2/df=1.600$; $GFI=.959$; $RMSEA=.041$; $TLI=.945$; $CFI=.961$; $SRMR=.044$. Здесь и далее при оценке соответствия мы руководствовались следующими критериями [14]: $GFI \geq .95$; $RMSEA \leq .06$; $TLI \geq .95$; $CFI \geq .95$; $SRMR \leq .06$.

Интеллектуальная скромность была измерена с помощью опросника М. Лири

и др. [25], состоящего из 6 утверждений. Примеры вопросов: «Я признаю, что мои убеждения и установки могут быть ошибочными» и «Перед лицом свидетельств, противоречащих моей точке зрения, я готов ее изменить». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен». Русскоязычный вариант методики был использован впервые. Ее надежность шкал была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель показала достаточное соответствие исходным данным с учетом теоретически обоснованных ковариаций между пунктами (см. Приложение, рис. 2): $\chi^2=8.622$; $df=7$; $\chi^2/df=1.232$; $GFI=.992$; $RMSEA=.025$; $TLI=.990$; $CFI=.995$; $SRMR=.032$.

Потеря значимости была измерена с помощью шкалы, позволяющей оценить текущее ощущение унижения и стыда [35]. Респонденту предлагалось оценить, насколько часто он в последнее время сталкивается в своей жизни с такими переживаниями, как: унижение, стыд, неудовлетворенность собой, гордость (обратный вопрос), удовлетворенность собой (обратный вопрос). Оценка осуществлялась по 5-балльной шкале: от «очень редко» до «очень часто». Русскоязычный вариант методики был использован впервые. Ее надежность шкал была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа. Модель показала достаточное соответствие исходным данным с учетом теоретически обоснованных ковариаций между пунктами (см. Приложение, рис. 3): $\chi^2=9.918$; $df=4$; $\chi^2/df=4.480$; $GFI=.970$; $RMSEA=.064$; $TLI=.934$; $CFI=.990$; $SRMR=.023$.

Опросник оценки поддержки радикального насилия состоит из 4 утверждений, позволяющих оценить установки человека по поводу допустимости насилия

в решении межнациональных противоречий и для защиты интересов ингруппы [1]. Примеры вопросов: «Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа» и «Насилие допустимо, если нарушаются обычаи и традиции моего народа». Респондентам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен».

Результаты

Описательная статистика, психометрические характеристики методик и корреляции между переменными (коэффициент Пирсона), которые вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 23.0, представлены в таблице.

Проверка гипотез была осуществлена с помощью медиационного анализа, основанного на регрессиях, посредством использования надстройки PROCESS macro [11] к программе IBM SPSS 21.0. Предварительно все полученные данные были стандартизованы в соответствии с рекомендациями А. Хейза [11].

В рамках проверки первой гипотезы не было выявлено наличие значимой связи (total effect) между потерей значимости и поддержкой радикального насилия: $\beta=.11$ (95% CI [-.01, .22]), SE=.06,

$p=.08$. Прямая связь (direct effect) между потерей значимости и поддержкой радикального насилия также не обнаружена $\beta=.06$ (95% CI [-.04, .19]), SE=.06, $p=.24$. При этом потеря значимости напрямую позитивно связана с потребностью в когнитивной завершенности ($\beta=.12$ (95% CI [.03, .20]), SE=.04, $p\leq.01$), которая, в свою очередь, выступает как предиктор поддержки радикального насилия ($\beta=.31$ (95% CI [.17, .46]), SE=.07, $p\leq.0001$).

Далее, чтобы проверить значимость непрямого связи между потерей значимости и поддержкой радикального насилия (гипотеза 1), мы использовали функцию бутстрапа и рассчитали на базе 10000 повторных выборок (bootstrapped resamples) 95% доверительные интервалы. Так как «0» не попадает в доверительные интервалы, то мы можем сделать вывод о значимости непрямого связи потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов, опосредованной потребностью в когнитивной завершенности: $\beta=.04$ (95% CI [.01, .07]), SE=.02.

В рамках проверки второй гипотезы было выявлено наличие значимой связи (total effect) между интеллектуальной скромностью и поддержкой радикального насилия: $\beta=-.16$ (95% CI [-.30, -.02]), SE=.07, $p\leq.05$. Прямая связь (direct effect) между интеллектуальной скромностью и поддержкой радикального насилия не

Т а б л и ц а
Описательные статистики и корреляции шкал исследования (N=365)

Шкалы исследования	М (SD)	Альфа Кронбаха	1	2	3
1. Потеря личной значимости	2.45 (.61)	.63	1		
2. Потребность в когнитивной завершенности	3.02 (.50)	.77	.15**	1	
3. Интеллектуальная скромность	4.11 (.51)	.71	.03	-.13*	1
4. Поддержка радикального насилия	.70 (.71)	.79	.08	.22**	-.11*

Примечание: * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

обнаружена: $\beta = -.12$ (95% CI [-.26, .02]), $SE = .06$, $p = .24$. При этом интеллектуальная скромность негативно связана с потребностью в когнитивной завершенности ($\beta = -.12$ (95% CI [-.22, .02]), $SE = .05$, $p \leq .01$), которая, в свою очередь, выступает как предиктор поддержки радикального насилия ($\beta = .31$ (95% CI [.17, .46]), $SE = .07$, $p \leq .0001$).

Далее, чтобы проверить значимость не прямой связи между интеллектуальной скромностью и поддержкой радикального насилия (гипотеза 2), мы использовали функцию бутстрапа и рассчитали на базе 10000 повторных выборок (bootstrapped resamples) 95% доверительные интервалы. Так как «0» не попадает в доверительные интервалы, то мы можем сделать вывод о значимости не прямой связи интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов, опосредованной потребностью в когнитивной завершенности: $\beta = -.04$ (95% CI [-.08, -.01]), $SE = .02$.

Таким образом, потеря личной значимости находится в прямой связи с потребностью в когнитивной завершенности, а интеллектуальная скромность — в обратной. В свою очередь, потребность в когнитивной завершенности связана с одобрением респондентами радикальных взглядов. При этом следует отметить, что общий уровень поддержки радикального насилия в исследуемой выборке крайне низок — большая часть респондентов не согласна с тем, что насилие может быть допустимо в решении межнациональных противоречий и для защиты интересов ингруппы.

Обсуждение результатов

Первая гипотеза, направленная на проверку предположения о том, что

связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности, подтвердилась. Как и в исследованиях, проведенных ранее в США, Шри-Ланке и на Филиппинах [35], на российской выборке подтверждено действие механизма радикализации, описанного в трехмерной модели Д. Веббера и А. Круглански [37]: потеря значимости — рост потребности в когнитивной завершенности как реакция на неопределенность — поддержка радикальной идеологии как способа снизить неопределенность. В целом более низкие, чем в указанных выше исследованиях, регрессионные коэффициенты, предположительно, связаны с тем, что большая часть российских респондентов крайне отрицательно отнеслась к поддержке радикальных взглядов. Имеющиеся различия относятся к степени их неприятия: от «полностью не согласен» до «не согласен». Также следует отметить, что потребность в когнитивной завершенности в изучаемой выборке находится на среднем уровне ($M = 3.02$ по шкале от 1 до 5), в отличие от относительно более высоких показателей в отчасти сходном исследовании мусульман США [3] ($M = 5.1$ по шкале от 1 до 7).

То, что потеря значимости лежит в основе вхождения в экстремистские группы, является центральным аспектом трехмерной модели радикализации. В исследовании почти 1,5 тыс. участников идеологически мотивированных криминальных действий было подтверждено, что большинство индикаторов потери значимости связаны с поддержкой политического насилия [15]. Разрыв между потребностью быть значимым и ее отсутствием представляет собой пространство неопределен-

ности и мотивирует на действия по ее снижению, повышая потребность в когнитивной завершенности [37]. Радикальные идеологии, составляющей частью которых является поддержка насилия в разрешении межрелигиозных и межнациональных противоречий, представляют себя их потребителю в качестве неопровержимой истины и четкого, эффективного решения всех вопросов [36]. Потребность в когнитивной завершенности также способствует возвеличению ингруппы (*ingroup glorificatio*) и поддержке крайних мер против своих врагов [8] и потому является «удобным» пространством для радикальной идеологии, редуцирующей неопределенность через конкретное обозначение «виновных» и направление действий, восстанавливающих значимость. С другой стороны, влияние, направленное на снижение поддержки радикальной идеологии, воспринимается человеком с высокой потребностью в когнитивной завершенности как пугающее, способное разрушить устойчивую картину мира и с высокой долей вероятности ведет к укреплению радикальных взглядов [3].

Вторая гипотеза о том, что связь интеллектуальной скромности и поддержки радикальных взглядов будет опосредована потребностью в когнитивной завершенности, также нашла подтверждение. Признание собственной ограниченности неизбежно связано с тем, что у человека вырабатывается привычка жить в неопределенном мире, не предпринимая при этом действий, нацеленных исключительно на редукцию неопределенности [25; 26]. Таким образом, интеллектуальная скромность связана с низкой выраженностью потребности в когнитивной завершенности. Экстремистская идеология, предлагающая быстрые и однозначные ответы на вопросы

«кто виноват» и «что делать», будет с недоверием восприниматься человеком с высоким уровнем интеллектуальной скромности по причине отсутствия у него уверенности в принципиальной возможности подобных ответов.

Можно предположить наличие еще одного объяснения показанной в исследовании связи. Личная интеллектуальная скромность ведет к большей вероятности высокой оценки уровня интеллектуальной скромности представителей аутгруппы [38]. Представление о том, что представители аутгрупп ощущают ограниченность своих оценок и могут принять альтернативные точки зрения, связана с меньшей вероятностью формирования однозначного к ним отношения, минимизируя способность достичь когнитивной завершенности [19] в ситуации межгруппового восприятия. Низкая способность достичь когнитивной завершенности, в свою очередь, связана с потребностью в когнитивной завершенности [18]. Низкая потребность в когнитивной завершенности будет находиться в диссонансе с идеей о наличии врага, однозначно «виноватого во всех бедах» ингруппы. Таким образом, люди с более высокой степенью интеллектуальной скромности, вероятно, будут менее подвержены влиянию радикальной идеологии по причине ее несовпадения с индивидуальными особенностями мировоззрения.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что связь потери личной значимости и поддержки радикальных взглядов, опосредованная потребностью в когнитивной завершенности, обнаруживается и на российской выборке. Мы

продемонстрировали наличие вклада интеллектуальной скромности в поддержку радикальных взглядов, также опосредованного потребностью в когнитивной завершенности. В целом исследование демонстрирует значимость так называемой «когнитивной уязвимости» в части поддержки экстремистской идеологии [28], которая исключительно важна для понимания личностных аспектов как радикализации, так и дерадикализации.

Серьезным ограничением исследования является то, что респонденты демонстрировали крайне низкий уровень поддержки радикального насилия. Несмотря на то, что экстремистские взгляды могут быть изучены и на материале нерадикальной части населения, однозначный перенос данных результатов на людей с высоким уровнем радикализма невозможен.

Также мы не использовали прямых измерений реальной вовлеченности в радикальные группы. Несмотря на то, что одобрение насилия в решении

межнациональных и межрелигиозных противоречий и для защиты интересов интруппы является значимой составляющей экстремистского мышления [32], только на основании данных показателей нельзя однозначно судить о степени радикализации.

Важным ограничением исследования является его корреляционный характер, не позволяющий делать выводы о каузальных связях. Таким образом, выражения в дискуссионной части статьи, имеющие отношение к причинно-следственной связи, являются предположениями, которые необходимо проверять в экспериментальных исследованиях.

Кроме того, респонденты представляют собой преимущественно женщин, русских с высшим образованием, из которых значительная часть относит себя к христианам. Такая выборка является существенным ограничением исследования, результаты которого не могут быть однозначно распространены на иные выборки.

Путевые диаграммы по результатам конфирматорного факторного анализа

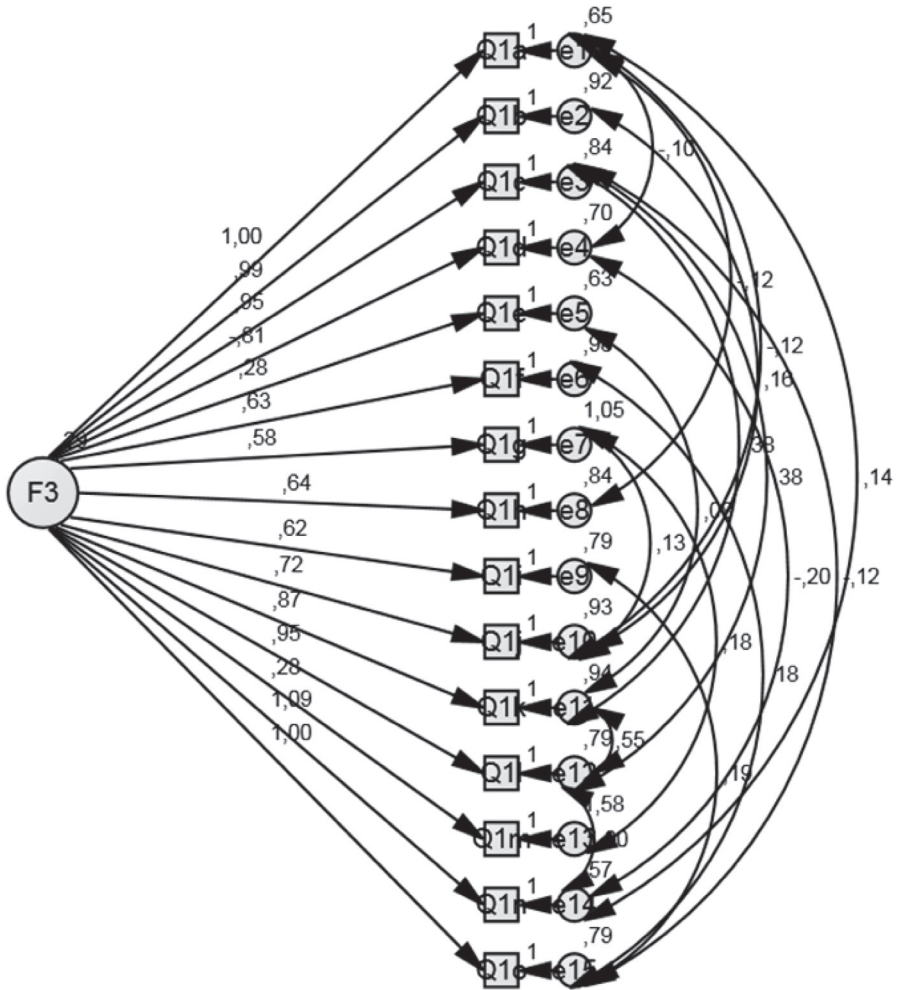

Рис. 1. Потребность в когнитивной завершенности

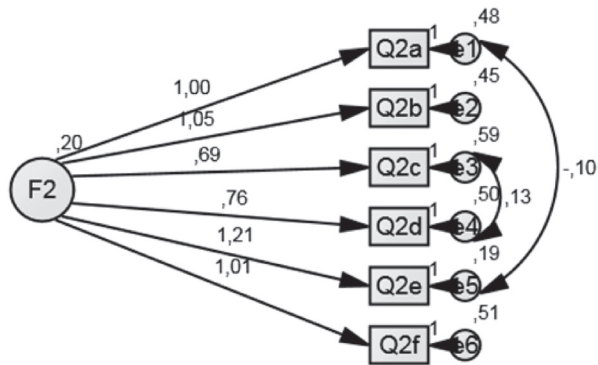

Рис. 2. Интеллектуальная скромность

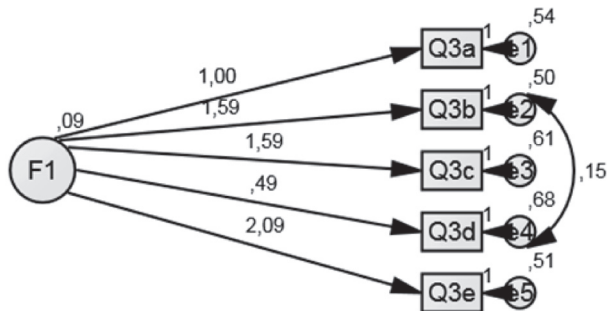

Рис. 3. Потеря значимости

Литература/References

1. Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 1. С. 104–113.
Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. Sotsial'no-psikhologicheskii monitoring riskov mezhnatsional'noi konfliktnosti: metodologiya i praktika [Social Psychological Monitoring of Interethnic Conflicts Methodology and Practice]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013. Vol. 4, no. 1, pp. 104–113. (In Russ.).
2. Bélanger J.J. et al. Radicalization leading to violence: A test of the 3N model // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. Vol. 10. No. FEB. P. 1–12.
3. Bélanger J.J. et al. Do Counter-Narratives Reduce Support for ISIS? Yes, but Not for Their Target Audience // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. No. June. P. 1–11.
4. Bernabé-Valero G. et al. The moderating role of intellectual humility in the adoption of ICT: A study across life-span // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. No. Dec. P. 1–6.
5. Brienza J.P., Chao M.M. Wise reasoning, intergroup positivity, and attitude polarization across contexts // *Nature Communications*. 2021. P. 1–11.
6. Colombo M. et al. Intellectually Humble, but Prejudiced People. A Paradox of Intellectual Virtue // *Review of Philosophy and Psychology*. 2020.
7. Deffler S.A., Leary M.R., Hoyle R.H. Knowing what you know: Intellectual humility and judgments of recognition memory // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 96. P. 255–259.

8. *Dugas M. et al.* Group-centric attitudes mediate the relationship between need for closure and intergroup hostility // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2018. Vol. 21. No. 8. P. 1155–1171.
9. *Federico C.M., Hunt C.V., Fisher E.L.* Uncertainty and Status-Based Asymmetries in the Distinction Between the «Good» Us and the «Bad» Them: Evidence That Group Status Strengthens the Relationship Between the Need for Cognitive Closure and Extremity in Intergroup Differentiation // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. P. 473–494. DOI:10.1111/josi.12025
10. *Gómez Á. et al.* Why People Enter and Embrace Violent Groups // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. No. January. DOI:10.3389/fpsyg.2020.614657
11. *Hayes A.F.* Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis. NY, US: Guilford Press, 2018. 692 p.
12. *Hogg M.A., Kruglanski A., Bos K. van Den.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No. 3. P. 407–418.
13. *Hook J.N. et al.* Intellectual humility and religious tolerance // *The Journal of Positive Psychology*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 29–35. DOI:10.1080/17439760.2016.1167937
14. *Hu L.-T., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 1999. Vol. 6. No. July 2012. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
15. *Jasko K., LaFree G., Kruglanski A.* Quest for Significance and Violent Extremism: The Case of Domestic Radicalization // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. No. 5. P. 815–831.
16. *Jost J.T. et al.* Political Conservatism as Motivated Social Cognition // *Psychol Bull.* 2003. Vol. 129. No. 3. P. 339–375. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.339
17. *Keersmaecker J. De et al.* Disliked but Free to Speak: Cognitive Ability Is Related to Supporting Freedom of Speech for Groups Across the Ideological Spectrum // *Social Psychological and Personality Science*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 34–41.
18. *Kosowska M. et al.* Disparate roads to certainty processing strategy choices under need for closure // *European Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 161–211.
19. *Kosowska M., Dragon P., Bukowski M.* When need for closure leads to positive attitudes towards a negatively stereotyped outgroup // *Motivation and Emotion*. 2014. Vol. 39. No. 1. P. 88–98. DOI:10.1007/s11031-014-9414-5
20. *Kruglanski A. et al.* The making of violent extremists // *Review of General Psychology*. 2018a. Vol. 22. No. 1. P. 107–120.
21. *Kruglanski A.W. et al.* To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. No. 3. P. 217–230.
22. *Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gumaratna R.* The Three Pillars of Radicalization // *The Three Pillars of Radicalization*. 2019. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001
23. *Krumrei-Mancuso E.J. et al.* Links between intellectual humility and acquiring knowledge // *The Journal of Positive Psychology*. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 155–170. DOI:10.1080/17439760.2019.1579359
24. *Krumrei-Mancuso E.J., Rouse S.V.* The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale // *Journal of Personality Assessment*. 2016. Vol. 98. No. 2. P. 209–221.
25. *Leary M.R. et al.* Cognitive and Interpersonal Features of Intellectual Humility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. No. 6. P. 793–813.
26. *Marriott R.J., Hall M.E.L., Decker L.A.* Psychological correlates of reasons for nonbelief: tolerance of ambiguity, intellectual humility, and attachment // *Mental Health, Religion and Culture*. 2019. P. 1–20.
27. *McElroy S.E. et al.* Intellectual Humility: Scale Development and Theoretical Elaborations in the Context of Religious Leadership // *Journal of Psychology and Theology*. 2014. Vol. 42. No. 1. P. 19–30.
28. *Ozer S., Bertelsen P.* Countering radicalization: An empirical examination from a life psychological perspective // *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 211–225.

29. *Rodriguez D. et al.* Religious intellectual humility, attitude change, and closeness following religious disagreement // *The Journal of Positive Psychology*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 133–140.
30. *Roets A., Hiel A. Van.* Allport's prejudiced personality today: Need for closure as the motivated cognitive basis of prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. No. 6. P. 349–354.
31. *Roets A., Hiel A. Van.* Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. No. 1. P. 90–94.
32. *Stankov L.* From social conservatism and authoritarian populism to militant right-wing extremism // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 175. No. January. P. 110733.
33. *Stankov L., Saucier G., Knežević G.* Militant Extremist Mind-Set: Provocence, Vile World, and Divine Power // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 70–86.
34. *Stanley M.L., Sinclair A.H., Seli P.* Intellectual humility and perceptions of political opponents // *Journal of Personality*. 2020. Vol. 88. No. 6. P. 1196–1216.
35. *Webber D. et al.* The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 114. No. 2. P. 270–285.
36. *Webber D. et al.* Ideologies that justify political violence // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. No. February. P. 107–111.
37. *Webber D., Kruglanski A.W.* Psychological Factors in Radicalization: A «3 N» Approach // *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. 2017. No. 1. P. 33–46.
38. *Zhang H. et al.* Intellectual Humility and Forgiveness of Religious Conflict // *Journal of Psychology and Theology*. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 255–262.
39. *Zmigrod L. et al.* The psychological roots of intellectual humility: The role of intelligence and cognitive flexibility // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 141. No. September 2018. P. 200–208.
40. *Zmigrod L.* The role of cognitive rigidity in political ideologies: theory, evidence, and future directions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. P. 34–39.
41. *Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W.* Cognitive inflexibility predicts extremist attitudes // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. No. MAY. P. 1–13.

Информация об авторах

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Information about the authors

Oleg E. Khukhlaev, PhD in Psychology, Head of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4620-9534>, e-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Olga S. Pavlova, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Cross-culture Psychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9702-1550>, e-mail: pavlovaos@mgppu.ru

Получена 21.06.2021

Received 21.06.2021

Принята в печать 20.08.2021

Accepted 20.08.2021

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве

Прусова И.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Цель. Разработать методику для оценки политических представлений об идеальном государстве и проанализировать психометрические свойства полученного инструментария.

Контекст и актуальность. Психологические исследования показывают ключевую роль политических представлений в разных формах политической активности. Дихотомия «консерватизм-либерализм» не находит актуального выражения в отечественной перспективе, что оставляет открытым вопрос о структуре таких представлений в России.

Дизайн исследования. В рамках настоящего исследования изучалась факторная структура политических представлений об идеальном государстве в России посредством онлайн-версии анкетного опроса. Для проверки структуры политических представлений использовался конфирматорный факторный анализ и дополнительно осуществлялся анализ надежности, валидности и инвариантности.

Участники. Для разработки методики было проведено два последовательных исследования. На этапе 1 приняли участие 610 человек (353 мужчины и 257 женщины) старше 18 лет ($M=34.28$; $SD=13.82$); на этапе 2 — 378 человек (196 мужчин и 182 женщины) старше 18 лет ($M=35.26$; $SD=10.54$).

Методы. Русскоязычные версии шкал открытости опыту («Большая пятерка»), потребности в когнитивной завершенности, правого авторитаризма, оправдания системы и авторская методика для оценки представлений об идеальном государстве. Дополнительно участникам предлагалось обозначить политические ориентации («левые-правые»; «либералы-консерваторы»).

Результаты. Структура представлений об идеальном государстве включает такие факторы, как «уважение» и «поддержка». Анализ критериальной валидности показал, что «политическое уважение» соотносится с «либеральным» и «левым» полюсом. При этом анализ конвергентной валидности показал, что факторы «уважения» и «поддержки» связаны с такими predispositionами, как когнитивная завершенность и правый авторитаризм.

Основные выводы. Представления об идеальном государстве в России можно рассматривать через перспективу «государственной поддержки» и «политического уважения», что частично соотносится с основанием «либерализма-консерватизма» в других странах.

Ключевые слова: политические представления, «идеальное государство», консерватизм, либерализм, политическое уважение, государственная поддержка.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00142.

Для цитаты: Прусова И.С. Разработка методики для измерения представлений об идеальном государстве // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 103–127. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120308>

Development a Measurement of Attitudes about Ideal Government

Irina S. Prusova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Objective. *Develop a questionnaire to measure attitudes about ideal government and analyze the psychometric properties of this tool.*

Background. *Psychological studies showed the key role of political attitudes (conservatism/liberalism) in different forms of political activity. Conservatism-liberalism dichotomy did not correspond with actual political “agenda” in Russia that induced the question about the structure of political attitudes.*

Study design. *To indicate the attitudes about ideal government, an online survey was conducted. The structure of political attitudes was analysed through confirmatory factor analysis, and analyses of reliability, validity, and invariance.*

Participants. *The research consisted of 2 independent studies. About 610 participants took part at the study 1 (353 men and 257 women) over 18 years old ($M=34.28$; $SD=13.82$); and 378 participants (196 men and 182 women) over 18 years old ($M=35.26$; $SD=10.54$) at the study 2.*

Methods. *Russian-language versions of the scales of Needs for cognitive closure, Openness to experience (“Big Five”), Right-wing Authoritarianism, System Justification, and the author’s questionnaire of attitudes about an ideal government. Additionally, participants completed the self-categorical scales about political orientations (“left-right”; “liberal-conservatives”).*

Results. *The structure of attitudes about the ideal government consisted of “respect” and “support”. “Political respect” was correspondent to “liberal” and “left-wing” self-identification that indicated the criterion validity. At the same time, the analysis of convergent validity showed that “respect” and “support” were linked with right-wing authoritarianism and need for cognitive closure.*

Conclusions. *The structure of political attitudes in Russia consisted of “governmental support” and “political respect”. The current perspective discussed in the context of liberal/conservative political orientations.*

Keywords: *political attitudes, “ideal government”, conservatism, liberalism, political respect, governmental support.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00142.

For citation: Prusova I.S. Development a Measurement of Attitudes about Ideal Government. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 103–127. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120308> (In Russ.).

Введение

Интерес к изучению политических представлений находит выражение не

только в политологии, но и в психологии. Попытки найти предикторы соответствующих предпочтений на политической арене отражаются в анализе политиче-

ских идеологий, аттитюдов и ориентаций. Дж. Джост и коллеги (2003) предложили рассматривать политические представления через перспективу двух оснований: социального (дискурсивного) и психологического (мотивационного).

Дискурсивное основание предполагает «содержательную» составляющую политических представлений, которая формируется в процессе социализации, знакомства с политическими позициями в рамках публичного пространства [21; 22]. В разных странах можно наблюдать культурно-специфичное содержание таких представлений в связи с особенностями развития публичной сферы [19; 20].

В Северной Америке исследователи обращаются к политическим представлениям, используя дихотомическую шкалу «либерализм-консерватизм» [18; 22]. Если правый спектр (консерватизм) предполагает ориентацию на сохранение статуса-кво, поддержку иерархии, снижение государственного контроля в отношении рынка, то левая часть спектра (либерализм) предполагает ориентацию на изменения, социальную справедливость, равенство и государственную поддержку [19].

В восточных культурах, в частности, в Китае исследователи рассматривают политические представления через сферы общественной жизни: политические (защита частной жизни от вмешательства государства, многопартийность), социально-экономические (рыночная экономика, установка цен, государственная собственность, политика протекционизма), национальные (негативное отношение к Западу и поддержка идей государственного суверенитета) [27]. В этом случае «консервативный» дискурс предполагает поддержку традиций, национального суверенитета и государственного контроля, в то время как «либеральный» — предпочтение многопартийной системы, местно-

го самоуправления, рыночной экономики и защиты прав.

В России, как и в других странах постсоветского пространства, изучение политических представлений связано с отношением к политическим лидером или партиям без учета идеологической составляющей. Программы политических партий включают «частичные» идеологии «консерватизма», «социал-демократии», «социализма» или «либерализма», в результате чего поддержка определенной партии на выборах не позволяет определить политические ориентации граждан. При этом в идеологически «противоположных» структурах можно наблюдать единое направление в решении актуальной политической повестки и больший фокус на наиболее «резонансные» проблемы. Для нивелирования эффекта «отношения» к конкретной партии или политическому деятелю политические представления можно рассматривать и через перспективу принципов «желательного» устройства государства (например, «идеальный» образ того, как принимаются политические решения, осуществляется государственное регулирование в социально-экономической сфере и какие сферы требуют изменений). Например, прошлые исследования показали, что политические представления в России можно разделить по основаниям политического контроля/свободы и унификации/разнообразия [28]. Однако представленные категории продемонстрировали низкую согласованность в разных сферах общественной жизни. Для последующего анализа политических представлений «желательные» формы и принципы государственного устройства рассматривались через категорию «идеального государства».

Помимо «дискурсивной» надстройки в политических представлениях боль-

шую роль играет и «психологическое» основание [6; 8; 11; 25]. Многочисленные исследования показывают различия в «психологических» портретах между теми, кто поддерживает либеральные и консервативные позиции на политической арене. В данном случае исследователи обращаются к таким особенностям, как личностные черты (открытость опыту) [6; 7; 14; 19; 33], потребность в завершенности [26; 29; 30], ценности [13], идеологические predispositions (правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование, оправдание системы) [5; 10; 32], страх смерти [12] и национализм [34]. Таким образом, портрет «консерватора» предполагает низкие показатели в отношении «открытости опыту», но вместе с тем высокие — по потребности в завершенности, правому авторитаризму, ориентации на социальное доминирование, страху смерти, оправданию системы и национализму, при этом для либералов можно наблюдать противоположные характеристики. Несмотря на то, что большой вклад в изучение политических представлений и психологических predispositions внесли североамериканские исследования, такая дифференциация находит отражение и в европейских [4], и в азиатских странах [27]. Непосредственно в данном исследовании были проанализированы отечественные политические представления и психологические predispositions таких представлений.

Текущее исследование

Предварительно для выделения политических представлений были проанализированы 49 программ политических партий и проведены полуструктурированные интервью, в которых приняли участие 35 граждан Российской Федера-

ции (12 мужчин и 23 женщины) в возрасте от 18 до 80 лет ($M=48.28$, $SD=18.81$). В рамках интервью участникам предлагалось ответить на вопросы об идеальном государстве и предложить программу первоочередных реформ. В результате были выделены такие факторы, как «централизация» (регионы или центр определяют цены на услуги и размер льгот), «унификация» (приоритетность центральной линии дискурса или включение максимального количества разных источников), «уважение» (политические деятели или граждане принимают ключевые политические решения), «поддержка» (государство предлагает гражданам помощь в виде пособий, устройства на работу и т.д. или граждане самостоятельно решают вопросы, связанные с социально-экономической повесткой) и «собственность» (государственная или частная) в разных сферах общественной жизни. И в этом случае можно говорить о двух основных сферах — политической (уважение и унификация) и социально-экономической (централизация, собственность и поддержка). Первоначально было сформулировано 281 утверждение, которые проверялись посредством онлайн-версии когнитивных интервью. Участников просили оценить сформулированные утверждения по трем основаниям («согласие», «понятность», «важность») и предложить альтернативные версии утверждений/комментарии. На этом этапе приняли участие 1234 человека (636 мужчин и 598 женщин) из России в возрасте от 18 до 78 лет ($M=35.81$; $SD=13.40$). В результате были отобраны 46 дихотомических утверждений, которые и составили итоговый вариант методики для оценки представлений об идеальном государстве.

Исходя из прошлых исследований относительно психологических портре-

тов «либералов» и «консерваторов» и содержания идеологий, можно предположить, что такие predispositions находят отражение и в российском контексте [21]. Если «политическое уважение», «государственную поддержку», «централизацию», «разнообразие» и «государственную собственность» можно рассматривать через перспективу «либеральной» ориентации, то обратные полюса соответствующих факторов — как проявление «консервативного» полюса. Предполагается, что выбор «политического уважения», «государственной поддержки», «централизации», «разнообразия» и «государственной собственности» будет положительно связан с открытостью опыту, но вместе с тем негативно — с потребностью в завершенности, правым авторитаризмом, оправданием системы. При этом для тех, кто поддерживает «политический контроль», «унификацию», «децентрализацию», «независимость от государственной поддержки» и «частную собственность», — противоположные характеристики. Соответственно, для проверки психометрических свойств была рассмотрена связь представлений об идеальном государстве с психологическими predispositionами и самоотчетами относительно политических ориентаций («консерваторы-либералы» и «левые-правые»).

Для проверки факторной структуры политических представлений в России были проведены два последовательных онлайн-опроса: исследование 1 было реализовано в августе 2020 года, исследование 2 — в январе 2021 года. Цель исследования 1 состояла в изучении структуры представлений об идеальном государстве. В рамках настоящего исследования были рассмотрены 2 модели, в частности, пятифакторная (на основе принципов устройства «идеального госу-

дарства»: поддержка, собственность, уважение, централизация и разнообразие) и двухфакторная (в зависимости от сфер — политической и социально-экономической). В то время как цель исследования 2 предполагала проверку психометрических свойств полученного инструмента.

Исследование 1

Выборка. В исследовании 1 приняли участие 610 участников (353 мужчины и 257 женщин) старше 18 лет ($M=34.28$; $SD=13.82$). Исследование проводилось на Яндекс.Толоке, после прохождения которого участникам предлагалось символическое вознаграждение в размере 0.05\$.

Процедура исследования

Участникам предлагалось пройти онлайн-опрос по изучению «представлений об идеальном государстве», который включал форму-согласие и методику, направленную на изучение представлений об идеальном государстве.

Методики

Представления об идеальном государстве. Для оценки представлений об идеальном государстве использовалась методика, включающая 46 дихотомических утверждений. Первоначально были выделены 5 факторов: уважение (например, «Ключевые государственные вопросы решаются представителями власти — Ключевые государственные вопросы решаются гражданами на всенародном голосовании»; α -Кронбаха=.870; w -Макдональда=.871), поддержка (например, «Государство обеспечивает всех граждан учебными по-

собиями в школах за счет бюджетных средств – Граждане самостоятельно обеспечивают себя учебными пособиями, без помощи государства»; α -Кронбаха=.923; w -Макдональда=.924), собственность (например, «Большинство банков принадлежит государству – Большинство банков принадлежит частным лицам»; α -Кронбаха=.764; w -Макдональда=.774), централизация (например, «Цены на образовательные услуги устанавливаются централизованно, на уровне всей страны – Цены на образовательные услуги устанавливаются на уровне региона»; α -Кронбаха=.759; w -Макдональда=.772) и унификация (например, «В государстве много политических партий, представляющих интересы всех групп населения – В государстве не больше двух ведущих политических партий, представляющих интересы большинства»; α -Кронбаха=.742; w -Макдональда=.745). Участникам предлагалось оценить степень согласия с утверждениями по семибальной шкале (1 – «полностью согласен с утверждением в левом столбце», 7 – «полностью согласен с утверждением в правом столбце»).

Результаты

Анализ был проведен посредством программного обеспечения R 3.5.2 и SPSS 27.0.

Предварительный эксплораторный факторный анализ показал, что в опроснике из 46 дихотомических утверждений можно выделить 5 факторов (КМО=.94, тест сферичности Бартлетта ($\chi^2(1035)=16900$, $p<.001$). В данном случае было выявлено, что факторы соотносятся с ранее представленными принципами устройства идеального государства («поддержка», «унификация», «централизация», «уважение» и «соб-

ственность»). Кумулятивная дисперсия для пятифакторной структуры составила 51,2%. В последующем анализе были исключены утверждения, которые представили низкие факторные нагрузки, низкую дисперсию в ответах или те утверждения, которые были включены в несколько факторов (Приложение 1). На рис. 1 представлены факторные нагрузки рассматриваемых утверждений.

Для проверки модели был проведен также конфирматорный факторный анализ с помощью статистического пакета lavaan в R 3.5.2 [31]. В данном случае учитывались такие коэффициенты, как индекс Такера–Льюиса (TLI), сравнительный индекс соответствия (CFI), стандартизованный корень квадратов остатков (SRMR), среднеквадратичная ошибка аппроксимации (RMSEA) [15]. Для определения соответствия модели рассматривались следующие значения критериев – $CFI \geq 0.95$, $TLI \geq 0.95$, $SRMR \leq 0.08$ и $RMSEA \leq 0.06$ [15]. В отношении пятифакторной модели можно говорить о низком соответствии модели данным ($\chi^2(df)=1991^{***}(424)$; $TLI=.823$; $RMSEA=.078$ [.074; .081]; $SRMR=.093$; $CFI=.838$; $AIC=70654$; $BIC=70972$).

На данном этапе было выявлено, что такие основания, как «унификация» (представленность малого/большого количества институтов), «собственность» (частная или государственная собственность) и «централизация» (центр или регионы определяют выплаты, пособия, цены) не показали устойчивой структуры в отношении политических представлений, в связи с чем были исключены из последующего анализа. Таковую тенденцию можно объяснить тем, что представленные факторы так же соотносятся с принципом государственного контроля в политической и социально-экономической сферах, как уважение и под-

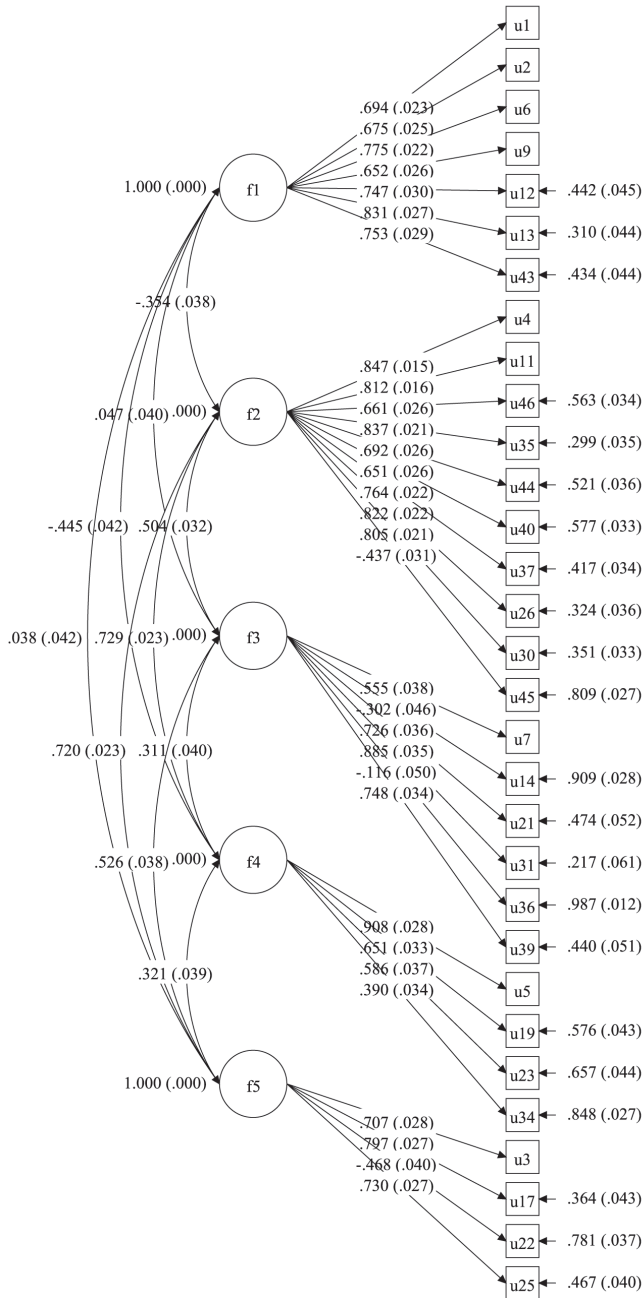

Рис. 1. Представления об идеальном государстве: уважение (f1), поддержка (f2), централизация (f3), разнообразие (f4) и собственность (f5)

держка. Если фактор «собственности» и «централизации» можно рассматривать в культурном контексте через проблему приватизации в постсоветском периоде и социально-экономического неравенства, что соотносится с «государственной поддержкой», то «унификацию» — с недостаточным уровнем развития институтов и, как следствие, низким уровнем доверия к таким структурным единицам, что соотносится с «политическим уважением».

В исследовании 1 также была проведена и сокращенная модель (11 утверждений), которая включала два фактора,

связанных с государственным контролем в двух сферах — политической (уважение) и экономической (поддержка). Модель была получена посредством сокращения факторов и утверждений. Результаты подтверждающего анализа показали хорошее соответствие модели данным ($\chi^2(df)=197^{***}(43)$; TLI=.946; RMSEA=.077[.066; .088]; SRMR=.038; CFI=.958; AIC=24509; BIC=24659). Рис. 2 показывает высокие факторные нагрузки для «уважения» и «поддержки». В исследовании 2 дополнительно проверялись психометрические свойства полученного инструментария.

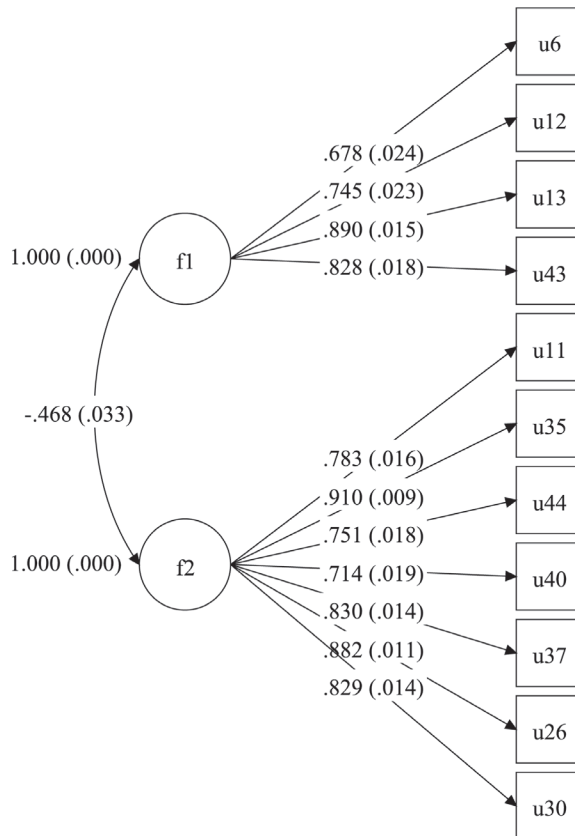

Рис. 2. Представления об идеальном государстве: уважение (f1) и поддержка (f2)

Исследование 2

Выборка. В исследовании 2 приняли участие 378 человек (196 мужчин и 182 женщины) старше 18 лет ($M=35.26$; $SD=10.54$). Исследование проводилось на Яндекс.Толоке, после прохождения которого участникам предлагалось символическое вознаграждение в размере 0.05\$.

Процедура исследования

Участникам предлагалось пройти онлайн-опрос по изучению «представлений об идеальном государстве», который включал форму-согласие и методики, направленные на выявление потребности в когнитивной завершенности, открытости опыту («Большая пятерка»), правого авторитаризма, оправдания системы, представлений об идеальном государстве и самоотчетов относительно политических представлений («левые-правые»; «либералы-консерваторы»).

Методики

Открытость опыту. Для определения «открытости опыту» использовалась шкала русскоязычной версии «Большой пятерки», которая включала 10 утверждений (α -Кронбаха=.769) [2; 16; 17]. Участникам предлагалось оценить степень согласия с представленными утверждениями по пятибалльной шкале (1 — «совершенно не согласен»; 5 — «совершенно согласен»). Пример утверждения: «Я считаю себя тем, кто обладает богатым воображением».

Потребность в когнитивной завершенности. Для оценки потребности в когнитивной завершенности использовалась методика, которая была

адаптирована для русскоязычной выборки Хухлаевым О.Е. и Ясиным М.И. (α -Кронбаха=.784). Участникам предлагалось оценить 12 утверждений, используя шестибалльную шкалу (1 — «совершенно не согласен»; 6 — «совершенно согласен») [30]. Пример утверждения: «Я не люблю неопределенные ситуации».

Правый авторитаризм. Для оценки правого авторитаризма использовалась версия методики из 13 утверждений, адаптированная для русскоязычной выборки Чертковой Ю.Д. и коллегами в 2017 году (α -Кронбаха=.880) [1; 3]. Участникам предлагалось оценить утверждения по девятибалльной шкале (1 — «абсолютно не согласен»; 9 — «абсолютно согласен»). Пример утверждения: «Для всех было бы лучше, если бы власти ввели цензуру печати, чтобы оградить людей от грязи и безнравственности».

Оправдание системы. Для определения «оправдания системы» использовалась русскоязычная версия методики, адаптированная Ивановым А.А., Агадуллиной Е.Р. и Сариевой И.Р., которая включала 5 утверждений [20] (α -Кронбаха=.927). Участникам предлагалось оценить степень согласия с утверждениями по девятибалльной шкале (1 — «абсолютно не согласен»; 9 — «абсолютно согласен»). Пример утверждения: «Сегодня в России большинство решений власти направлены на благо народа».

Представления об идеальном государстве. Для оценки представлений об идеальном государстве использовалась методика, которая была доработана в исследовании 1 и включала 11 дихотомических утверждений: «уважение» (4; w -Макдональда=.776; α -Кронбаха=.769) и «поддержка» (7; w -Макдональда=.879; α -Кронбаха=.877) (Приложение 2). Под политическим уважением в данном исследовании понима-

лась ориентация на граждан в принятии решений в противовес политической элите, в то время как под государственной поддержкой — ориентация на обеспечение и помощь со стороны государства в противовес самостоятельному выбору и решению социально-экономических вопросов. В рамках настоящего исследования высокие значения по шкале «уважение» соответствовали полюсу «политического уважения», в то время как высокие значения по шкале «поддержка» — «независимости от государственной поддержки».

Политические ориентации. Для определения политических ориентаций (впоследствии для анализа критериальной валидности) участникам предлагалось обозначить собственные взгляды по семибалльной шкале «либерализм-консерватизм» и «левые-правые». Высокие значения соответствовали «консервативным» (поддержка традиций, негативное отношение к изменениям и свобода рынка) и «правым» (регулирование рынком разных сфер общественной жизни) политическим представлениям.

Результаты

Для проверки модели был проведен подтверждающий факторный анализ с помощью статистического пакета lavaan в R 3.5.2 [30]. Для определения соответствия модели данным рассматривались следующие значения критериев — $CFI \geq 0.95$, $TLI \geq 0.95$, $SRMR \leq 0.08$ и $RMSEA \leq 0.06$ [15]. В данном случае была проверена двухфакторная модель. Результаты показали высокое соответствие модели данным ($\chi^2(df) = 103.585(43)^{***}$; $TLI = .955$; $RMSEA = .061[.046;.076]$; $SRMR = .054$; $CFI = .965$; $AIC = 15552$; $BIC = 15642$). Рис. 3 показывает высокие факторные нагрузки представленных утверждений.

Для проверки валидности использовался корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), результаты которого представлены в табл. 1. Конвергентная валидность подтвердилась посредством связи политического уважения с правым авторитаризмом и независимости от государственной поддержки — с когнитивной завершенностью. Кроме того, результаты корреляционного анализа показали, что политическое уважение негативно связано с консервативной и правой политическими ориентациями, что может свидетельствовать о подтверждении критериальной валидности.

Для проверки структурной валидности среди социодемографических групп был проведен мультигрупповой факторный анализ в R (lavaan; MLMV — функция оценивания, $std.lv = TRUE$), в рамках которого рассматривались три уровня: конфигуральный, метрический и скалярный. В настоящей работе проведен анализ инвариантности в подгруппах мужчин и женщин, так как в отношении других социально-демографических оснований (доход, образование, политические ориентации) не было представлено необходимого распределения. Описательные статистики для подгрупп представлены в табл. 2. Для определения инвариантности были использованы значения индексов CFI и RMSEA, так как изменения индекса хи-квадрата чувствительны к размерам выборки. Значения CFI, превышающее 0.01, и RMSEA больше 0.015 свидетельствуют о несоответствии [9]. Индексы соответствия модели показали, что двухфакторная модель достаточно хорошо подходит для данных. Конфигуральная двухфакторная модель представила хорошее соответствие данным, что указывает на то, что факторная структура сохраняется в подгруппах

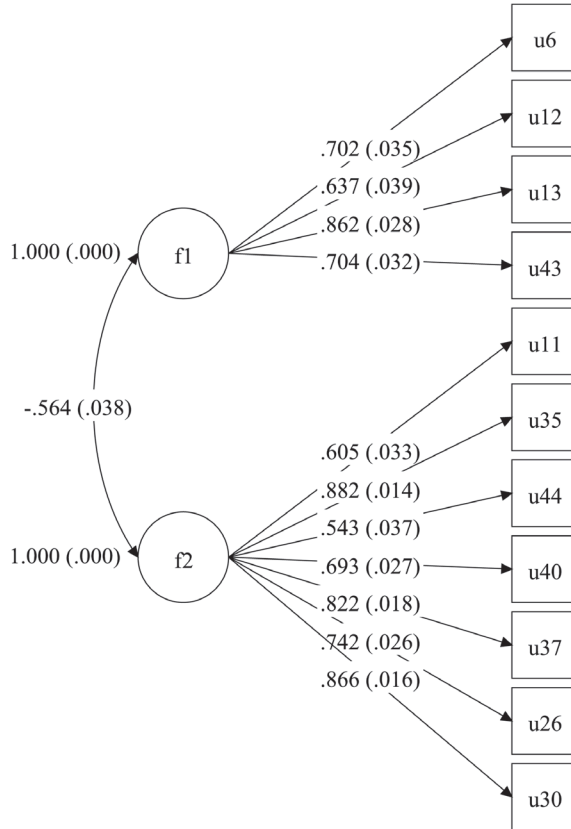

Рис. 3. Представления об идеальном государстве: «уважение» (f1) и «поддержка» (f2)

Таблица 1

Описательные статистики и корреляции между представлениями об идеальном государстве и «психологическими» основаниями

	Политические представления и психологические основания	M	SD	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Уважение	3.99	1.58		-.449**	-.107*	-.139**	-.106*	.081	-.051	.045
2	Поддержка	4.01	1.40			.046	.032	.070	.079	.125*	-.005
3	Консерватизм	4.08	1.61				.179**	.487**	.220**	.284**	-.071
4	Правые	3.55	1.62					.111*	.250**	.085	-.005
5	Авторитаризм	4.02	1.11						.344**	.417**	.085
6	Оправдание	3.95	1.89							.146**	-.002
7	Завершенность	3.67	.68								.082
8	Открытость	3.29	.56								

мужчин и женщин ($\chi^2(86)=147.402^{***}$; CFI=.965; TLI=.955; RMSEA=.061; SRMR=.055). После определения базовой модели была проанализирована инвариантность более строгих моделей: метрической ($\chi^2(95)=171.653^{***}$; CFI=.956; TLI=.949; RMSEA=.065; SRMR=.065; $\Delta\chi^2=24.251$; $\Delta df=9$; $\Delta CFI=.009$; $\Delta RMSEA=.004$) и скалярной ($\chi^2(104)=177.298^{***}$; CFI=.958; TLI=.956; RMSEA=.061; SRMR=.066; $\Delta\chi^2=5.646$; $\Delta df=9$; $\Delta CFI=.002$; $\Delta RMSEA=.004$), результаты которых также свидетельствуют о соответствии.

Обсуждение результатов

Цель исследования состояла в разработке методики для изучения представлений об «идеальном государстве» в России. Исследование позволило выделить два ключевых фактора в представлениях — государственную поддержку и политическое уважение, которые показали допустимые значения соответствия, валидности и инвариантности шкал в подвыборках мужчин и женщин. Под политическим уважением в данном исследовании понималась ориентация на граждан в принятии решений в противовес политической элите, в то время как под государственной поддержкой — ориентация на обеспечение и помощь со

стороны государства в противовес самостоятельному выбору и решению социально-экономических вопросов.

Для оценки соответствующих представлений была разработана методика, которая включала две дихотомические шкалы: в политической сфере — это «уважение/контроль», в экономической — «поддержка/независимость от государственной поддержки». В предложенной методике высокие показатели по шкале «уважение» соотносятся с полюсом политического уважения, в то время как низкие значения — с полюсом «политического контроля». При этом высокие показатели по шкале «поддержка» соотносятся с полюсом «независимости от государственной поддержки», низкие показатели — с «государственной поддержкой».

Факторы «собственность», «централизация» и «унификация», которые были представлены в первоначальной версии опросника, не нашли выражения в связи с недостаточными факторными нагрузками для некоторых утверждений и включенностью ряда утверждений в другие факторы. Такую тенденцию можно объяснить тем, что в общественном сознании «собственность», «поддержка» и «централизация» соотносятся с общим принципом государственного контроля в социально-экономической сфере, в то время как «уважение» и «унификация» — в политической.

Таблица 2

Описательные статистики относительно представлений об идеальном государстве в подгруппах мужчин (N=196) и женщин (N=182)

Политические представления	Пол	M	CI	SE	SD	SK	K
Уважение	мужчины	4.03	3.84; 4.23	.10	1.41	-.16	-.26
	женщины	3.95	3.70; 4.21	.13	1.75	.04	-1.04
Поддержка	мужчины	3.88	3.70; 4.06	.09	1.30	-.05	-.47
	женщины	4.15	3.93; 4.37	.11	1.49	-.22	-.75

Полученную факторную структуру политических представлений об идеальном государстве можно рассмотреть через две перспективы — с одной стороны, политических режимов «автократии-демократии», с другой — политических ориентаций «консерватизма/либерализма».

Представленная модель политических представлений может отражать дихотомию политических режимов — демократии/автократии как категорий, через которые люди рассматривают «идеальное государство». Фактически ключевым различием между «авторитарным» и «демократическим» политическими режимами является источник власти — политический лидер/государство или народ [23]. И в этом случае как государственная поддержка, так и политическое уважение — это факторы, предполагающие единый принцип государственного контроля, но в разных сферах общественной жизни — социально-экономической (поддержка, собственность, централизация) и политической (унификация и уважение).

Несмотря на «похожий» принцип в разных сферах, можно наблюдать противоречивые позиции: для граждан, поддерживающих государственный контроль в политике, наиболее характерно предпочтение независимости от государственной поддержки в социально-экономической сфере. Подобная дифференциация политических представлений, в зависимости от сфер общественной жизни, находит выражение и в североамериканских исследованиях. Поддержка противоречивых позиций, согласно Дж. Джосту, соотносится с низким уровнем политического дискурса, осведомленности граждан, интересом к актуальной политической повестке и особенностями культурного контекста

[21]. Рассматривая культурную специфику отечественных представлений об идеальном государстве, можно отметить такую особенность «дискурсивного» основания, как низкий уровень политического дискурса, что проявляется в определении образа «идеального государства» через «повседневные проблемы». В настоящее время актуальными являются политическая повестка (проведение референдума, выборы) и проблема социально-экономического неравенства (недоступность дорогостоящих лекарственных препаратов, высшего образования, рабочих мест и т.д.). При изменении фокуса «проблемного поля» можно предположить изменения в соответствующих представлениях, «необходимость» модернизации других сфер общественной жизни (например, в ситуации военных действий «идеальное государство» может быть представлено через милитаристскую перспективу).

Если обратиться к особенностям политического и социально-экономического контекстов, то можно выделить следующие: расхождения между идеологическим полюсом политических партий и программными предложениями, «превалирование» частичных идеологий в общественном дискурсе, деинституализация ряда сфер и противоречия между разными институтами, прошлое социализма (патернализм в разных сферах общественной жизни) и вместе с этим высокий уровень социально-экономического неравенства [23]. Как следствие, можно предположить, что ориентация на «государственную поддержку» в экономической сфере и «уважение» в политике — это и про возможность нивелировать или сохранить неравенство в разных сферах общественной жизни как системообразующие основания.

Рассматривая полученные результаты через перспективу североамериканских исследований, представленные факторы можно соотнести с основанием «иерархии» в определении «консервативной» и «либеральной» идеологий [19]. В России «политическое уважение» негативно связано с «консервативной», «правой» ориентациями и правым авторитаризмом, и в этом случае можно предположить, что основополагающим фактором является агентность (лидер/народ) в принятии решений. Однако в отношении «государственной поддержки» не было представлено связей с соответствующими ориентациями. Можно предположить, что «экономическое» основание предполагает другой фокус, не противоречие между «свободой» и «контролем» над рынком, а «патерналистское» основание, характерное для идеологии «социализма». И в этом случае «поддержка» предполагает не «конкуренцию», а общую ориентацию на кооперацию для всех граждан. При этом «независимость от государственной поддержки» положительно связана с когнитивной завершенностью, что соотносится с «консервативным» полюсом предпочтений.

Дополнительно анализ инвариантности показал, что политические представления об идеальном государстве находят соответствие в подгруппах мужчин и женщин, концептуально интерпретируются похожим образом. Обращаясь к североамериканским исследованиям, можно отметить, что основное противостояние в политических взглядах между гендерными группами — это «равенство/иерархия» в разных сферах общественной жизни [19; 24]. Женщины в большей степени склонны поддерживать либеральные взгляды, что находит выражение в принципах «равенства», «справедливости» и вопросах, связан-

ных с развитием «социальной сферы» [24]. Мужчины, наоборот, склонны в большей степени поддерживать «консервативные» взгляды, что находит выражение в поддержке «иерархии» и «конкуренции» и, как следствие, в предпочтении «традиций» и «рыночной экономики» [24]. С развитием демократии и превалированием принципа «равенства» можно наблюдать снижение дифференциации в политических представлениях среди гендерных групп. И в этом случае соответствие в российской перспективе можно объяснить особенностями исторического, политического и социально-экономического контекстов постсоветского пространства и, как следствие, социализацией в таком культурном пространстве.

Однако в настоящем исследовании не рассматривалась инвариантность в подгруппах по другим основаниям в связи со спецификой выборки: большинство участников выражали средние позиции в отношении политических ориентаций, низкие — в отношении уровня дохода и высокие — в уровне образования, что не позволило выделить эквивалентные группы для сравнения. В этом случае «индифферентность» в политических ориентациях может соотноситься, с одной стороны, с низким уровнем интереса к политической повестке, а с другой — с актуальной проблемой социально-экономического благополучия. В последующих исследованиях необходимо обратиться к расширению выборки для проверки инвариантности и на других группах.

Представленное исследование также характеризуется рядом ограничений. В первую очередь — это размер выборки (индексы конфирматорного факторного анализа чувствительны к размеру выборки) и специфика выборки (в исследовании превалируют

участники с низким уровнем социально-экономического статуса). Другое ограничение связано с проверкой валидности. В целом можно наблюдать низкие значения критерия корреляции и отсутствие значимых связей с рядом «психологических» predispositions для проверки исследуемых факторов. В последующих исследованиях для проверки психометрических свойств методики необходимо обратиться к анализу дискриминантной и прогностической критериальной валидности. Попытки посмотреть на критериальную валидность через перспективу самоотчетов относительно «консервативных-либеральных» и «левых-правых» политических ориентаций не представили соответствующих связей с «поддержкой». Для будущих исследований необходимо проанализировать особенности принятия решений (делегирование ответственности государству или каждому гражданину) в разных сферах общественной жизни на конкретных примерах. Вместе с тем, рассматривая ограничения, можно наблюдать асимметрию в ответах относительно «государственной поддержки» в разных сферах общественной жизни. И в этом случае необходимо отметить такое ограничение, как контекст, в частности, ситуация пандемии. Согласно теории оправдания системы, ситуация пандемии (экзистенциальная угроза), которая была актуальной повесткой в период проведения исследования, также могла повысить выраженность «патерналистских» настроений [19].

Таким образом, анализ структуры представлений об идеальном государстве позволил выделить следующие основания — «политическое уважение» и

«государственную поддержку». Представленные категории можно рассматривать как в контексте «агентности» в принятии решений, так и «иерархии» (воспринимаемого неравенства) в политике и социально-экономической сфере. Итоговую версию методики для оценки представлений об идеальном государстве можно использовать для оценки и интерпретации актуального политического поведения граждан.

Выводы

Представления об идеальном государстве соотносятся с «желательным» образом устройства разных сфер общественной жизни и предполагаемыми действиями в отношении достижения такого идеала. Если в западной перспективе исследователи обращались к дихотомии «консерватизма-либерализма» по таким основаниям, как сохранение традиций/инновации и поддержка иерархии/равенства [19], то в отечественной перспективе — это политическое уважение и государственная поддержка. В рамках двух независимых исследований было выявлено, что представленные факторы можно рассматривать через перспективу государственного контроля. Если фактор «уважения» можно определить через дихотомию поддержки «демократического/авторитарного» политического режима, то фактор «государственной поддержки» — через перспективу «патернализма». Последующие исследования будут направлены на изучение политических представлений в странах постсоветского пространства, учитывая «дискурсивное» и «мотивационное» основания.

Описательные статистики представлений об идеальном государстве

	1 этап						2 этап			
	M	SD	D	SK	CK	M	SD	D	SK	CK
u1	4,38	1,96	3,82	-0,27	-0,97					
u2	4,43	1,80	3,25	-0,25	-0,73					
u3	3,85	1,88	3,54	0,03	-0,93					
u4	3,17	1,99	3,95	0,44	-1,00					
u5	3,47	2,04	4,16	0,24	-1,15					
u6	4,23	2,03	4,10	-0,10	-1,16	3,79	2,07	4,29	0,02	-1,30
u7	3,79	2,02	4,08	0,06	-1,10					
u8	4,41	1,99	3,95	-0,21	-1,01					

		1 этап					2 этап					
		M	SD	D	SK	CK	M	SD	D	SK	CK	
u9	Государство добивается главенствующего положения в мире — Государство добивается равноправных отношений с другими странами	4,57	1,88	3,55	-0,28	-0,86						
u10	Большинство образовательных учреждений принадлежит частным лицам — Большинство образовательных учреждений принадлежит государству	3,99	1,23	1,51	-0,05	1,64						
u11	Государство обеспечивает всех граждан достойными зарплатами за счет бюджетных средств — Граждане обеспечивают себя самостоятельно, без помощи государства	3,72	1,92	3,68	0,09	-0,98	4,22	1,65	2,74	-0,18	-0,63	
u12	В средствах массовой информации обсуждаются только некоторые проблемы, существующие в обществе — В средствах массовой информации обсуждаются любые проблемы, существующие в обществе	4,53	1,97	3,89	-0,26	-1,01	4,17	1,99	3,98	-0,12	-1,17	
u13	Главы регионов назначаются представителями власти, президентом или парламентом — Главы регионов избираются местными жителями на голосовании	4,54	2,06	4,22	-0,34	-1,04	4,02	2,10	4,41	-0,03	-1,31	
u14	Минимальный размер пенсионных выплат устанавливается на уровне региона — Минимальный размер пенсионных выплат устанавливается централизованно, на уровне всей страны	3,58	2,06	4,22	0,18	-1,16						
u15	Ключевые вопросы по защите окружающей среды (загрязнение воздуха и воды, переработка мусора) решаются централизованно, на уровне всей страны — Ключевые вопросы по защите окружающей среды (загрязнение воздуха и воды, переработка мусора) решаются на уровне региона	3,61	2,00	3,98	0,18	-1,06						
u16	Государство поддерживает миролюбивую политику в отношении других стран — Государство поддерживает политику военного вмешательства в отношении других стран	3,12	1,77	3,12	0,34	-0,78						
u17	Большинство банков принадлежит государству — Большинство банков принадлежит частным лицам	3,81	1,94	3,77	0,06	-0,97						

		1 этап					2 этап				
		M	SD	D	SK	CK	M	SD	D	SK	CK
		u18	4,91	1,99	3,96	-0,52	-0,94				
u19	3,58	1,95	3,81	0,20	-0,99						
u20	4,02	1,81	3,27	0,04	-0,76						
u21	3,98	2,02	4,10	-0,09	-1,11						
u22	3,39	1,95	3,78	0,33	-0,93						
u23	3,48	2,08	4,31	0,28	-1,12						
u24	3,71	2,12	4,47	0,12	-1,24						
u25	3,84	1,91	3,66	0,07	-0,91						

	1 этап						2 этап					
	M	SD	D	SK	CK		M	SD	D	SK	CK	
		3,14	1,97	3,90	0,49	-0,92		3,74	1,92	3,69	0,07	-1,15
u26	Государство обеспечивает финансовую поддержку всем гражданам в сложных ситуациях (экономический кризис, катастрофы, эпидемии) за счет бюджетных средств — Граждане решают свои финансовые проблемы самостоятельно в сложных ситуациях (экономический кризис, катастрофы, эпидемии), без помощи государства											
u27	Каждый гражданин может высказывать свою точку зрения в средствах массовой информации — Только некоторые граждане могут высказывать свою точку зрения в средствах массовой информации											
u28	Ключевые вопросы в сфере образования решаются централизованно, на уровне всей страны — Ключевые вопросы в сфере образования решаются на уровне региона											
u29	Большинство медицинских учреждений принадлежит государству — Большинство медицинских учреждений принадлежит частным лицам											
u30	Государство обеспечивает всех граждан рабочими местами — Граждане самостоятельно ищут работу, без помощи государства											
u31	Цены на образовательные услуги устанавливаются централизованно, на уровне всей страны — Цены на образовательные услуги устанавливаются на уровне региона											
u32	Граждане обеспечивают дорогостоящее лечение за счет собственных средств, без помощи государства — Государство обеспечивает дорогостоящее лечение для всех граждан за счет бюджетных средств											
u33	Ключевые политические решения о развитии регионов принимаются органами местного самоуправления на уровне региона — Ключевые политические решения о развитии регионов принимаются централизованно, на уровне всей страны											

	1 этап						2 этап					
	M	SD	D	SK	CK		M	SD	D	SK	CK	
u34	3,86	1,74	3,03	0,06	-0,56							
u35	3,24	1,96	3,82	0,43	-0,92		4,01	1,99	3,96	-0,07	-1,16	
u36	4,26	2,00	4,01	-0,19	-1,04							
u37	3,35	1,91	3,65	0,32	-0,91		4,04	1,90	3,62	-0,10	-1,06	
u38	3,15	1,93	3,72	0,44	-0,87							
u39	4,16	1,94	3,75	-0,18	-0,95							
u40	3,60	1,82	3,32	0,16	-0,83		4,22	1,72	2,97	-0,12	-0,81	
u41	3,61	2,01	4,02	0,16	-1,09							

		1 этап					2 этап					
		M	SD	D	SK	CK	M	SD	D	SK	CK	
и42	Промышленность развивается самостоятельно, без помощи государства — Государство поддерживает развитие промышленности за счет бюджетных средств	4,68	1,71	2,92	-0,32	-0,58						
и43	Главы городов назначаются представителями власти, президентом или парламентом — Главы городов избираются местными жителями на голосовании	4,73	1,96	3,84	-0,42	-0,88	4,00	2,04	4,18	-0,05	-1,19	
и44	Государство поддерживает развитие пенсионных фондов за счет бюджетных средств — Граждане самостоятельно откладывают деньги на пенсию, без помощи государства	3,26	1,89	3,58	0,33	-0,90	3,61	1,87	3,50	0,16	-0,96	
и45	Сельское хозяйство развивается самостоятельно, без помощи государства — Государство поддерживает развитие сельского хозяйства за счет бюджетных средств	3,24	1,78	3,15	0,37	-0,67						
и46	Государство поддерживает организации по защите окружающей среды за счет бюджетных средств — Организации по защите окружающей среды обеспечиваются за счет пожертвований граждан, без поддержки государства	3,29	1,85	3,40	0,31	-0,82						

Приложение 2

Методика для измерения представлений об идеальном государстве

Подумайте об «идеальном государстве». Оцените, насколько представленные утверждения соответствуют Вашим представлениям о том, каким должно быть государство (1 — полностью согласен с утверждением в левом столбце; 7 — полностью согласен с утверждением в правом столбце).

1	2	3	4	5	6	7
полностью согласен с утверждением в левом столбце	согласен с утверждением в левом столбце	скорее согласен с утверждением в левом столбце	одинаково согласен с утверждениями в обоих столбцах	скорее согласен с утверждением в правом столбце	согласен с утверждением в правом столбце	полностью согласен с утверждением в правом столбце

№	1	2	3	4	5	6	7
1	Ключевые государственные вопросы решаются представителями власти						Ключевые государственные вопросы решаются гражданами на всенародном голосовании
2	Государство обеспечивает всех граждан достойными зарплатами за счет бюджетных средств						Каждый гражданин обеспечивает себя самостоятельно, без помощи государства
3	В средствах массовой информации обсуждаются только некоторые проблемы, существующие в обществе						В средствах массовой информации обсуждаются любые проблемы, существующие в обществе
4	Главы регионов назначаются представителями власти, президентом или парламентом						Главы регионов избираются местными жителями на голосовании
5	Государство обеспечивает финансовую поддержку всем гражданам в сложных ситуациях (экономический кризис, кагастрофы, эпидемии) за счет бюджетных средств						Каждый гражданин решает свои финансовые проблемы самостоятельно в сложных ситуациях (экономический кризис, кагастрофы, эпидемии), без помощи государства
6	Государство обеспечивает всех граждан рабочими местами						Каждый гражданин самостоятельно ищет работу, без помощи государства
7	Государство обеспечивает всех граждан дорогостоящими лекарствами за счет бюджетных средств						Каждый гражданин самостоятельно обеспечивает себя дорогостоящими лекарствами, без помощи государства
8	Государство обеспечивает высшее образование для всех граждан за счет бюджетных средств						Каждый гражданин самостоятельно оплачивает высшее образование, без помощи государства
9	Государство поддерживает развитие малого и среднего бизнеса за счет бюджетных средств						Малый и средний бизнес развивается самостоятельно, без помощи государства
10	Главы городов назначаются представителями власти, президентом или парламентом						Главы городов избираются местными жителями на голосовании
11	Государство поддерживает развитие пенсионных фондов за счет бюджетных средств						Каждый гражданин самостоятельно копит пенсию, без помощи государства

Примечание: Для оценки факторов политического уважения (пары утверждений под номерами 1, 3, 4, 10) и поддержки (пары утверждений под номерами 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11) рассчитывается среднее арифметическое.

Литература / References

1. *Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Фоминых А.Я., Алексеева О.С.* Авторитарность в структуре личностных черт [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1410-chertkova52.html> (дата обращения: 25.05.2021).
- Chertkova Yu.D., Egorova M.S., Fominykh A.Ya., Alekseeva O.S. Avtoritarnost' v structure lichnostnykh chert [Elektronnyi resurs] [Authoritarianism in personality traits structure]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 52, pp. 11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1410-chertkova52.html> (Accessed 25.05.2021).
2. *Щебетенко С.А.* Рефлективные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 74–84.
- Shchebetenko S.A. Refleksivnye adaptatsii kharaktera v pyatifaktornoi teorii lichnosti [Reflexive characteristics adaptations within the five-factor theory of personality framework]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2015. Vol. 36, no. 6, pp. 74–84.
3. *Altemeyer B.* The Other “Authoritarian Personality” // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1998. Vol. 30. P. 47–92. DOI:10.1016/S0065-2601(08)60382-2
4. *Azevedo F., Jost J.T., Rothmund T., Sterling J.* Neoliberal ideology and the justification of inequality in capitalist societies: Why social and economic dimensions of ideology are intertwined // *Journal of Social Issues*. 2019. Vol. 75. № 1. P. 49–88. DOI:10.1111/josi.12310
5. *Brandt M.J., Reyna C., Chambers J.R., Crawford J.T., Wetherell G.A.* The ideological-conflict hypothesis: Intolerance among both liberals and conservatives // *Current Directions in Psychological Science*. 2014. Vol. 23. № 1. С. 27–34. DOI:10.1177/0963721413510932
6. *Caprara G.V., Zimbardo P.* Personalizing politics: A congruency model of political preference // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. P. 581–94, 710. DOI:10.1037/0003-066X.59.7.581
7. *Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C.* Personality and Politics: Values, Traits, and Political Choice // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27. № 1. P. 1–28. DOI:10.1111/j.1467-9221.2006.00447.x
8. *Carney D.R., Jost J.T., Gosling S.D., Potter J.* The secret lives of liberals and conservatives: Personality profiles, interaction styles, and the things they leave behind // *Political Psychology*. 2008. Vol. 29. № 6. P. 807–840. DOI:10.1111/j.1467-9221.2008.00668.x
9. *Chen F.F.* Sensitivity of Goodness of Fit Indexes to Lack of Measurement Invariance // *Structural Equation Modeling*. 2007. Vol. 14. P. 464–504. DOI:10.1080/10705510701301834
10. *Crawford J.T., Pilanski J.M.* The differential effects of right-wing authoritarianism and social dominance orientation on political intolerance // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. № 4. P. 557–576. DOI:10.1111/pops.12066
11. *Gerber A.S., Huber G.A., Doherty D., Dowling C.M., Ha S.E.* Personality and Political Attitudes: Relationships across Issue Domains and Political Contexts // *American Political Science Review*. 2010. Vol. 104. № 1. P. 111–133. DOI:10.1017/S0003055410000031
12. *Greenberg J., Jonas E.* Psychological motives and political orientation — The left, the right, and the rigid: Comment on Jost et al // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 376–382. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.376
13. *Haidt J., Graham J.* When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize // *Social Justice Research*. 2007. Vol. 20. № 1. P. 98–116. DOI:10.1007/s11211-007-0034-z
14. *Hirsh J.B., DeYoung C.G., Xu X., Peterson J.B.* Compassionate liberals and polite conservatives: Associations of agreeableness with political ideology and moral values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. № 5. P. 655–664. DOI:10.1177/0146167210366854
15. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. DOI:10.1080/10705519909540118

16. *John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L.* The Big Five Inventory--Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
17. *John O.P., Naumann L.P., Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: history, measurement, and conceptual issues. In: *Handbook of Personality // Theory and Research / In O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin (eds.)*. New York: Guilford Press, 2008. P. 114–158.
18. *Jost J.T.* The end of the end of ideology // *American Psychologist*. 2006. Vol. 61. № 7. P. 651–670. DOI:10.1037/0003-066X.61.7.651
19. *Jost J.T.* Ideological asymmetries and the essence of political psychology // *Political Psychology*. 2017. Vol. 38. P. 167–208. DOI:10.1111/pops.12407
20. *Jost J.T., Banaji M.R.* The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British journal of social psychology*. 1994. Vol. 33. № 1. P. 1–27. DOI:10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008
21. *Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J.* Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 339–375. DOI:10.1037/0033-2909.129.3.339
22. *Layman G.C., Carsey T.M.* Party polarization and “conflict extension” in the American electorate // *American Journal of Political Science*. 2002. Vol. 46. P. 786–802. DOI:10.2307/3088434
23. *Lukin A.* The political culture of the Russian “democrats”. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p.
24. *Mebane M.E., Aiello A., Francescato D.* Political gender gap and social dominance orientation // *Psycho-social aspects of human sexuality and ethics*. 2020. P. 1–15. DOI:10.5772/intechopen.92222
25. *Mondak J.J.* Personality and the foundations of political behavior. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2010.
26. *Onraet E., Van Hiel A., Roets A., Cornelis I.* The closed mind: “Experience” and “cognition” aspects of openness to experience and need for closure as psychological bases for right-wing attitudes // *European Journal of Personality*. 2011. Vol. 25. P. 184–197. DOI:10.1002/per.775
27. *Pan J., Xu Y.* China’s Ideological Spectrum Forthcoming // *The Journal of Politics*. 2017. Vol. 80. № 1. P. 254–273. DOI:10.2139/ssrn.2593377
28. *Prusova I.S., Gulevich O.A.* The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia // *International Journal of Psychology*. 2020. Vol. 55. № 2. P. 305–314. DOI:10.1002/ijop.12571
29. *Roets A., Van Hiel A.* Need for closure relations with authoritarianism, conservative beliefs, and racism: The impact of urgency and permanence tendencies // *Psychologica Belgica*. 2006. Vol. 46. P. 235–252. DOI:10.5334/pb-46-3-235
30. *Roets A., Van Hiel A.* Allport’s prejudiced personality today: Need for closure as the motivated cognitive basis of prejudice // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20. P. 349–354. DOI:10.1177/0963721411424894
31. *Rosseel Y.* Lavaan: An R package for structural equation modeling and more. Version 0.5–12 (BETA) // *Journal of Statistical Software*. 2012. Vol. 48. № 2. P. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
32. *Satherley N., Sibley C.G., Osborne D.* Ideology before party: Social dominance orientation and right-wing authoritarianism temporally precede political party support // *British Journal of Social Psychology*. 2020. DOI:10.1111/bjso.12414
33. *Schoen Ha., Schumann S.* Personality Traits, Partisan Attitudes, and Voting Behavior. Evidence from Germany // *Political Psychology*. 2007. Vol. 28. № 4. P. 471–498. DOI:10.1111/j.1467-9221.2007.00582.x
34. *Sidanius J., Feshbach S., Levin S., Pratto F.* The interface between ethnic and National attachment: Ethnic pluralism or ethnic dominance? // *Public Opinion Quarterly*. 1997. Vol. 61. P. 103–133. DOI:10.1086/297789

35. *Van Assche J., Dhont K., Pettigrew T.F.* The social-psychological bases of far-right support in Europe and the United States // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 29. № 5. P. 385–401. DOI:10.1002/casp.2407

Информация об авторах

Прусова Ирина Сергеевна, аспирантка, стажер-исследователь, факультет социальных наук, департамент психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Information about the authors

Irina S. Prusova, PhD student, research intern, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Получена 31.05.2021

Received 31.05.2021

Принята в печать 27.07.2021

Accepted 27.07.2021

ВНЕ ТЕМЫ НОМЕРА NON-THEMATIC ARTICLES

Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии

Лабунская В.А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-8773>, e-mail: vlab@aanet.ru

Цель. Обзорная статья нацелена на то, чтобы с позиций прикладной социальной психологии рассмотреть многообразные исследования феноменов восприятия, оценки, самооценки, обеспокоенности, удовлетворенности внешним обликом, перфекционистского отношения к нему и выделить тенденции, направления их изучения.

Контекст и актуальность. Прикладное и практическое значение психологии внешнего облика предопределили накопление огромного количества эмпирических данных и развитие ряда теоретических направлений. Актуальным становится сравнение тенденций в развитии отечественной и зарубежной психологии внешнего облика, поиск направлений, объединяющих их. Статья состоит из трех подразделов, учитывая компоненты внешнего облика, динамику отношения к внешнему облику в соответствии с контекстом взаимодействия и полифакторную детерминацию.

Используемая методология. Междисциплинарный подход; обзор и анализ трендов в изучении отношения к внешнему облику.

Основные выводы. Междисциплинарный статус внешнего облика определяет широкий спектр направлений исследований. Превалирует тренд изучения отдельных компонентов внешнего облика, их восприятия, оценки, самооценки, влияния на обеспокоенность, удовлетворенность внешним обликом. В отечественных исследованиях осуществляется развитие трендов, которые сложились в мировой психологии. Современные тенденции — это рассмотрение целостного внешнего облика в различных контекстах взаимодействия, систематизация и моделирование набора факторов, определяющих отношение к внешнему облику, и его изучение с учетом задач прикладной психологии.

Ключевые слова: социальная психология, тренды, направления исследований, прикладная психология, контексты взаимодействия, внешний облик, отношение к внешнему облику, детерминанты, полифакторная модель, удовлетворенность жизнью.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-113-50411 (Экспансия).

Для цитаты: Лабунская В.А. Тренды изучения отношения к внешнему облику с позиций прикладной социальной психологии // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 128–150. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120309>

Trends in the Study of Attitudes to Appearance from the Point of View of Applied Social Psychology

Vera A. Labunskaya

Southern Federal University (SFEDU), Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-8773>, e-mail: vlab@aanet.ru

Objective. *The review article aims to consider from the point of view of applied social psychology the phenomenon of perception, evaluation, self-esteem, concern, satisfaction with the appearance, perfectionist attitude to it and to highlight trends, directions of their study.*

Background. *Applied and practical importance of the psychology of the appearance predetermined the accumulation of a huge amount of empirical data and the development of a number of theoretical directions. The current comparison of trends in the development of domestic and foreign psychology of the appearance, the search for directions uniting them. The article consists of three subsections, taking into account the components of the appearance, the dynamics of the attitude to appearance in accordance with the context of interaction and olfactory determinism.*

Methodology. *An interdisciplinary approach; review and analysis of trends in the study of attitudes to appearance.*

Conclusions. *The interdisciplinary status of the external appearance determines a wide range of research areas. The trend of studying individual components of the appearance of their perception, evaluation, self-assessment, influence on concern, satisfaction with the appearance prevails. In domestic research, the development of trends that have developed in the world psychology is carried out. Modern trends are the consideration of a holistic external appearance in different contexts of interaction, the systematization and modeling of a set of factors that determine the attitude to appearance, and its study taking into account the tasks of applied psychology.*

Keywords: *social psychology, trends, research directions, applied psychology, interaction contexts, appearance, attitude to appearance, determinants, olfactory model, life satisfaction.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-113-50411 (Expansion).

For citation: Labunskaya V.A. Trends in the Study of Attitudes to Appearance from the Point of View of Applied Social Psychology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 128–150. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120309> (In Russ.).

Введение

Обычно термин «trend» («тренд») переводится на русский язык как тенденция, направление развития. В ряде исследований [12; 14; 23; 24] под трендом понимается тенденция, направление развития, движение тенденций в какой-либо области психологической науки. Исходя из такой трактовки явления «тренд», можно сказать, что тренды изучения отношения к внешнему облику — это совокупность

тенденций, направлений развития социальной психологии внешнего облика. На основе наших работ [13; 22], а также исследований отечественных [10; 15 и др.] и зарубежных авторов [27; 30; 55 и др.] была сформулирована цель обзорной статьи. Она заключалась в том, чтобы с позиций прикладной социальной психологии рассмотреть многообразные исследования феноменов восприятия, оценки, самооценки, обеспокоенности, удовлетворенности внешним обликом, перфек-

ционистского отношения к нему, выделяя тенденции, направления их изучения, интегрируя их с целью обоснования многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику. В процессе работы над обзорной статьей также осуществлялся поиск ответов на ряд дискуссионных вопросов, например, являются ли неудовлетворенность и обеспокоенность внешним обликом теми компонентами отношения к нему, которые охватывают различные возрастные группы (подростков, молодых, взрослых) и выступают в роли своеобразной социально-психологической «эпидемии»; определяет ли оценка внешнего облика как привлекательного субъективную оценку благополучия, удовлетворенности жизнью; изменяется ли влияние внешнего облика в зависимости от ситуации взаимодействия.

Исходя из трактовки внешнего облика как многокомпонентного явления [22], из его функциональной значимости в различных контекстах взаимодействия, из результатов многочисленных работ, указывающих на полифакторную детерминацию восприятия, оценки, самооценки, обеспокоенности, удовлетворенности внешним обликом, перфекционистского отношения к нему, обзорная статья состоит из трех подразделов. В первом подразделе статьи рассматриваются направления, тенденции изучения восприятия, оценки, самооценки, удовлетворенности, обеспокоенности компонентами внешнего облика (физический (телесная организация), социальный (оформление внешнего облика), экспрессивный (невербальное поведение)). Второй подраздел статьи включает анализ направлений изучения внешнего облика в различных контекстах взаимодействия (роль внешнего облика в сфере семейно-брачных, романтических отношений; роль внешнего облика в сфере трудовой занятости;

влияние внешнего облика на систему образования и т.д.). Как в первом, так и во втором подразделах статьи рассматриваются результаты исследований о влиянии самооценок, удовлетворенности, обеспокоенности внешним обликом на субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и здоровье.

В третьем подразделе статьи осуществляется интеграция направлений с целью обоснования многофакторной модели изучения влияния различных демографических факторов (гендерного, возрастного, экономического, образовательного статусов), социально-психологических, личностных факторов на самооценку, оценку внешнего облика, удовлетворенность и обеспокоенность им, а также на перфекционистское отношение к внешнему облику.

Обзор исследований в соответствии с выделенными подразделами статьи предполагает не только дифференциацию работ, но и обращение к одним и тем же исследованиям в различных подразделах статьи. Такой тип обзора научных исследований в психологии внешнего облика является неизбежным, поскольку традиционно изучение отношения к своему и чужому внешнему облику, определяемое посредством анализа оценок, самооценок, обеспокоенности, удовлетворенности внешним обликом, осуществляется с включением различных детерминант и контекстов взаимодействия.

1. Тенденции изучения восприятия, оценки, самооценки, удовлетворенности, обеспокоенности различными компонентами внешнего облика

Среди исследований, касающихся изучения отношения к различным компо-

нентам внешнего облика, одно из главных мест занимают работы, в которых рассматриваются образы, интерпретации, установки, связанные с телесным, физическим компонентом внешнего облика. Именно эти работы раскрывают главные тенденции в изучении внешнего облика и их прикладное социально-психологическое значение. В уникальном справочнике «Энциклопедия образа тела и внешнего вида человека» (Encyclopedia of Body Image and Human Appearance) [37] во главу угла поставлен вопрос о том, как внешние физические характеристики людей, их внутреннее восприятие и отношение к своей собственной внешности влияют на жизнь человека. Особенностью сформированного в этой энциклопедии подхода является обращение к результатам изучения внешнего облика социальными, поведенческими, биомедицинскими науками, выдвижение на первое место социокультурного анализа имиджа тела. Одним из соавторов этой энциклопедии [66] был сделан вывод о том, что влияние социокультурного фактора проявляется, прежде всего, в том, что «забота» людей о телесном образе является более значимой проблемой, чем такие проблемы, как семейный конфликт, преодоление стресса и т.д. Можно было бы полагать, что «озабоченность-обеспокоенность» телесным образом является показателем отношения к внешнему облику в западном обществе. Однако работы отечественных ученых [10; 20; 25] также показывают, что неудовлетворенность, озабоченность, обеспокоенность образом тела являются составляющими переживаний россиян.

Остается в качестве одного из важнейших подходов к изучению компонентов внешнего облика гендерный подход. В обзорной статье [54], рассматривающей распространенность удовлетво-

ренности своим телом среди взрослого населения США, подчеркивается, что данное явление охватывает до 72% женщин и до 61% мужчин.

Необходимо отметить то, что в качестве участников гендерных исследований выступают не только женщины, но и девочки [25; 34; 51], не только мужчины, но и мальчики [40; 55]. Из этих работ следует, что девочки, девушки, женщины, как правило, недовольны размером, весом и формой своего тела. Они хотят быть более худыми. По сравнению с женщинами, девушками, мужчинами, юноши, мальчики имеют более низкие показатели неудовлетворенности своим телом. Они стремятся стать более мускулистыми. В обобщающих работах также зафиксировано [30], что у молодых мужчин возрастает неудовлетворенность своим телом. Самооценка внешнего облика снижается тогда, когда они видят изображения идеализированных моделей, привлекательных мускулистых мужчин. Вместе с этим установлено [30], что на мужчин, которые были удовлетворены своим телом, практически не оказывают влияния комментарии, сопровождающие изображения идеализированных моделей мужского тела, а позитивная обратная связь, направленная на физический компонент внешнего облика, увеличивает удовлетворенность как образом тела, так и взаимоотношениями. В исследовании [61] приняли участие 6272 человека (68,9% женщин, 31,1% мужчин в возрасте от 18 до 30 лет), проживающих в Австралии, Бельгии, Канаде, Китае, Италии, Японии, Испании и США. Особенностью данной работы является то, что в ней измерялось давление со стороны матерей, отцов, сверстников, средств массовой информации на выбор (интернализацию) идеала худого тела, подтянутого, мускулистого тела в различных странах. В этом исследовании

было доказано, что существует частичная инвариантность выбора моделей тела, что этот выбор, в свою очередь, зависит от демографических факторов, социально-экономического статуса и «нормативного» индекса тела.

Переход к изучению моделей тела, их интернализации мужчинами и женщинами, к рассмотрению последствий стремления к определенным моделям тела можно рассматривать как один из важнейших трендов в изучении отношения к внешнему облику. Работы [56; 58; 61], фиксирующие то, какие модели внешнего облика интернализуются **представителями различных стран**, формируют «страноведческое» направление, а также актуализируют направление, учитывающее давление социального окружения, СМИ на отношение к внешнему облику, развивают кросс-культурное и межкультурное направление в психологии внешнего облика и продвигают традиционное направление изучения влияния различных факторов. Поворотным моментом в изучении предпочитаемых моделей телесной организации, образа тела, удовлетворенности им является обращение к такому явлению, как бодипозитив [42; 62; 71].

В исследованиях [51; 53] также продвигаются идеи разнообразия внешнего облика и влияния образов, представлений, интерпретаций, оценочных суждений на эмоциональное благополучие человека. Подход к внешнему облику с точки зрения его многообразия, соответствия «норме» становится одним из самых актуальных трендов в психологии внешнего облика, включающим направление изучения негативного восприятия людей с нестандартным внешним обликом [45; 53]. Центр исследования внешнего облика (The Centre for Appearance Research (CAR)) [65] определяет в качестве главных направлений своей де-

ятельности рассмотрение психосоциальных потребностей людей, имеющих внешний облик, отличающийся от социальной нормы, выявление эффективности различного рода «вмешательств», способствующих коррекции проблем, определение влияния отношения к внешнему облику на здоровье и благополучие человека. Результаты исследований, выполненных в рамках направления «отношение к разнообразным моделям внешнего облика», указывают на наличие побочных эффектов, на трудности в определении модели физического компонента внешнего облика, которую можно отнести к более «здоровой модели».

Развитие направления, изучающего особенности негативного восприятия людей с нестандартным внешним обликом, идет в сторону изучения так называемой Body—стигмы, Appearance (AP)—стигмы [28; 32; 33], «клеймения», стигматизации, осуществляемой за счет выделения отдельных характеристик, которые отличают внешний облик. На основе этих характеристик приписываются отрицательные качества и формируется предвзятое отношение к человеку, к группе людей. Данные, полученные в этих исследованиях, свидетельствуют о том, что стигма веса человека, сочетающаяся с социальной идентификацией по критерию веса, с предвзятостью, направленной на самого себя, являются существенными предикторами психологического стресса, состояния здоровья. Они указывают на то, что Body—стигма, Appearance (AP)—стигма влияют на степень удовлетворенности физическим компонентом внешнего облика, выбор диеты, булимическое поведение. Этот тип работ связан с рассмотрением проблемы дискриминации, что включает изучение Body—стигмы, Appearance (AP)—стигмы в актуальный тренд исследования отношения к внеш-

нему облику — лукизм в сочетании с сексизмом, с этнодискриминацией [28; 54]. Он способствует развитию направления, изучающего оценки внешнего облика в качестве обратной связи, рассматривающего негативные и позитивные комментарии, получаемые в социальных сетях.

Наряду с изучением негативного образа тела и его последствий развивается направление, целью которого является рассмотрение позитивного образа тела и его гибкости [59; 63; 71], формирование рекомендаций по применению смешанных методов оценки положительного имиджа тела, по внедрению технологий продвижения положительного образа тела, принятия разнообразия внешнего облика различными социальными, политическими институтами, СМИ.

Известно, что «важнейшим элементом в физическом облике человека является лицо...» [5, с. 17]. Авторы работы [57], используя индекс цитирований статей в базе данных Web of Science, выделили 1000 наиболее цитируемых статей в области изучения экспрессивного, невербального поведения и пришли к выводу о том, что изучение «выражения лица» является до настоящего времени самым популярным направлением в области психологии внешнего облика. Во многих работах [3; 4; 18 и др.] особое внимание уделяется изучению различных экспрессий лица, его формы, значимости лица в процессе рассмотрения прикладных задач [16; 43; 47], экспрессий «живого лица» [4]. Развиваются подход, учитывающий влияние гендерного фактора на оценки привлекательности лица [49], направление, рассматривающее роль нейтрального или улыбающегося лица в восприятии здоровья и счастья [46], направление, изучающее взаимосвязи между экспрессивным компонентом внешнего облика человека и успешностью его

идентификации [17; 18; 19; 68]. Остается по-прежнему актуальным направление, изучающее «маскирующие» функции экспрессии, ее диагностические возможности в ситуации распознавания истинных чувств и эмоций [36; 38], направление, рассматривающее распознавание личностных особенностей на основе определенных элементов экспрессии [16; 17].

В отечественной психологии направление, связанное с изучением экспрессий лица, развивается в рамках комплексного системного подхода [2; 3]. В течение последнего десятилетия в пяти коллективных монографиях [15; 16; 17; 18; 19] опубликованы результаты комплексного, системного изучения лица человека. В них подчеркивается необходимость изучения контекста восприятия как фактора распознавания, оценки лица человека, в том числе в связи с рассмотрением феномена, получившего название «эффект другой расы». Эти работы продолжают традицию исследования как отдельных компонентов внешнего облика, так и целостного изучения внешнего облика — конфигурации анатомо-физиологической организации человека, экспрессии, оформления внешнего облика [5].

Перечисленные в данной статье направления изучения экспрессивного компонента внешнего облика, конечно, не исчерпывают всего многообразия подходов, но они указывают на то, что экспрессивный компонент изучается в соответствии с основными трендами рассмотрения внешнего облика.

Исследования, посвященные изучению социального компонента внешнего облика, образуют корпус разнообразных работ, рассматривающих не только одежду человека [11; 21], но и прическу [6], различные аксессуары, макияж [8], татуировки [9] и т.д. В этих работах ставится задача рассмотрения имиджа

человека, его социального статуса, этнической принадлежности и многое другое [37; 53]. Выделяется подход, цель которого заключается в изучении оформления внешнего облика как проявления устойчивых характеристик личности [1; 26], ее гендерного, возрастного статуса [6; 21], принадлежности к определенной субкультуре и т.д. [8].

В последнее время формируется направление, которое ставит своей задачей определение интенсивности влияния компонентов как целостных образований внешнего облика на его оценку. К данному направлению примыкают работы [22], в которых рассматривается влияние целостного оформления внешнего облика или его экспрессивного компонента, например, на воспринимаемый возраст женщин.

Таким образом, в первой части обзорной статьи были определены основные тенденции и направления исследований отдельных компонентов внешнего облика.

2. Роль внешнего облика в различных контекстах взаимодействия

Среди трендов изучения отношения к внешнему облику объединяющим многие работы является рассмотрение роли внешнего облика в различных контекстах взаимодействия. Динамика ценности и значимости внешнего облика в зависимости от контекста взаимодействия является одним из новых направлений в психологии внешнего облика [15; 16; 22]. Контексты взаимодействия рассматриваются ведущими специалистами, работающими в области прикладной психологии внешнего облика [30; 55; 73]. Проблема «внешний облик в различных контекстах взаимодействия»

обсуждается в процессе рассмотрения романтических, семейно-брачных отношений, в процессе изучения взаимодействия субъектов образовательного пространства, в процессе исследования роли внешнего облика в трудовых отношениях, в контексте становления карьеры. Традиционно в связи с изучением влияния контекста взаимодействия на отношение к своему и чужому внешнему облику обсуждаются вопросы, касающиеся влияния самооценок, удовлетворенности, обеспокоенности внешним обликом на субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью (обзор этих исследований представлен в [22]).

Рассматривая проблему влияния внешнего облика на взаимодействие субъектов образовательного пространства [31; 35; 60], можно зафиксировать следующие магистральные направления: 1. Определение влияния внешнего облика студентов на их академическую успеваемость; 2. Определение меры воздействия внешнего облика преподавателя на отношение к нему студентов и успешность их обучения; 3. Определение особенностей восприятия и оценки студентами степени привлекательности внешнего облика преподавателя и наоборот. Из данных, приведенных в [31; 60], следует, что студенты обращают внимание на оформление внешнего облика преподавателя, оценивают меру его привлекательности. Они считают, что от преподавателей, которые были отнесены в группу привлекательных и хорошо одетых, получают знаний больше, чем от преподавателей с непривлекательным внешним обликом. Обращает на себя внимание тот факт, что и при рассмотрении роли внешнего облика во взаимодействии субъектов образовательного пространства заявляет о себе гендерный подход [31], проявляется дискриминаци-

онная практика — лукизм в сочетании с сексизмом. Развивается также направление, рассматривающее зависимость оценки академической успешности от внешнего облика студента и преподавателя [64], фиксирующее, что оценочная компетентность не совпадает с объективными показателями академической успешности, что происходит «смещение оценок», которое оказывает негативное влияние на сферу образования. Внешний облик преподавателя рассматривается в качестве «ресурса», академического потенциала эффективного обучения и приобретения студентами знаний, поскольку преподавателю с привлекательным внешним обликом приписывается убедительность, к нему относятся студенты с уважением. Традиционным и одновременно дискуссионным является вопрос о реальной инвестиционной силе привлекательного внешнего облика студентов и преподавателей.

Одной из значимых сфер бытия человека, важнейшим пространством взаимодействия выступают семейно-брачные, романтические отношения. В этом предметном поле изучения внешнего облика наблюдаются такие же направления исследований, которые были определены в первом разделе статьи. Оценка привлекательности внешнего облика влияет на удовлетворенность романтическими отношениями, на их развитие и прекращение [22], взаимосвязи между самооценкой физической привлекательности и самоуважением оказывают влияние на выбор романтического партнера. В исследовании [39] показано, что физическая привлекательность обуславливает выбор романтического партнера, что сходство в оценках привлекательности внешнего облика романтических партнеров не является гарантом длительности и устойчивости складывающихся романтических отноше-

ний, как и в том случае, когда один из партнеров считает внешний облик другого более привлекательным. Как правило, достаточно большое количество студентов, состоящих в романтических отношениях, дают совет своему партнеру либо похудеть, либо поправиться. Студентки, которым советовали сбросить вес, студенты, которым советовали набрать вес, были в меньшей степени удовлетворены романтическими отношениями.

Другим направлением исследований является поиск ответа на вопрос о воздействии внешнего облика на семейно-брачные отношения [52]. Оценки привлекательности лица обоих партнеров другими людьми коррелируют с выраженностью поддержки в браке и удовлетворенностью им в зависимости от гендерного фактора. Мужья, внешний облик которых оценивался как привлекательный, были в меньшей степени удовлетворены браком, чем женщины, привлекательность внешнего облика которых также оценивалась высоко. Согласованность в оценках привлекательности внешнего облика супругов не оказывает существенного влияния на удовлетворенность браком. Различия в оценках привлекательности внешнего облика брачных партнеров по-разному влияют на поведение супругов. Они выстраивают более позитивные отношения, если привлекательность внешнего облика жен оценивается выше, чем мужей, но демонстрируют более негативные отношения, если оценка привлекательности внешнего облика мужей была выше, чем жен. Партнеры-мужчины считали женщин, не соответствующих идеалам привлекательного внешнего облика, более слабыми и не стремились развивать с ними отношения. Физический компонент внешнего облика мужчин, не отвечающий идеальным моделям, не оказывал

существенного влияния на продолжительность отношений.

В супружеских и романтических отношениях наблюдается феномен стигмы, связанной с массой тела, который оказывает влияние на качество взаимоотношений [29; 32]. В исследовании [52] установлено, что полные женщины имели менее качественные отношения с партнером, у них актуализировалось ожидание окончания этих отношений. Стигматизация в контексте семейно-брачных отношений, проявляющаяся в предвзятом отношении мужа к весу жены, ведет к переживанию брачными партнерами психологического стресса и оказывает влияние на уровень удовлетворенности их отношениями, на воспринимаемую ценность партнера. При опросе студентов [39] также было обнаружено, что женщины с избыточным весом реже встречаются с партнерами, чем другие студентки.

Изучение отношения к внешнему облику представлено в работах [22], рассматривающих его влияние на взаимодействие в процессе трудовой деятельности, в процессе становления карьеры. С практической точки зрения сделан принципиальный вывод [48] о том, что в процессе приема на работу необходимо соотносить черты, которые презентует внешний облик, с теми требованиями, которые диктует предполагаемая должность. Особенности работы влияют на взаимосвязи между физической привлекательностью и рейтингом пригодности для той или иной должности. Известно, что людям с привлекательным внешним обликом приписывается больше положительных черт. Данное явление получило название «что красиво, то хорошо», в то же время в определенных ситуациях привлекательность внешнего облика, например, женщин может сыграть негативную роль, если они пыта-

ются предложить свою кандидатуру на должность, которая считается сугубо мужской, или претендуют на работу в мужском коллективе. Внешне привлекательные мужчины имеют преимущества во всех ситуациях, в отличие от непривлекательных мужчин. Если для работы мера привлекательности внешнего облика не является важной, то кандидаты будут иметь невысокий рейтинг. Идея изучения так называемой «темной стороны» привлекательного внешнего облика женщин [50] развивается в направлении исследований стигматизации на рабочем месте, приводящей к формированию недоверия к внешне привлекательным людям, к недооценке их профессиональных достижений, несмотря на успешную деятельность, на отношение к ним как к «экономической ценности».

Исследователи уделяют особое внимание изучению влияния предубеждений на оценку компетентности кандидатов с привлекательным внешним обликом [22]. Это направление в течение последних десятилетий превратилось в современный тренд изучения внешнего облика в контексте взаимодействия «кандидат—работодатель» в процессе исследования дискриминационных практик, в основе которых лежит внешний облик сотрудника. Данное направление рассматривает феномены лукизма и бьютизма на рабочем месте [22; 44; 70]. Изучение лукизма и бьютизма на рабочем месте осуществляется вместе с исследованием сексизма [44; 55]. Результаты исследований указывают на то, что кандидаты на должность имеют различные возможности в зависимости от сочетания гендера, меры физической привлекательности, наличия видимых изменений внешнего облика, а также в зависимости от принадлежности должности к мужскому или женскому типу работы.

Из работ, указанных выше, следует, что изучению внешнего облика в сфере образования, в сфере семейно-брачных, романтических отношений, в контексте трудовой деятельности присущи общие тенденции. Рассматривается главным образом физический компонент внешнего облика, в качестве ведущего фактора изучается гендерный фактор, он используется как база для актуализации лукизма, сексизма, применяется классификация внешнего облика на основе меры его привлекательности, и он наделяется функцией социального, гуманитарного капитала, рассматривается в качестве ресурса. Сравнительное изучение меры влияния привлекательного внешнего облика на различные контексты взаимодействия [22] указывает на то, что увеличение привлекательности внешнего облика сильнее влияет на сферу семейно-брачных, романтических отношений по сравнению с воздействием на карьерные достижения, на приобретение желаемой, высокооплачиваемой работы, на успешность в сфере образования.

Таким образом, изучение инвестиционной силы внешнего облика в зависимости от контекста взаимодействия — это тренд, развивающийся с учетом задач прикладной социальной психологии.

3. Полифакторная детерминация отношения к внешнему облику

Наряду с тенденцией комплексного изучения отношения к внешнему облику, учитывающего взаимодействие ряда факторов [30; 55; 61; 72], продолжается накопление работ, включающих еще один какой-либо фактор, что приводит главным образом к умножению эмпирических данных. Авторы этих и других работ [7; 22; 25], обращаясь к решению проблемы

принятия внешнего облика, к изучению реакций участников взаимодействия на позитивный и негативный комментарий, к рассмотрению меры фрустрации человека отрицательными оценками его внешнего облика, к определению степени обеспокоенности, удовлетворенности им, к изучению самооценок внешнего облика, включают в исследование изучение влияния разнообразных факторов (демографические, социально-психологические, личностные). Исследователи [22; 55; 72] пишут об «инвестиционной силе», «функциональной значимости» внешнего облика и все чаще приходят к выводу о том, что отношение к внешнему облику обусловлено влиянием совокупности социокультурных, социально-психологических, индивидуально-личностных факторов. Учитывая тенденцию построения сложных работ, рассматривающих одновременно в качестве факторов и социокультурные, и половозрастные, и социально-психологические (группы, отличающиеся этническим статусом, сексуальной ориентацией), можно указать на оформление еще одного тренда — это разработка «многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику» [22] с опорой на «ценностный подход к внешнему облику». В процессе развития тренда многофакторной детерминации отношения к внешнему облику в сочетании с ценностным подходом к нему происходит не только интеграция направлений, которые представлены в отечественных и зарубежных работах, но и выстраивается модель взаимосвязей между ними.

В разрабатываемой нами «многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику», в центре которой находится «ценность внешнего облика», реализуется, прежде всего, ценностный подход к внешнему облику, который взаимосвязан с демографическим, с компо-

нентным подходом к феномену отношения к внешнему облику как целостному образованию, с направлением, учитывающим контексты взаимодействия, с трендом изучения влияния внешнего облика на различные стороны жизнедеятельности, с направлением, в котором рассматриваются дискриминационные практики, обусловленные разнообразием внешнего облика, степенью его привлекательности. Основные элементы, компоненты данной «многофакторной модели», взаимосвязи между ними отражают направления изучения отношения к внешнему облику, перечисленные выше. В графическом виде «модель» приводится в наших публикациях [13; 22]. В этой «многофакторной модели» отражено взаимовлияние «ценности внешнего облика» и отношения к нему, представлена совокупность факторов, оказывающих влияние на них. В качестве базовых компонентов «модели», рассматриваемых на теоретическом уровне как факторы влияния на отношение к внешнему облику, выступают социально-демографические факторы, ценность и значимость внешнего облика, сферы жизнедеятельности человека. В свою очередь, отношение к внешнему облику представлено в «модели» самооценками, оценками внешнего облика, обеспокоенностью, удовлетворенностью им, «арреанс» перфекционизмом. В «модели» совокупность факторов, оказывающих влияние на отношение к внешнему облику, детерминирует удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, социальную и психологическую адаптацию. В качестве последствий взаимодействия между перечисленными факторами в «модель» включены лукизм и лукофобия.

На данном этапе наших исследований ставится задача эмпирической проверки «модели» и построения на основе математического анализа «вариативных

эмпирических моделей». Указанная цель развития данного направления определяется, прежде всего, тем, что «многофакторная модель», разработанная на основе направлений, тенденций изучения отношения к внешнему облику (см. 1 и 2 подразделы данной статьи), включает достаточно большое количество компонентов и элементов, сочетание между которыми образует множества. Они, исходя из их совокупности, могут оказывать различное воздействие не только на отношение к внешнему облику, но и на удовлетворенность жизнью, на субъективное благополучие в целом, на ряд специфических феноменов жизнедеятельности, связанных с внешним обликом (лукизм и лукофобия). В качестве примера [22], одна из «эмпирических моделей» — это «модель», которая учитывает влияние базовых факторов отношения к внешнему облику, а именно: ценность, значимость внешнего облика и различные контексты жизнедеятельности человека. В этой «модели» интегральный показатель значимости внешнего облика выступил в качестве главного предиктора таких составляющих отношения к внешнему облику, как удовлетворенность, обеспокоенность им, «арреанс» перфекционизм. «Эмпирическая модель» наглядно демонстрирует, что значимость внешнего облика в различных контекстах, сферах жизнедеятельности по силе своего влияния на составляющие отношения к внешнему облику выстраивается следующим образом: сильное позитивное влияние на обеспокоенность, менее интенсивное негативное влияние на удовлетворенность внешним обликом, еще менее значимое позитивное влияние на выраженность «арреанс» перфекционизма. Исследование, выполненное на базе этого варианта «эмпирической модели», указывает на разнонаправленное влияние значимости, ценности внешнего облика на отношение

к внешнему облику: усиливает беспокойность внешним обликом, повышает выраженность перфекционистского отношения к нему и снижает удовлетворенность внешним обликом во всех контекстах взаимодействия, включенных в данную «эмпирическую модель». Взаимовлияние значимости и беспокойности внешним обликом оказывает воздействие на степень удовлетворенности жизнью, на выраженность лукофобии — страха оценки внешнего облика другими людьми.

Тренд развития психологии внешнего облика, базирующийся на «многофакторной модели изучения отношения к внешнему облику», способствует формированию в отечественной психологии внешнего облика направления, учитывающего особенности бытия человека, рассматривающего место «ценности внешнего облика» в иерархии ценностей россиян, отличающихся совокупностью социально-демографических, социально-психологических, индивидуально-личностных характеристик, придающих значимость внешнему облику в зависимости от контекста взаимодействия.

Заключение

Рассматривая тренды — тенденции, направления развития психологии внешнего облика и ее предметной области отношения к своему и чужому внешнему облику, можно констатировать, что внешний облик трактуется как социокультурное и одновременно природное явление, как социально-психологический феномен. Междисциплинарный статус внешнего облика определяет широкий спектр направлений исследований. В обзорной статье акцент сделан на тех направлениях, тенденциях изучения внешнего облика, которые развиваются, учитывая зада-

чи прикладной социальной психологии. На первое место выдвигаются те работы, в которых рассматривается влияние социокультурных, социально-психологических, личностных факторов на оценки и самооценки внешнего облика, на беспокойность, удовлетворенность им, на преобразовательную активность, направленную на внешний облик. Несмотря на превалирующий в психологии внешнего облика подход, акцентирующий внимание на рассмотрении роли отдельных элементов в восприятии, оценке, самооценке, беспокойности, удовлетворенности внешним обликом, можно назвать те тренды — совокупности направлений и тенденций, которые объединяют многообразные исследования:

Тренд — междисциплинарное изучение физического, экспрессивного, социального компонентов внешнего облика. Интеграция в рамках этого тренда направлений, сформировавшихся в социальных, поведенческих, биомедицинских науках, развитие социокультурного, «страноведческого» подхода. Изучение моделей физического компонента внешнего облика с позиций гендерного подхода, рассмотрение особенностей интернализации этих моделей, исследование феноменов «бодипозитив», «гибкость образа тела».

Тренд, включающий тенденции изучения разнообразия внешнего облика, его отличий от социальной нормы, роли социальных сетей, СМИ в принятии этого разнообразия и отношения к внешнему облику.

Тенденция, направленная на определение интенсивности влияния компонентов внешнего облика на его оценку, сопровождаемую категоризацией людей по критериям пола, возраста, экономического, этнического и социального статусов, личностного типа и т.д.

Тренд в изучении отношения к внешнему облику интегрирует направление, стремящееся к рассмотрению целостного внешнего облика, и тенденцию проведения сравнительных исследований отношения к внешнему облику между гендерно-возрастными группами, между представителями сексуальных и этнических меньшинств.

Тенденция изучения «инвестиционной силы» внешнего облика в различных контекстах взаимодействия, включающая подход к оценкам, самооценкам внешнего облика, удовлетворенности, обеспокоенности им как к явлениям, которые с разной степенью интенсивности обусловлены различными сферами жизнедеятельности.

Тенденция определения влияния отношения к внешнему облику на качество жизни человека, его здоровье, субъективное благополучие, ощущение счастья и в соответствии с этим направлением исследование проблем, порожденных восприятием, оценкой и самооценкой внешнего облика (Body — стигма, Appearance (AP) — стигма, лукизм, лукофобия, сексизм), выявление эффективности «вмешательств», способствующих коррекции этих проблем.

Комплексный системный подход как тренд в исследовании лица человека, его экспрессии, значимости привлекательного лица в решении прикладных задач, в определении воспринимаемого здоровья и счастья, тренд, включающий направление, изучающее «маскирующие» функции экспрессии, ее диагностические возможности в ситуации распознавания личностных особенностей.

Тренд многофакторной детерминации отношения к внешнему облику в сочетании с ценностным подходом к нему. Тренд развития психологии внешнего облика, базирующийся на «многофак-

торной модели изучения отношения к внешнему облику», способствующий формированию в отечественной психологии внешнего облика направления, учитывающего особенности бытия человека, рассматривающего место «ценности внешнего облика» в иерархии ценностей россиян, отличающихся совокупностью социально-демографических, социально-психологических, индивидуально-личностных характеристик, придающих значимость внешнему облику в зависимости от контекста взаимодействия.

Понятно, что у каждого из перечисленных трендов, направлений развития психологии внешнего облика есть свои конкретные достижения, своя «рамка» изучения отношения к внешнему облику. К этим ограничениям можно отнести выделение определенного компонента внешнего облика в качестве предмета изучения (физический, социальный, экспрессивный). В соответствии с каждым из компонентов внешнего облика рассматриваются восприятие, оценка, самооценка, удовлетворенность и обеспокоенность внешним обликом. Другим ограничением является исследование компонентов внешнего облика в различных ситуациях и контекстах взаимодействия, в различных сферах жизнедеятельности человека, что способствует дифференцированной оценке функциональной значимости внешнего облика и вместе с этим затрудняет обобщение данных. Полагаю, что, учитывая эти ограничения, исследователи переходят к изучению влияния оценок и самооценок внешнего облика, удовлетворенности, обеспокоенности на интегральные показатели жизни человека, например, на субъективное благополучие, меру удовлетворенности жизнью, счастья/несчастья.

Следующей «рамкой» в развитии направлений является то, что практически невозможно в одном исследовании рассмотреть влияние комплекса факторов (гендерного, возрастного, экономического, образовательного, социально-психологического, личностного) на самооценку, оценки внешнего облика, на удовлетворенность и обеспокоенность им, на перфекционистское отношение, включая в исследование различные компоненты внешнего облика и многообразные сферы бытия человека. Несмотря на указанные выше ограничения в изучении отношения к внешнему облику, необходимо отметить стремление исследователей к интеграции перечисленных направлений, к формированию трендов.

Во введении к обзорной статье указывалось на то, что еще одной задачей является поиск ответов на ряд вопросов. В заключение можно утвердительно ответить на них. Действительно, неудовлетворенность, обеспокоенность внешним обликом являются теми компонентами отношения к нему, которые охватывают различные возрастные группы (подростков, молодых, взрослых), выступают в роли своеобразной «социально-психологической эпидемии», распространяющейся в российском обществе. Множеством исследований доказано, что оценка привлекательности внешнего облика, детерминированная комплексом факторов, обуславливает меру субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью. Работы, посвященные изучению «инвестиционной силы» внешнего облика, позволяют утверждать, что влияние внешнего облика изменяется в зависимости от ситуации взаимодействия.

В целом отечественные исследования, выполненные в области психологии

внешнего облика, следуют тем трендам, тенденциям, которые сложились в мировой психологии.

С практической точки зрения обзорная статья способствует выявлению в процессе деятельности специалистов, работающих в различных областях прикладной социальной психологии, проблем человека, порожденных восприятием, оценкой внешнего облика. Знание об этих проблемах поможет специалистам, работающим в сфере подбора кадров, организующим рабочие команды, осуществляющим консультации в области социальной психологии здоровья, образования, семейно-брачных, межличностных отношений. Понимание консультантами причин лукизма, сексизма снижает интенсивность проявления этих дискриминационных практик.

Перспективным, на наш взгляд, является анализ работ, представляющих результаты, полученные на пересечении психологии здоровья и социальной психологии внешнего облика, зафиксированные в процессе совместного изучения психологами, педагогами, психиатрами буллинга, «клеяния» на основе разнообразия внешнего облика и его последствий для взаимодействия в образовательной среде, в семейно-брачных и других отношениях. Нуждается в проработке вопрос, касающийся совмещения дискриминационных практик (сексизм, эйджизм, бютизм), пусковым механизмом которых выступает изменчивость и разнообразие внешнего облика. В качестве перспективного направления изучения отношения к внешнему облику должен стать анализ исследований, рассматривающих меру толерантности/интолерантности различных социальных групп к особенностям внешнего облика и поведенческие последствия отношения к иному, другому внешнему облику человека.

Литература

1. *Артемова Н.Г., Костригин А.А.* Особенности восприятия психологических характеристик человека по его внешнему облику // Человек. Искусство. Вселенная. 2019. № 1. С. 14–29.
2. *Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004. 480 с.
3. *Барабанщиков В.А.* Экспрессии лица и их восприятие. М.: «Институт психологии РАН», 2012. 352 с.
4. *Барабанщиков В.А., Королькова О.А.* Восприятие экспрессий «живого» лица // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 3. С. 55–73. DOI:10.17759/exppsy.2020130305
5. *Бодаев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 200 с.
6. *Буракова М.В.* Интерпретация маскулинности-фемининности внешнего облика женщины (на примере прически): дисс. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2000. 19 с.
7. *Ерохина Е.А., Филиппова Е.В.* Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 57–68. DOI:10.17759/jmfp.2019080406
8. Журнал «Теория моды: одежда, тело, культура» [Электронный ресурс]. М.: Новое литературное обозрение, 2006-2021. URL: https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=33688 (дата обращения: 21.06.2021)
9. *Иванова Л.А., Владимиров Д.Д.* Татуировка. Психологический анализ // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 2. С. 88–102. DOI:10.17805/ggz.2020.2.6
10. *Каминская Н.А., Айламазян А.М.* Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах // Национальный психологический журнал. 2015. Т. 3. С. 45–55. DOI:10.11621/nprj.2015.0305
11. *Килошенко М.И.* Психология моды. Учебное пособие. СПб.: ООО Изд-во «Питер», 2014. 560 с.
12. *Корнилова Т.В.* Основные тренды в развитии методов психологических исследований // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 42–46.
13. *Лабунская В.А., Сериков Г.В.* Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91–103. DOI:10.17759/sps.2018090310
14. *Ланцбург М.Е.* Родительство в современном мире – новые тренды // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 62–66. DOI:10.17759/jmfp.2016050208
15. Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр, 2020. 430 с.
16. Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2014. 694 с.
17. Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2016. 430 с.
18. Лицо человека как средство общения [Электронный ресурс] / Под ред. Барабанщикова В.А., Демидова А.А., Дивеева Д.А. М.: Когито-Центр, 2012. 348 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21555709&selid=38192423> (дата обращения: 23.01.2021)
19. Лицо человека: познание, общение, деятельность [Электронный ресурс] / Под ред. К.И. Ананьевой, В.А. Барабанщикова, А.А. Демидова. М.: Московский институт психоанализа, 2019. 568 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41491689> (дата обращения: 23.01.2021)
20. *Павлова Н.В., Филиппова Е.В.* Взаимосвязь пищевого поведения и формирования образа тела у детей и подростков в контексте детско-родительских отношений [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 32–44. DOI:10.17759/jmfp.2020090403

21. *Сестры Сорины*. Истоки имиджа или одежда женщины в азбуке общения. М.: Гном и Д, 2012. 192 с.
22. Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Коллективная монография / Под науч. редакцией проф. В.А. Лабунской, доц. Г.В. Серикова, доц. Т.А. Шкурко. Ростов-на-Дону: Изд-во Мини-Тайп, 2019. 445 с.
23. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103
24. *Хорошилов Д.А.* Психология социального познания в зеркалах «когнитивных революций» // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 4. С. 55–71. DOI:10.17759/sps.2017080405
25. *Шалыгина О.В., Холмогорова А.Б.* «Телодцентрированность» современной культуры и ее последствия для психического здоровья детей, подростков и молодежи // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4(88). С. 36–68.
26. *Allen M.S., Walter E.E.* Personality and body image: A systematic review // *Body Image*. 2016. Vol. 19, Dec. P. 79–88. DOI:10.1016/j.bodyim.2016.08.012
27. *Alleva J.M., Tylka T.L.* Body functionality: A review of the literature // *Body Image*. 2021. Vol. 36. P. 149–171. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.11.006
28. *Austen E., Greenaway K.H., Griffiths S.* Differences in weight stigma between gay, bisexual, and heterosexual men // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 30–40. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.08.002
29. *Blake K.R., Brooks R., Arthur L.C., Denson T.F.* In the context of romantic attraction, beautification can increase assertiveness in women // *PLoS ONE*. 2020. March. DOI:10.1371/journal.pone.0229162
30. *Body image: psychological predictors, social influences and gender differences* / In. Doiron A. (eds). New York: Publ. Nova Science, 2020. 202 p.
31. *Bokek-Cohen Ya'arit, Davidowitz N.* Beauty in the Classroom: Are Students Influenced by Professors' Appearance? [Электронный ресурс] // The Lookstein Center Bar Ilan University. <https://www.lookstein.org/blog/journal/beauty-classroom-students-influenced-professors-appearance> (дата обращения: 06.11.2020).
32. *Carels R.A., Mille J.C., Hlavka R. et al.* Associations between husbands' weight bias and related concerns and husbands' and wives' psychological and relationship outcomes // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 11–21. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.07.008
33. *Curl S.L., Brown P.M.* Weight stigma and psychological distress: A moderated mediation model of social identification and internalised bias // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 207–216. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.006
34. *Daniels E.A., Zurbriggen L., Ward L.M.* Becoming an object: A review of self-objectification in girls // *Body Image*. 2020. Vol. 33. P. 278–299. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.02.016
35. *Di Domenico S.I., Quinsol M.N., Fournier M.A.* Ratings of Conscientiousness from Physical Appearance Predict Undergraduate Academic Performance // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2015. Dec. Vol. 39. Issue 4. P. 339–353. DOI:10.1007/s10919-015-0213-9
36. *Dijk C., Fischer A.H., Morina N. et al.* Effects of Social Anxiety on Emotional Mimicry and Contagion: Feeling Negative, but Smiling Politely // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2018. Vol. 42. P. 81–99. DOI:10.1177/2041669520958033
37. *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance* / eds. by Cash T. Academic Press, 2012. 938 p. DOI:10.1016/C2010-1-66177-9
38. *Flykt A., Hörlin T., Linder F. et al.* Exploring Emotion Recognition and the Understanding of Others' Unspoken Thoughts and Feelings when Narrating Self – Experienced Emotional Events // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2021. Vol. 45. P. 67–81. DOI:10.1007/s10919-020-00340-4
39. *Gonzalez T.A., Burrissobert P.R., Weidmann R. et al.* Committing to a romantic partner: Does attractiveness matter? A dyadic approach // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 176, July. P. 10765. DOI:10.1016/j.paid.2021.110765

40. Gordon C.S., Rodgers R.F., Slater A.E. et al. A cluster randomized controlled trial of the SoMe social media literacy body image and wellbeing program for adolescent boys and girls: Study protocol // *Body Image*. 2020. Vol. 33. P. 27–37. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.02.003
41. Gordon R.A., Crosnoe R., Wang Xue. Physical attractiveness and the accumulation of social and human capital in adolescence and young adulthood: assets and distractions // *Monogr. Soc. Res. Child Dev.* 2013. Dec. Vol. 78(6). P. 1–137. DOI:10.1002/mono.12060
42. Guests E., Costa B., Williamson H., Meyrick J. et al. The effectiveness of interventions aiming to promote positive body image in adults: A systematic review // *Body Image*. 2019. Vol. 30. P. 10–25. DOI:10.1016/j.bodyim.2019.04.002
43. Hall J.A., Horgan T.G., Murphy N.A. Nonverbal Communication // *Annu Rev. Psychol.* 2019. Jan. Vol. 4;70. P. 271–294. DOI:10.1146/annurev-psych-010418-103145
44. Heather R.J. If You Are Attractive and You Know It, Please Apply: Appearance-Based Discrimination and Employers' [Электронный ресурс] // *Discretion*, 200842 Val. U. L. Rev. 629. URL: <https://scholar.valpo.edu/vulvr/vol42/iss2/6> (дата обращения 29.01.2021)
45. Jewett L.R., Gumuchian S.T., Thombs B.D. Factors associated with negative observer responses towards individuals with visible differences: A scoping review // *Body Image*. 2018. Vol. 25. P. 103–132. DOI:10.1016/j.bodyim.2018.02.007
46. Jones A.L., Batres C., Porcheron A. et al. Positive facial affect looks healthy // *Visual Cognition*. 2018. Vol. 26. Issue 1. P. 1–12. DOI:10.1080/13506285.2017.1369202
47. Kraus M.W., Chen T.-W.D. A winning smile? Smile intensity, physical dominance, and fighter performance // *Emotion*. 2013. Vol. 13(2). P. 270–279. DOI:10.1037/a0030745
48. Lowman G.H. The Influence of Job Candidates' Physical Appearance on Interview Evaluations. A Prototype Matching Model // *J. of Personnel Psychology*. 2019. Vol. 18. P. 55–70. DOI:10.1027/1866-5888/a000223
49. Malloy T.E., Di Pietro C., De Simone B. et al. Facial attractiveness, social status, and face recognition // *Visual Cognition*. 2021. Vol. 29. Issue 3. P. 158–179. DOI:10.1080/13506285.2021.1884630
50. Marson St.M., Hessmiller J.M. The Dark Side of Being Pretty // *J. of Sociology and Social Work*. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 58–67. DOI:10.15640/jssw.v4n1a8
51. McComb S.E., Mills J.S. A systematic review on the effects of media disclaimers on young women's body image and mood // *Body Image*. 2020 Vol. 32. P. 34–52. DOI:10.1016/j.bodyim.2019.10.010
52. McNulty J.K., Neff L.A., Karney B.R. Beyond initial attraction: physical attractiveness in newlywed marriage // *J. Fam Psychol.* 2008. Feb. Vol. 22(1). P. 135-143. DOI:10.1037/0893-3200.22.1.135
53. Noser A., Zeigler-Hill V. Investing in the ideal: Does objectified body consciousness mediate the association between appearance contingent self-worth and appearance self-esteem in women? // *Body Image*. 2014. Vol. 11. Issue 2. March. P. 119–125. DOI:10.1016/j.bodyim.2013.11.006
54. Olson K.L., Lillis J., Panza E. et al. Body shape concerns across racial and ethnic groups among adults in the United States: More similarities than differences // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 108–113. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.08.013
55. Oxford Handbook of the Psychology of Appearance / eds. by Rumsey N., Harcourt D. New York: Publ. Oxford University Press, 2014. 717 p. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199580521.001.0001
56. Pietrabissa G., Gullo S., Aimé A., Mellor D. et al. Measuring perfectionism, impulsivity, self-esteem and social anxiety: Cross-national study in emerging adults from eight countries // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 265–278. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.012
57. Plusquellec P., Denault V. The 1000 Most Cited Papers on Visible Nonverbal Behavior: A Bibliometric Analysis // *J Nonverbal Behavior*. 2018. Vol. 42. P. 347–377. DOI:10.1007/s10919-018-0280-9
58. Rachel F.R., Fuller-Tyszkiewicz M., Markey Ch. et al. Psychometric properties of measures of sociocultural influence and internalization of appearance ideals across eight countries // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 300–315. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.016

59. Rogers C.B., Webb J.B., Jafari N.A. Systematic review of the roles of body image flexibility as correlate, moderator, mediator, and in intervention science (2011–2018) // *Body Image*. 2018. Vol. 27. P. 43–60. DOI:10.1016/j.bodyim.2018.08.003
60. Shah S. Impact of physical appearance of teachers on students learning environment. Munich: Publ. GRIN Verlag, 2012. URL: <https://www.grin.com/document/195870> (дата обращения: 06.11.2020).
61. Sicilia A., Fuller-Tyszkiewicz M., Rodgers R.F. et al. Cross-Country Measurement Invariance and Effects of Sociodemographic Factors on Body Weight and Shape Concern-Related Constructs in Eight Countries // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 288–299. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.015
62. Stevens A., Griffiths S. Body Positivity (BoPo) in everyday life: An ecological momentary assessment study showing potential benefits to individuals' body image and emotional wellbeing // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 181–191. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.003
63. Sundgot-Borgen C., Stenling A., Rosenvinge J.H. et al. The Norwegian healthy body image intervention promotes positive embodiment through improved self-esteem // *Body Image*. 2020. Vol. 35. P. 84–95. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.08.014
64. Talamas S.N., Mavor K.I., Perrett D.I. Blinded by Beauty: Attractiveness Bias and Accurate Perceptions of Academic Performance // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11(2). P. e0148284. DOI:10.1371/journal.pone.0148284
65. The Centre for Appearance Research (CAR) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uwe.ac.uk/research/centres-and-groups/appearance> (дата обращения: 23.04.2021).
66. Tiggemann M. Sociocultural Perspectives on Body Image // *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance* / ed. By Cash T. Academic Press, 2012. P. 758–765.
67. Trekels J., Eggermont S. Beauty is Good: The Appearance Culture, the Internalization of Appearance Ideals, and Dysfunctional Appearance Beliefs Among Tweens // *Human Communication Researc*. 2017. Vol. 43. Issue 2. P. 173–192. DOI:10.1111/hcre.12100
68. Tummon H.M., Allen J., Bindemann M. Body Language Influences on Facial Identification at Passport Control: An Exploration in Virtual Reality // *Iperception* (jour.). 2020. Oct. Vol. 18. 11(5). P. 2041669520958033.
69. Tylka T.L. Refinement of the tripartite influence model formen: Dual body image pathways to body change behaviors // *Body Image*. 2011. Vol. 8. Issue 3, P. 199–207. DOI:10.1016/j.bodyim.2011.04.008
70. Warhurst C., van den Broek D., Hall R., Nickson D. Lookism: The New Frontier of Employment Discrimination // *J. of Industrial Relations*. 2009. Vol. 51(1). P. 131–136. DOI:10.1177/0022185608096808
71. Webb J.B., Wood-Barcalow N.L., Tylka T.L. Assessing positive body image: Contemporary approaches and future directions // *Body Image*. 2015. Vol. 14. P. 130–145. DOI:10.1016/j.bodyim.2015.03.010
72. Webb H.J., Zimmer-Gembeck M.J., Waters A.M. et al. «Pretty pressure» from peers, parents, and the media: a longitudinal study of appearance-based rejection sensitivity // *J. of Research on Adolescence*. 2017. Vol. 27(4). P. 718–735. DOI:10.1111/jora.12310
73. Zebrowitz L.A., Montepare J.M. Social Psychological Face Perception: Why Appearance Matters // *Soc Personal Psychol. Compass*. 2008. May 1. Vol. 2. Issue 3. P. 1497–1517. DOI:10.1111/j.1751-9004.2008.00109.x

References

1. Artemtseva N.G., Kostigrin A.A. Osobennosti vospriyatiya psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka po ego vneshnemu obliku [Features of perception of psychological characteristics of a person by his appearance]. *Chelovek. Iskusstvo. Vseennaya = Man. art. Universe*, 2019, no 1, pp. 14–29. (In Russ.).

2. Barabanshchikov V.A., Nosulenko V.N. Sistemnost'. Vospriyatie. Obshchenie [Consistency. Perception. Communication]. Moscow: Publ. Institute Psychology RAS, 2004. 480 p. (In Russ.).
3. Barabanshchikov V.A. Ekspressii litsa i ikh vospriyatie [Facial expressions and perceptions]. Moscow: Publ. Institute Psychology RAS, 2012. 352 p. (In Russ.).
4. Barabanshchikov V.A., Korol'kova O.A. Vospriyatie ekspressii «zhivogo» litsa [Perception of "Live" Facial Expressions]. *Ekspperimental'na psihologi = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 3, pp. 55–73. DOI:10.17759/exppsy.2020130305 (In Russ.).
5. Bodalev A.A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of a person by man]. Moscow: publ. MSU, 1982. 200 p. (In Russ.).
6. Burakova M.V. Interpretatsiya maskulinnosti-femininnosti vneshnego oblika zhenshchiny (na primere pricheski) [Interpretation of masculinity-femininity of the appearance of a woman (on the example of hairstyles)]. Avtopof. diss. kand. psikhol. nauk. [PhD (Psychology) Thesis]. Rostov-na-Donu: Publ. RSU, 2000. 19 p. (In Russ.).
7. Erokhina E.A., Filippova E.V. Obraz tela i otnoshenie k svoemu telu u podrostkov: semeinyei i sotsio-kul'turnye faktory vliyaniya (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [Elektronnyi resurs] [Body image and attitude to the body in adolescents: family and sociocultural influences (according to the materials of foreign studies)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2019. Vol. 8, no 4, pp. 57–68. DOI:10.17759/jmfp.2019080406 (In Russ.).
8. Zhurnal «Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura» [Elektronnyi resurs] [Journal «Fashion Theory: Clothing, Body, Culture»]. Moscow: Publ. New Literary Review, 2006–2021. URL: https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=33688 (Accessed 21.06.2021). (In Russ.).
9. Ivanova L.A., Vladimirova D.D. Tatuirovka. Psikhologicheskii analiz [Tattoo. Psychological Analysis]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2020, no 2, pp. 88–102. DOI:10.17805/ggz.2020.2.6 (In Russ.).
10. Kaminskaya N.A., Ailamazyan A.M. Issledovaniya obraza fizicheskogo «Ya» v razlichnykh psikhologicheskikh shkolakh [Studies of the image of the physical "I" in various psychological schools]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2015. Vol. 3, pp. 45–55. DOI:10.11621/npj.2015.0305 (In Russ.).
11. Kiloshenko M.I. Psikhologiya mody. Uchebnoe posobie [The psychology of fashion. Tutorial]. Saint Petersburg: «Piter» publ., 2014. 560 p. (In Russ.).
12. Kornilova T.V. Osnovnye trendy v razvitiy metodov psikhologicheskikh issledovaniy [Major trends in the development of psychological research methods]. *Ekspperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy = Experimental psychology in Russia: traditions and perspective*. Moscow: Publ. Institute Psychology RAS, 2010, pp. 42–46. (In Russ.).
13. Labunskaya V.A., Serikov G.V. Teoreticheskie osnovy i metodicheskie podkhody k izucheniyu fenomena «tsennost' vneshnego oblika» [Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon the «Value of appearance»]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 91–103. DOI:10.17759/sps.2018090310 (In Russ.).
14. Lantsburg M.E. Roditel'stvo v sovremennom mire – novye trend [Elektronnyi resurs] [Parenting in today's world – new trends]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 62–66. DOI:10.17759/jmfp.2016050208 (In Russ.).
15. Litso cheloveka v kontekstakh prirody, tekhnologii i kul'tury [The face of man in the contexts of nature, technology and culture]. In Ananyeva K.I., Barabanshchikov V.A. (eds.). Moscow: Publ. Kogito-Center, 2020. 430 p. (In Russ.).
16. Litso cheloveka v nauke, iskusstve i praktike [The face of man in science, art and practice]. In Ananyeva K.I., Barabanshchikov V.A., Demidov A.A. (eds.). Moscow: Publ. Kogito-Center, 2014. 694 p. (In Russ.).
17. Litso cheloveka v prostranstve obshcheniya [A person's face in the space of communication]. In Ananyeva K.I., Barabanshchikov V.A., Demidov A.A. (eds.). Moscow: Publ. Moscow Institute of Psychoanalysis, Kogito-Center, 2016. 430 p. (In Russ.).

18. Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya [Elektronnyi resurs] [A person's face as a means of communication]. In Barabanshchikov V.A., Demidov A.A., Diveev D.A. (eds). Moscow: Publ. Kogito-Center, 2012. 348 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21555709&selid=38192423> (Accessed: 23.01.2021). ((In Russ.).
19. Litso cheloveka: poznanie, obshchenie, deyatel'nost' [Elektronnyi resurs] [Human face: cognition, communication, activity]. In Ananyeva K.I., Barabanshchikov V.A., Demidov A.A. (eds). Moscow: Publ. Institute of Psychoanalysis, 2019. 568 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41491689> (Accessed: 23.01.2021). (In Russ.).
20. Pavlova N.V., Filippova E.V. Vzaimosvyaz' pishchevogo povedeniya i formirovaniya obraza tela u detei i podrostkov v kontekste detsko-roditel'skikh otnoshenii [Elektronnyi resurs] [The relationship of eating behavior and body image formation in children and adolescents in the context of child-parent relations]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*. 2020. Vol. 9, no 4, pp. 32–44. DOI:10.17759/jmfp.2020090403 (In Russ.).
21. Sestry Soriny Istoki imidzha ili odezhda zhenshchiny v azbuke obshcheniya [The origins of a woman's image or clothing in the alphabet of communication]. Moscow: Publ. Gnom and D, 2012. 192 p. (In Russ.).
22. Sotsial'naya psikhologiya vneshnego oblika: teoreticheskie podkhody i empiricheskie issledovaniya. Kollektivnaya monografiya [Social Psychology of Appearance: Theoretical Approaches and Empirical Research. Collective Monograph]. In Labunskaya V.A., Serikov G.V., Shkurko T.A. (eds). Rostov on Don: publ. Mini-Tajp, 2019. 445 p. (In Russ.).
23. Tolstykh N.N. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya: integratsiya idei L.S. Vygotskogo i A.V. Petrovskogo [Social Psychology of Development: Integration of ideas of L.S. Vygotsky and A.V. Petrovsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no 1, pp. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103 (In Russ.).
24. Khoroshilov D.A. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya v zerkalakh «kognitivnykh revolyutsii» [Psychology of social cognition in the mirrors of "cognitive revolutions"]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2017. Vol. 8, no 4, pp. 55–71. DOI:10.17759/sps.2017080405 (In Russ.).
25. Shalygina O.V., Kholmogorova A.B. «Telotsentrirovannost'» sovremennoi kul'tury i ee posledstviya dlya psikhicheskogo zdorov'ya detei, podrostkov i molodeyii [The body-centeredness" of modern culture and its implications for the mental health of children, adolescents and young people]. *Konsul'tativnaya psihologiya I psihoterapiya = Advisory Psychology and Psychotherapy*, 2015, no 4(88), pp. 36–68. (In Russ.).
26. Allen M., Walter E.E. Personality and body image: A systematic review. *Body Image*, 2016. Vol. 19, Dec., pp. 79–88.
27. Alleva J.M., Tylka T.L. Body functionality: A review of the literature. *Body Image*, 2021. Vol. 36, pp. 149–171. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.11.006
28. Austen E., Greenaway K.H., Griffiths S. Differences in weight stigma between gay, bisexual, and heterosexual men. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 30–40. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.08.002
29. Bale C., Archer J. Self-perceived attractiveness, romantic desirability and self-esteem: a mating sociometer perspective. *Evol Psychol.*, 2013, Jan 26. Vol. 11(1), pp. 68–84.
30. Body image: psychological predictors, social influences and gender differences. In Doiron A. (eds). New York: Nova Science, 2020. 202 p.
31. Bokek-Cohen Ya'arit, Davidowitz N. Beauty in the Classroom: Are Students Influenced by Professors' Appearance? [Elektronnyi resurs]. *The Lookstein Center Bar Ilan University*. URL: <https://www.lookstein.org/blog/journal/beauty-classroom-students-influenced-professors-appearance> (Accessed 06.11.2020).
32. Carels R.A., Mille J.C., Hlavka R. *et al.* Associations between husbands' weight bias and related concerns and husbands' and wives' psychological and relationship outcomes. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 11–21. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.07.008

33. Curll S.L., Brown P.M. Weight stigma and psychological distress: A moderated mediation model of social identification and internalised bias. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 207–216. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.006
34. Daniels E.A., Zurbriggen L., Ward L.M. Becoming an object: A review of self-objectification in girls. *Body Image*, 2020. Vol. 33, pp. 278–299. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.02.016
35. Di Domenico S.I., Quitalol M.N., Fournier M.A. Ratings of Conscientiousness from Physical Appearance Predict Undergraduate Academic Performance. *Journal of Nonverbal Behavior*, 2015. Dec. Vol. 39. Issue 4, pp. 339–353. DOI:10.1007/s10919-015-0213-9
36. Dijk C., Fischer A.H., Morina N. et al. Effects of Social Anxiety on Emotional Mimicry and Contagion: Feeling Negative, but Smiling Politely. *Journal Nonverbal Behavior*, 2018. Vol. 42, pp. 81–99. DOI:10.1177/2041669520958033
37. Encyclopedia of Body Image and Human Appearance. In Cash T. (eds). Academic Press, 2012. 938 p. DOI:10.1016/C2010-1-66177-9
38. Flykt A., Hörlin T., Linder F. et al. Exploring Emotion Recognition and the Understanding of Others' Unspoken Thoughts and Feelings when Narrating Self – Experienced Emotional Events. *Journal Nonverbal Behavior*, 2021. Vol. 45, pp. 67–81. DOI:10.1007/s10919-020-00340-4
39. Gonzalez T.A., Burrissobert P.R., Weidmann R. et. al. Committing to a romantic partner: Does attractiveness matter? A dyadic approach. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 176, July, p. 10765. DOI:10.1016/j.paid.2021.110765
40. Gordon C.S., Rodgers R.F., Slater A. et. al. A cluster randomized controlled trial of the SoMe social media literacy body image and wellbeing program for adolescent boys and girls: Study protocol. *Body Image*, 2020. Vol. 33, pp. 27–37. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.02.003
41. Gordon R.A., Crosnoe R., Wang Xue. Physical attractiveness and the accumulation of social and human capital in adolescence and young adulthood: assets and distractions. *Monogr Soc Res Child Dev.*, 2013. Dec. Vol. 78(6), pp. 1–137. DOI:10.1002/mono.12060
42. Guests E., Costa B., Williamson H., Meyrick J. et. al. The effectiveness of interventions aiming to promote positive body image in adults: A systematic review. *Body Image*, 2019. Vol. 30, pp. 10–25. DOI:10.1016/j.bodyim.2019.04.002
43. Hall J.A., Horgan T.G., Murphy N.A. Nonverbal Communication. *Annu Rev. Psychol*, 2019. Jan. Vol. 4;70, pp. 271–294. DOI:10.1146/annurev-psych-010418-103145
44. Heather R.J. If You Are Attractive and You Know It, Please Apply: Appearance-Based Discrimination and Employers'. *Discretion*, 200842 Val. U. L. Rev. 629. URL: <https://scholar.valpo.edu/vulr/vol42/iss2/6> (Accessed 29.01.2021).
45. Jewett L.R., Gumuchian S.T., Thombs B.D. Factors associated with negative observer responses towards individuals with visible differences: A scoping review. *Body Image*, 2018. Vol. 25, pp.103–132. DOI:10.1016/j.bodyim.2018.02.007
46. Jones A.L., Batres C., Porcheron A. et al. Positive facial affect looks healthy. *Visual Cognition*, 2018. Vol. 26. Issue 1, pp. 1–12. DOI:10.1080/13506285.2017.1369202
47. Kraus M.W., Chen T.-W.D. A winning smile? Smile intensity, physical dominance, and fighter performance. *Emotion*, 2013. Vol. 13(2), pp. 270–279. DOI:10.1037/a0030745": 10.1037/a0030745
48. Lowman G.H. The Influence of Job Candidates' Physical Appearance on Interview Evaluations. A Prototype Matching Model. *Journal of Personnel Psychology*, 2019. Vol. 18, pp. 55–70. DOI:10.1027/1866-5888/a000223
49. Malloy T.E., Di Pietro C., De Simone B. et. al. Facial attractiveness, social status, and face recognition. *Visual Cognition*, 2021. Vol. 29. Issue 3, pp. 158–179. DOI:10.1080/13506285.2021.1884630
50. Marson St.M., Hessmiller J.M. The Dark Side of Being Pretty. *Journal of Sociology and Social Work*, 2016. Vol. 4, no. 1, pp. 58–67. DOI:10.15640/jssw.v4n1a8
51. McComb S.E., Mills J.S. A systematic review on the effects of media disclaimers on young women's body image and mood. *Body Image*, 2020 Vol. 32, pp. 34–52. DOI:10.1016/j.bodyim.2019.10.010

52. McNulty J.K., Neff L.A., Karney B.R. Beyond initial attraction: physical attractiveness in newlywed marriage. *Journal Fam Psychol.*, 2008. Vol. 22(1), pp. 135–143. DOI:10.1037/0893-3200.22.1.135
53. Noser A., Zeigler-Hill V. Investing in the ideal: Does objectified body consciousness mediate the association between appearance contingent self-worth and appearance self-esteem in women? *Body Image*, 2014. Vol. 11. Issue 2. March, pp. 119–125. DOI:10.1016/j.bodyim.2013.11.006
54. Olson K.L., Lillis J., Panza E. et al. Body shape concerns across racial and ethnic groups among adults in the United States: More similarities than differences. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 108–113. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.08.013
55. Oxford Handbook of the Psychology of Appearance. In Rumsey N., Harcourt D. (eds). New York, NY, US: Oxford University Press, 2014. 717 p. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199580521.001.0001
56. Pietrabissa G., Gullo S., Aimé A., Mellor D. et al. Measuring perfectionism, impulsivity, self-esteem and social anxiety: Cross-national study in emerging adults from eight countries. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 265–278.
57. Plusquellec P., Denault V. The 1000 Most Cited Papers on Visible Nonverbal Behavior: A Bibliometric Analysis. *Journal of Nonverbal Behavior*, 2018. Vol. 42, pp. 347–377. DOI:10.1007/s10919-018-0280-9
58. Rachel F.R., Tyszkiewicz M., Markey Ch. et al. Psychometric properties of measures of sociocultural influence and internalization of appearance ideals across eight countries. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 300–315. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.016
59. Rogers C.B., Webb J.B., Jafari N. A systematic review of the roles of body image flexibility as correlate, moderator, mediator, and in intervention science (2011-2018). *Body Image*, 2018. Vol. 27, pp. 43–60. DOI:10.1016/j.bodyim.2018.08.003
60. Shah S. Impact of physical appearance of teachers on students learning environment [Elektronnyi resurs]. Munich: PubliGRINVerlag, 2012. URL: <https://www.grin.com/document/195870> (Accessed 06.11.2020).
61. Sicilia A., Fuller-Tyszkiewicz M., Rodgers R.F. et al. Cross-Country Measurement Invariance and Effects of Sociodemographic Factors on Body Weight and Shape Concern-Related Constructs in Eight Countries. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 288–299. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.015
62. Stevens A., Griffiths S. Body Positivity (BoPo) in everyday life: An ecological momentary assessment study showing potential benefits to individuals' body image and emotional wellbeing. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 181–191. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.09.003
63. Sundgot-Borgen C., Stenling A., Rosenvinge J.H. et al. The Norwegian healthy body image intervention promotes positive embodiment through improved self-esteem. *Body Image*, 2020. Vol. 35, pp. 84–95. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.08.014
64. Talamas S.N., Mavor K.I., Perrett D.I. Blinded by Beauty: Attractiveness Bias and Accurate Perceptions of Academic Performance. *PLoS ONE*, 2016. Vol. 11(2), p. e0148284. DOI:10.1371/journal.pone.0148284
65. The Centre for Appearance Research (CAR) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.uwe.ac.uk/research/centres-and-groups/appearance> (Accessed 23.04.2021).
66. Tiggemann M. Sociocultural Perspectives on Body Image. In Cash T. (eds). *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance*. Academic Press, 2012, pp. 758–765.
67. Trekels J., Eggermont S. Beauty is Good: The Appearance Culture, the Internalization of Appearance Ideals, and Dysfunctional Appearance Beliefs Among Tweens. *Human Communication Researc*, 2017. Vol. 43. Issue 2, pp. 173–192. DOI:10.1111/hcre.12100
68. Tummon H.M., Allen J., Bindemann M. Body Language Influences on Facial Identification at Passport Control: An Exploration in Virtual Realit. *Iperception (Journal)*, 2020. Oct. Vol. 18. 11(5):2041669520958033

69. Tylka T.L. Refinement of the tripartite influence model formen: Dual body image pathways to body change behaviors. *Body Image*, 2011. Vol. 8, Issue 3, pp. 199–207. DOI:10.1016/j.bodyim.2011.04.008
70. Warhurst C., van den Broek D., Hall R., Nickson D. Lookism: The New Frontier of Employment Discrimination. *Journal of Industrial Relations*, 2009. Vol. 51(1), pp.131–136. DOI:10.1177/0022185608096808
71. Webb J.B., Wood-Barcalow N.L., Tylka T.L. Assessing positive body image: Contemporary approaches and future directions. *Body Image*, 2015. Vol. 14, pp. 130–145. DOI:10.1016/j.bodyim.2015.03.010
72. Webb H.J., Zimmer-Gembeck M.J., Waters A.M. et al. «Pretty pressure» from peers, parents, and the media: a longitudinal study of appearance-based rejection sensitivity. *Journal of Research on Adolescence*, 2017. Vol. 27(4), pp. 718–735. DOI:10.1111/jora.12310
73. Zebrowitz L.A., Montepare J.M. Social Psychological Face Perception: Why Appearance Matters. *Soc Personal Psychol. Compass*, 2008. May 1. Vol. 2, Issue 3, pp. 1497–1517. DOI:10.1111/j.1751-9004.2008.00109.x

Информация об авторах

Лабунская Вера Александровна, доктор психологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-8773>, e-mail: vlab@aanet.ru

Information about the authors

Vera A. Labunskaya, Doctor of Psychology, Professor, Southern Federal University (SFEDU), Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-8773>, e-mail: vlab@aanet.ru

Получена 14.04.2021

Received 14.04.2021

Принята в печать 27.07.2021

Accepted 27.07.2021

Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта»

Радина Н.К.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского» (Университет Лобачевского, ННГУ),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru**

Поршнев А.В.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru**

Цель. На материале рассказов о столкновении с трудностями в детском и взрослом возрасте идентифицировать и охарактеризовать специфику нарративных стратегий при описании выбора сопротивления или подчинения.

Контекст и актуальность. В социальной психологии подчинение относится к классическим проблемам (эксперименты С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, С. Московичи и др.). В качестве форм подчинения выделяют внушаемость, конформность, уступчивость, подчинение авторитету, которой проявляются в подчинении внутренним императивам; субъектам, наделенным властью; малой группе; а также ситуации. Наряду с конформностью как личностной характеристикой изучают подчинение, построенное на принятии роли и регуляции ролевого поведения. Ролевая детерминация подчинения позволяет рассматривать его как ключевое условие социализации. Сопротивление в психологических исследованиях представлено реже, что связывается с культурными стандартами и культурными приоритетами, влияющими на формирование направлений исследований.

Результаты. Группа интервьюируемых до 30 лет в области интерпретаций опыта подчинения-сопротивления обнаружила различия с более старшими интервьюируемыми в позициях, обусловленных решением возрастных задач (различия носят возрастной, а не поколенческий характер).

Основные выводы. В детстве формируется первоначальный опыт сопротивления как опыт сопротивления ровесникам и внутренним проблемам (например, совладание со страхом). Во взрослом возрасте стратегия подчинения стереотипизирована (истории о подчинении родителям), а стратегия сопротивления формирует относительно устойчивые сценарии (психологического и физического сопротивления) в отношении социальных трудностей.

Ключевые слова: подчинение, сопротивление, конформность, «поколение Z», цифровое поколение, Я-нарратив.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования студентов магистерской программы «Компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ (г. Нижний Новгород).

Для цитаты: Радина Н.К., Поршнев А.В. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310>

Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a “Subordinate Subject”

Nadezhda K. Radina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Alexander V. Porshnev

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru

Objective. Identify strategies a formation of “subordinate subject” and analyzes the strategies of obedience and resistance in self-narrative about encountering difficulties in childhood and adulthood.

Background. Obedience refers to classical problems in social psychology (experiments by S. Asha, S. Milgram, F. Zimbardo, S. Moskovichi, etc.). Forms of obedience are suggestibility, conformity, pliability, submission to authority; these forms are manifested in submission to internal imperatives; to authority persons; to small group; as well as situations. Along with conformity as a personal characteristic researchers study obedience based on the adoption of the role and regulation of role behavior. Role basis of subordination allows us to consider obedience as a condition for socialization. Resistance in psychological research is less common, which is associated with cultural standards and cultural priorities that influence the formation of research areas.

Results. According to the results of the study, young people under 30 years have different interpretations than older interviewees, but differences are of an age rather than generational nature.

Conclusions. The results of the study allow us to suggest that strategies of resistance were form at the childhood while overcoming internal issues and conflicts with peers. In adulthood, the strategy of subordination are stereotyped (stories about obedience to parents), stable scenarios resistance were construct in area to social challenge.

Keywords: obedience, resistance, conformity, “generation Z”, digital generation, self-narrative.

Acknowledgements. The authors are grateful to students of the Master’s program “Computer Linguistics” at the Higher School of Economics (Nizhny Novgorod) for the help in collecting data for the study.

For citation: Radina N.K., Porshnev A.V. Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a “Subordinate Subject”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310> (In Russ.).

Введение

В последние годы особенно часто в социальных исследованиях, посвященных поколенческим различиям, упоминается, что новое цифровое поколение («поколение Z», молодые люди, родившиеся с 1995 по 2010 годы) обладает особыми качествами: ориентировано на предпринимательство, творческую и свободолобие [19], настроено изменить

общество, но в то же время не склонно к риску [36], больше ожидает от будущего, чем прошлые поколения [28], активнее вовлечено в политику [35].

Более аналитичный и критичный психологический взгляд на данную проблему, укорененный в эмпирических исследованиях, сопряжен с развенчанием мифов о «цифровом поколении» [4]. А интерес молодежи к участию в проектах радикальной оппозиции в России

связывают с закономерностями возрастной психологии и стремлением к получению сильных ощущений [17].

Поиск объективных оснований динамики поколенческих и возрастных различий требует значительного количества эмпирических исследований, включая «качественные исследования» [20], позволяющие изнутри, из позиции респондента реконструировать видение и интерпретации изучаемой ситуации. Особый интерес может представлять именно «революционность» молодых: эмансипация, радикализм, свободолюбие, способность преодолевать трудности и сопротивляться внешнему давлению.

Цель данной статьи — на материале историй о столкновении с трудностями идентифицировать специфику «молодежной интерпретации» нарративных стратегий при описании выбора сопротивления или подчинения. Реконструируя способы осмысления опыта индивидуального сопротивления трудностям, сравнивая результаты возрастной группы до 30 лет с результатами более старших возрастных групп, предполагается ответить на вопрос о существовании особых показателей, позволяющих отнести группу молодежи к «новым» субъектам социального действия, способным активнее, чем прежние поколения, сопротивляться внешнему давлению в мыслях и действиях.

В психологии проблема подчинения относится к разряду классических, изучаемых как в формате диагностических исследований, так и экспериментов (наиболее известны эксперименты С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, С. Московичи) [12; 22; 29; 30 и др.]. Подчиняются власти и влиянию, при этом понятия «власть» и «влияние» в психологии не являются синонимичными: влиянию подчиняются добровольно, а подчинение власти предполагает возможное использование про-

тив несогласных аппарата принуждения [12]. В качестве форм подчинения выделяют внушаемость (некритическое подчинение внешнему мнению), конформность (изменение поведения в ответ на давление большинства), уступчивость (готовность удовлетворять просьбы других), подчинение авторитету (выполнение указаний лиц, наделенных властью) и др. [22].

В то же время психологи, ориентированные на эмпирические исследования подчинения, ссылаются на неоднозначность в трактовке данного феномена и проблемы с операционализацией понятия [11; 14; 15 и др.], формулируя четыре основных «поля», «активирующих» подчинение индивида: подчинение внутренним императивам, подчинение субъектам, наделенным властью, подчинение малой группе, а также ситуации (объективным природным и/или социальным факторам) [15].

Наряду с конформностью как личностной характеристикой, обеспечивающей подчинение [7], в исследованиях изучают подчинение, построенное на принятии роли и на регуляции ролевого поведения, включая профессиональные регламенты и организационные иерархии [5]. Ролевая детерминация подчинения позволяет рассматривать его как ключевое требование социализации, зависимое от культуры властных отношений общества: если в процессе социализации культура предлагает преимущественно роли «подчиненные», то демонстрация подчинения может расцениваться как адаптированность, социализированность, успешная инкультурация.

Роль социализации в становлении властных отношений, включая принуждение и подчинение в родительской семье, — традиционная психоаналитическая тематика, присущая и современным исследованиям, использующим

идеи психоанализа. Так, Дж. Батлер в известной работе «Психика власти» характеризует становление «политического субъекта» именно через подчинение в родительской семье: «Хотя зависимость ребенка не является политической субординацией ни в каком обычном смысле, формирование первичной страсти в [связи с состоянием] зависимости делает ребенка уязвимым перед субординацией и эксплуатацией, — эта тема вошла в число аксиом современного политического дискурса» [3, с. 20]. По мнению Батлера, ребенок осваивает отношения с родителями, начиная с полюса «подчинение», то есть как «подчиненный субъект». Однако в психоанализе обсуждается не только подчинение в детско-родительских отношениях, но и сопротивление, поскольку только тот, кто может добровольно сказать «нет», может добровольно сказать «да» [2].

В то же время противоположный полюс подчинения — сопротивление — в психологических исследованиях представлен значительно реже [1; 32]. Сопротивление изучают:

- как способность к контрсуггестии (выстраивание внутренних барьеров, противодействующих внушению) [18];
- в контексте противостояния агрессии, насилию и давлению (как способность противостоять моббингу, буллингу и т.п.) [25; 27];
- в контексте противостояния инновациям и измерениям (как личностную ригидность) [9; 33];
- в контексте противостояния стрессу и другим негативным внешним воздействиям (сопротивление как проявление саморегуляции и как условие психологического здоровья) [24].

Очевидно, что под сопротивлением в исследованиях понимаются разные психологические феномены, требующие сопо-

ставления, соизмерения, дифференциации понятий и терминологической работы.

Относительно высокое внимание психологов к проблемам подчинения и конформизма и дистанцирование от подробного изучения сопротивления индивида (или группы), на наш взгляд, указывают на культурные стандарты и приоритеты, влияющие на формирование направлений исследований. Привычнее изучать подчинение (сформирован теоретический контекст, сложилось понятийное поле, проблема подчинения вписывается в содержание ряда научных мероприятий и т.д.), а феномен сопротивления в психологии взаимодействия оказывается более сложным для операционализации, теоретизирования и эмпирических исследований (кроме того, знание о сопротивлении, вероятно, менее востребовано научным сообществом и обществом в целом).

Материалы и методы

В качестве рабочего определения в данном исследовании использовалось понимание сопротивления как готовности в условиях конфликта («проблемы») сохранять свои установки и позиции, защищать их различными способами, способность действовать в своих интересах. Подчинение рассматривается как альтернатива сопротивлению (уступка, смирение, отказ от защиты своей позиции, демонстрация конформного поведения).

Общая теоретическая канва — социально-конструкционистская интерпретация индивидуального опыта личности [23]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой истории о себе (я-нарративы) отражают социальные схемы и сценарии (в сознании респондентов), на основе которых происходит реализация поведен-

ческих практик нарратора. Это означает, что в свободном рассказе (интервью) интервьюируемый раскрывает интерпретативные матрицы, на которых строится его понимание социальной реальности, а в условиях неформализованных процедур интервьюирования (без подсказок и наводящих вопросов) интервьюируемый выдвигает на первый план актуальные сценарии, ключевые на данном этапе психосоциального развития. Исследовательский вопрос научной программы сосредоточен на описании характеристик нарративных стратегий, используемых молодежной частью выборки и теми, кто старше 30 лет, рассказывающих о подчинении или сопротивлении при столкновении с трудностями в детстве и в настоящее время.

В данном исследовании использовалось неструктурированное проблемно-ориентированное интервью (схожее с проективными техниками «Рассказывания историй» [6]), инструкция для которого звучала следующим образом: «Расскажите, пожалуйста, о Вашем опыте столкновения с трудностями в дошкольном или школьном детстве, а также самый яркий опыт столкновения с трудностями из Вашей взрослой жизни». Таким образом, каждый интервьюированный представлял по две истории.

Подобная инструкция учитывает роль детских воспоминаний в конституировании я-нарратива взрослой жизни, отраженных как в классическом психоанализе, так и в современной психологии [2; 21; 34]. Предполагалось, что интервьюируемые, для которых актуальна стратегия сопротивления трудностям, эту стратегию проецируют в свои рассказы. Тексты интервью были записаны и закодированы при помощи техники «закрытого кодирования» (кодировочный словарь сконструирован под цели

исследования), а на основе частотности кодов в текстах интервью был выполнен количественный анализ (таким образом, в исследовании использовались как качественная, так и количественная традиции в работе с данными: так называемая «смешанная методология»).

Выборка состояла из двух частей. «Молодежная» часть выборки включала 89 интервьюируемых (178 историй), рожденных на рубеже XX–XXI веков (до 30 лет). «Старшая» часть выборки состояла из 20 интервьюируемых (40 историй), возраст которых был старше 30 лет. Всего было собрано 218 историй. По гендерному признаку выборка уравновешена (среди «молодежной» подвыборки — 56% женщин, среди «старших» — 55%). Интервьюируемые имели высшее или незаконченное высшее образование и представляли разные области народного хозяйства (технические специальности — 36%, гуманитарные — 23%, другое (экономика, медицина и т.д.) — 41%).

Для сравнения частот встречаемости кодов в разных группах (младшие/старшие) был использован критерий Хи-квадрат, для выявления групп-описаний событий — иерархический кластерный анализ (модифицированный методом Варда, использовалось бинарное расстояние), сравнение историй проводилось на основе анализа бинарных корреляций. Вычисления проводились в программной среде R (использовался стандартный пакет stats, пакет polycor) [31].

Анализ собранных текстов проходил в 2 этапа. На первом этапе сравнивались интервью двух подвыборок (для выяснения различий между возрастными группами). На втором этапе реконструировались нарративные стратегии сопротивления на материале «молодежной» выборки, что обусловлено целями исследования.

Результаты

Собранные 218 историй (о столкновении с трудностями в детстве и во взрослом возрасте) были закодированы на основе разработанной кодировочной системы. Категории для кодирования были объединены в блоки, а именно: блок «Обстоятельства угрозы» (время, социальная ситуация, природа и стихия, объективный предметный мир, новая ситуация), блок «Субъект угрозы» («живой источник угрозы»: ровесники, родители, педагоги/работодатели, маргиналы, животные, я сам/а), блок «Источник угрозы» (неживой: случай, техника, болезнь, нарушение социальных правил), блок «Результат угрозы» (бегство, уход от проблемы; сопротивление физическое; сопротивление психологическое; подчинение; исход неясен; социальная компетентность; отказ от действий), блок «Чувства» (негативные и позитивные), блок «Размышления» (конкретика и философствования), блок «Внешняя помощь» (ровесники, родители, другие взрослые, случай, социальные правила и самопомощь) и блок «Качество опыта» (положительное и отрицательное) (см. таблицу).

Блок «Обстоятельства угрозы» оказался диагностичным с точки зрения определения возрастной принадлежности рассказчика. Статистически значимо чаще об угрозах, связанных с социальным окружением, рассказывала молодежь.

Например: «Первый инцидент, который я могу вспомнить — это заявление нянечки в детском саду о том, что она не будет мне давать еду (или наливать суп), так как я — “плохая девочка”. Я спокойно восприняла этот жест, пришла домой и рассказала маме. На следующий день нашей группе поставили новую нянечку. Проблема была в том, что моя мама была в родительском комитете, и на очеред-

ной праздник той высоко-педагогичной нянечке подарили подарок на сумму меньше, чем воспитательницам. Я была всего лишь неудачным средством манипулирования» (22 года, студентка, лингвист).

В то же время значимо чаще представители старших поколений рассказывали об угрожающих ситуациях, вызванных природой, стихией.

Например: «Ходили купаться в детстве, я еще маленькая была, в классе, наверное, четвертом училась. И мы прыгали с баржи. Аа-ах. Я так первый раз боялась туда прыгнуть. Все прыгали, и мне хотелось, но я так боялась. Вот мы встали на край баржи, прыгнули, и я погрузилась в эту пучину грязной мутной воды... Пузыри, пузыри, пузыри... И самое страшное для меня было всплыть не рядом с баржей, а под ней. Но — ничего, каждый раз прыгали подальше, чтобы течение не подбило под баржу. Но вот эти вот пузыри, пузыри, пузыри. Ты прыгаешь, и все время — глубже, глубже, глубже, а хочется вверх, вверх. Открываешь глаза и вот эта коричневая вода и пузыри, пузыри. Было страшно» (50 лет, женщина, финансы).

Другие обстоятельства угрозы (время, предметный мир и новая ситуация) примерно равнозначно представлены в нарративах о трудных ситуациях и не зависят от возрастных различий.

Блок «Субъекты угрозы» не содержит статистически значимых различий между изучаемыми группами. Незначимо чаще в рассказах молодежи встречаются представители маргинальных групп (местные подростки, девианты, «гопники», бомжи и т.п.).

Например: «Когда я был маленьким, мы с мамой пошли в магазин. На полке витрины я увидел игрушечную модельку Рэмбо, правда, я тогда даже не подозревал, кто это. Тогда для меня это был просто военный с большим автоматом.

Таблица

Трудности (опасности, угрозы) в рассказанных историях (%)

№	Блоки	Категории анализа	Выборка до 30 лет	Выборка старше 30 лет
I	Обстоятельства угрозы	Время	71	75
		Социальная ситуация	48*	20*
		Природа и стихия	7*	25*
		Предметный мир	11	15
		Новая ситуация	8	5
II	Субъект угрозы (живой источник угрозы)	Ровесники	20	20
		Родители	18	35
		Педагоги и работодатели	11	0
		Маргиналы	16	5
		Животные	9	20
		Я сам/а	9	15
III	Источник угрозы (неживой)	Случай	27	35
		Техника	4	5
		Болезнь	2	0
		Нарушение правил	1	5
IV	Результат угрозы	Бегство, уход от проблемы	20	5
		Сопrotивление физическое	24	15
		Сопrotивление психологическое	21	20
		Осознанное подчинение	17	20
		Итог/конец истории неясен	9***	40***
		Социальная компетентность	1	0
		Пассивное подчинение: недеяние	16	5
V	Чувства	Негативные чувства	55	60
		Позитивные чувства	8	20
VI	Размышления	«Жизнь научила»: конкретика	15	25
		Философствования	10	25
VII	Внешняя помощь	Ровесники	3	5
		Родители	23	5
		Другие взрослые	15	10
		Случай	5	10
		Социальные правила	1	0
		Самопомощь	11	15
VIII	Качество опыта	Скорее положительное	28**	60**
		Скорее отрицательное	38	20

Примечания. Указан % встречаемости от максимума для данной категории; значимые различия: * – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$, *** – $p < 0.001$.

Я долго упрашивал маму купить мне его, и в итоге она согласилась. Я был очень рад такому подарку и сразу же пошел играть с ним в песочнице. Но буквально через час ко мне подошла пара подростков, и игрушка была уже не моей. Моей печали не было границ» (22 года, мужчина, техническая сфера).

Более старшие интервьюируемые вспоминают ситуации, где им приходилось тяжело из-за притеснения со стороны родителей или из-за нападения животных.

Например: «Давление было постоянным: все-таки детство у меня прошло в тоталитарном государстве. Плюс детский сад, родители, задерганные бытом и работой. Но я это давление только сейчас осознаю, до этого мы, как глубоководные рыбы, воспринимали это бешеное давление как норму, не знали, что по-другому может быть. Из первых личных угроз: как-то овчарка на меня во время прогулки в детском саду набросилась — хотела то ли съесть, то ли поиграть. Произошло внезапно. Вышло, что долго боялся собак, потом прошло (улыбается)» (40 лет, мужчина, техническая сфера).

Блок «Неживой источник угрозы» не содержит каких-либо различий между изучаемыми группами. А блок «Результат угрозы» иллюстрирует в большей степени особенности построения рассказа. «Молодежная» подвыборка охотнее делает выводы в своих рассказах, а более старшие интервьюированные статистически значимо чаще оставляют «открытый конец».

Что касается результата угрозы (давления, трудности), необходимо подчеркнуть, что обе группы имеют практически одинаковые показатели и по подчинению, и по сопротивлению угрозе (как физическому, так и психологическому сопротивлению).

Например: «В детстве у меня был такой случай, когда кто-то позвонил в дверь и закрыл глазок, поэтому я не могла увидеть, кто пришел. Дома я была одна, а этот человек был очень настойчивый и долго звонил в дверь... Вот. Было очень страшно. Сначала я хотела позвонить 02, но потом просто приставила к двери 2 стула — и все» (20 лет, женщина, медицина).

Негативные чувства из-за угрожающей ситуации (блок V) обе изучаемые группы испытывали примерно в равных долях, а вот позитивные чувства незначимо чаще испытывали более старшие интервьюируемые (переосмысление прошлых травм в позитивном ключе).

Характер размышлений (блок VI) в воспоминаниях об угрозах у обеих групп примерно одинаковый. Что же касается внешней помощи в трудной ситуации (блок VII), младшие интервьюируемые незначимо чаще вспоминали в качестве помощников родителей. По остальным позициям (ровесники, другие взрослые и т.д.) у обеих групп показатели одинаковые.

В итоге качество «травмирующего опыта» (блок VIII) более старшие интервьюируемые достоверно чаще оценивают в позитивном ключе (негативная оценка у этой группы также ниже, но этот показатель статистически незначимый). Таким образом, характер организации истории, раскрывающей интерпретативные матрицы опыта, связанного с угрозой и сопротивлением, оказался схожим у изучаемых групп и отличным лишь по нескольким позициям в описании обстоятельств угрозы и оценок опыта.

«Молодежная» часть выборки сосредоточена на социальных ситуациях в описании трудностей, формулировала выводы («уроки») истории и амбивалентно оценивала опыт столкновения с трудностями. «Старшие» интервьюируемые чаще включали в обстоятельства угрозы

предметный, нечеловеческий мир, не давали однозначного итога и позитивно оценивали последствия опыта столкновения с трудностями. Принятие травматичного опыта «старшими» логично встраивается в логику возрастных различий групп. Но главное — не обнаружилось статистически значимых различий в историях у «старших» и «младших» интервьюируемых в ориентации на подчинение или сопротивление, что позволяет предположить индивидуальную логику существования данных феноменов.

Объем «молодежной» выборки позволил использовать более сложные стратегии количественного анализа на материале интервью, поэтому далее были идентифицированы типы (сценарии) историй об угрозах и сопротивлении, раскрывающие внутренние связи между категориями в текстах на основе кластерного анализа. На материале историй, рассказанных о трудностях и угрозах в детстве у интервьюируемых до 30 лет (89 историй), было выделено 5 кластеров, представляющих 5 типов нарративов/историй, а именно:

- оправдание социального эскапизма (категории «время», «социальная ситуация», «маргиналы», «бегство, уход от проблем», «негативные чувства», «отрицательный опыт») — вариант неосознанного подчинения;

- нарративы о помощи окружающих (категории «случай», «болезнь», «позитивные чувства», «другие взрослые» (помощь) — нарратив об ограничениях в контексте социально-психологической компетентности);

- нарративы о фактических угрозах (категории «объективный предметный мир», «автомобили и другая техника» (угроза), «жизнь научила» — нарратив об ограничениях в контексте психофизиологической компетентности);

- нарративы о подчинении (категории «новая ситуация», «родители» (угроза), «педагоги/работодатели» (угроза), «животные» (угроза), «Я сам/а» (угроза), «нарушение правил» (угроза), «подчинение», «отказ от действий», «философствования», «ровесники» (помощь), «родители» (помощь), «случай», «социальные правила»);

- нарративы о сопротивлении (категории «ровесники» (угроза), «сопротивление физическое», «сопротивление психологическое», «самопомощь», «положительный опыт»).

Детский травматичный опыт сформировал в «молодежной» подвыборке интерпретативную матрицу я-нарративов, которая объясняет «неотвратимость» угроз физического мира (повествования о фактических угрозах), содержит указания на источники помощи в трудных ситуациях (повествования о помощи окружающих) и показывает основные стратегии совладания с проблемой.

Подчинение в историях присутствует как в более осознанной, так и неотрефлексированной формах (бегство от проблем/эскапизм, помощь окружающих, внешняя/«нечеловеческая» угроза). Осознанно подчиняться интервьюируемые готовы авторитетам (родителям, педагогам), не сопротивляются и убегают от ровесников, несущих угрозу. В историях рассказы о подчинении оказались включенными в логику обстоятельств и рефлексии. Контекстом нарратива о подчинении оказываются социальные правила («нарушение правил» (0.24), «социальная ситуация» (0.23), «новая ситуация» (0.2)) и переживания относительно подчинения («негативные чувства» (0.29), «общие философствования» (0.25)). Все связи категорий положительные, но невыраженные или слабо-

выраженные¹. Подчинение в рассказах связано с новым опытом, проверкой границ и правил (тестирование) со стороны ребенка, поэтому подобную стратегию возможно считать «продуктивным подчинением», напрямую связанным с требованиями социализации.

Физическое сопротивление выступает как альтернатива ухода от проблем (-0.22) или альтернатива отказа от действий (-0.25). Физически активно сопротивляются угрозам от ровесников (0.23), но не сопротивляются родителям (-0.2). Таким образом, опыт сопротивления (как физического сопротивления) в историях из детства локализован в зонах общения с ровесниками: взрослому миру подчиняются (социализируются через подчинение), а силы для сопротивления проверяют на поле столкновения с ровесниками. Этот факт позволяет считать сферу общения с ровесниками социальным полем тренировки сопротивления.

Сильные корреляции в историях о детском опыте преимущественно объясняют подчинение. Так, столкновение с ровесниками-«маргиналами» вызывает стратегию бегства (0.63), принятие физической реальности (и подчинение ей) (0.36) связано с угрозами на дорогах («автомобили и техника»/«жизнь научила» (0.45), но в целом — непредсказуемо («природа, стихия»/«случай» (угроза) (0.44)).

Психологическое сопротивление связано со становлением внутреннего мира и тренировкой преодоления внутренних барьеров (например, страха) и, как правило, не возникает в ответ на проблемы в социальном контексте, связанные с социальной ситуацией (-0.35: сопротивляются, как правило, объектной угрозе).

Помощь в ситуации психологического сопротивления приходит от взрослых (0.22), но чаще — от самого себя (как самопомощь) (0.42: ставка на самопомощь в сопротивлении — наиболее сильная корреляция). В итоге психологическое сопротивление индивидом связано с положительной оценкой прошлого опыта (0.22). Наиболее выраженные (сильные) корреляции между категориями историй о трудностях и проблемах, с которыми интервьюированные столкнулись в детстве, представлены на рис. 1.

Истории о столкновении с трудностями в настоящем (во взрослом возрасте) у интервьюируемых до 30 лет (89 историй) содержали следующие типы (кластеризация дала 5 групп):

- нарративы о самопомощи (категории «социальная ситуация», «педагоги/работодатели» (угроза), «негативные чувства», «философствования», «самопомощь», «отрицательный опыт»);
- нарративы о подчинении (категории «природа и стихия», «родители» (угроза), «животные» (угроза), «случай» (помощь), «подчинение», «родители» (помощь), «другие взрослые» (помощь));
- нарративы о сопротивлении (категории «объективный предметный мир», «ровесники» (угроза), «маргиналы» (угроза), «техника» (угроза), «нарушение правил», «бегство, уход от проблем», «сопротивление физическое», «сопротивление психологическое», «жизнь научила», «ровесники» (помощь));
- нарративы о новых вызовах (категории «новая ситуация», «Я сам/а» (угроза), «исход неясен», «социальная компетентность», «позитивные чувства», «социальные правила» (помощь), «положительный опыт»);

¹ Значимая корреляционная связь $-0.25 < k > 0.25$.

- принятие неизбежного (категории «болезнь» (угроза), «отказ от действий», «случай» (помощь)).

К нарративам о подчинении (более и менее явным) были отнесены истории о самопомощи, подчинении и принятии неизбежного. К нарративам о сопротивлении — истории о сопротивлении и новых вызовах.

Необходимость самопомощи возникает в условиях социального давления со стороны вузовских педагогов или работодателей (0.39). Подчинение/сопротивление в данных историях не пробле-

матизируется, однако негативные чувства и отрицательная оценка опыта свидетельствуют о контексте подчинения, в данном случае — непродуктивного. К непродуктивному подчинению возможно отнести также истории о болезнях, истории о страхе и смирении перед «неизбежным».

Истории о подчинении из взрослого опыта повествуют о подчинении внешним угрозам («природа и стихия» (0.24)) и объективному миру (сильные корреляции: «объективный предметный мир»/«автомобили и другая техника» (0.39)/«случай» (помощь) (0.44)). В си-

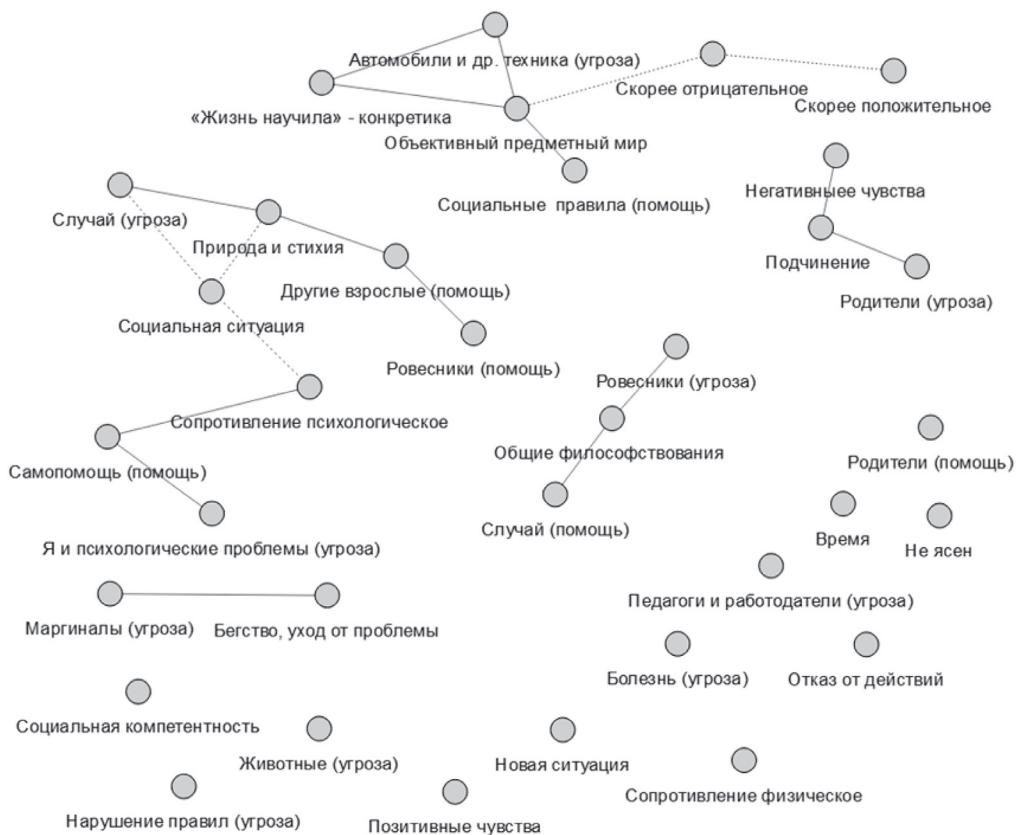

Рис. 1. Стратегии подчинения и сопротивления в детских воспоминаниях: сплошная линия — сильные положительные корреляции, пунктир — сильные отрицательные корреляции

туации отрефлексированного подчинения продуктивно используются ресурсы актуальных социальных сетей. Стратегия подчинения в повествованиях о взрослой жизни выглядит как инструментальная и рациональная, нестереотипизированная (у «подчинения» нет сильных связей в области социального, что может свидетельствовать об отсутствии выраженных (стереотипных) конфликтов) (рис. 2).

Наиболее значимыми с точки зрения чувств (амбивалентных — как позитивных, так и негативных) и положитель-

ного опыта в интервью являются истории о социальных задачах: в я-нарративе именно социальные задачи оказываются самыми продуктивными с точки зрения порождения устойчивых сценариев (связывающих эмоциональную и социальную сферы).

Истории о сопротивлении проблематизируют адаптированность и социализированность интервьюируемых, представляя в качестве угроз широкий круг обстоятельств взрослой жизни и противопоставляя угрозам ряд сформированных стратегий сопротивления (от

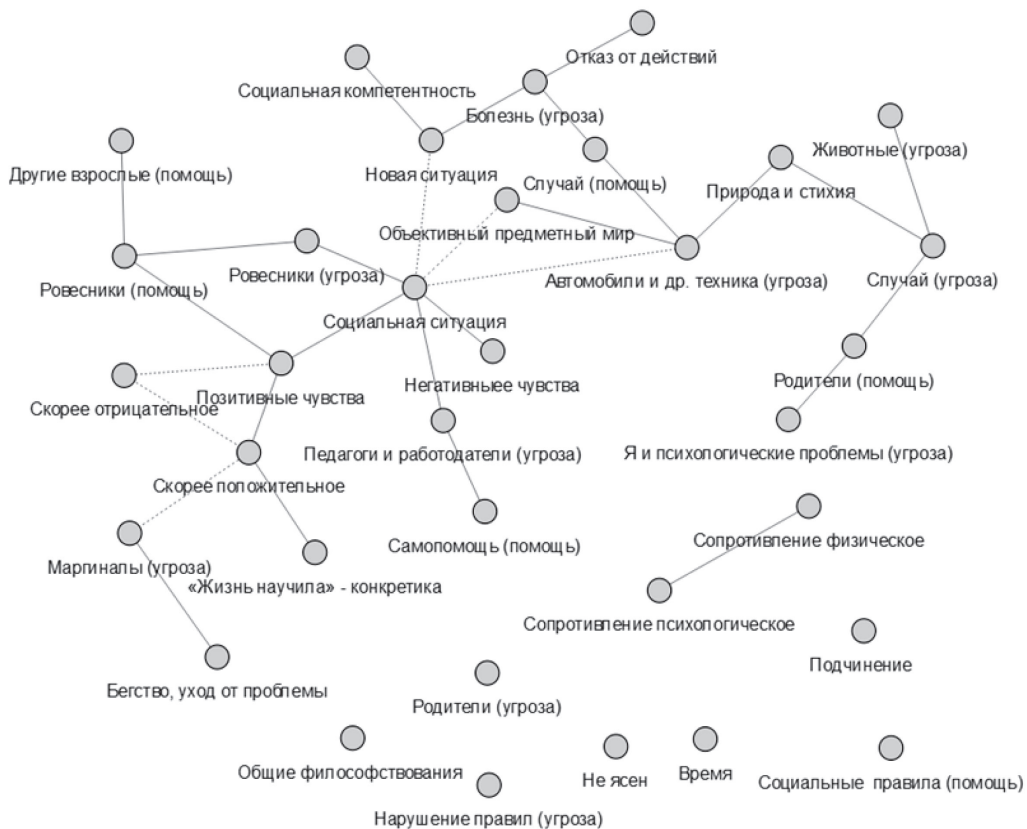

Рис. 2. Стратегии подчинения и сопротивления в историях из опыта взрослых: сплошная линия — сильные положительные корреляции, пунктир — сильные отрицательные корреляции

бегства до сопротивления). В историях о трудностях взрослых физическое и психологическое сопротивление оказываются связанными. Кроме того, категория «психологическое сопротивление» положительно связана с категориями «маргинальные ровесники» (угроза) (0.21), «знания о социальных правилах» (0.21), «уход от проблем» (-0.23) (то есть не убежание от проблем, их решение), «физическое сопротивление» (0.26).

Среди сильных корреляций — связь «социальной компетентности» с «новыми ситуациями» (0.35), использование самопомощи при угрозах от работодателей и вузовских педагогов (0.39), успешное разрешение конфликтов с ровесниками («социальная ситуация»/«ровесники» (угроза) (0.36), «ровесники» (угроза)/«ровесники» (помощь) (0.37), «ровесники» (помощь)/«позитивные чувства» (0.32)). В историях о сопротивлении (из взрослого опыта) сфера социального активнее используется как область для сопротивления и отстаивания своей точки зрения, своих позиций. При этом в конфликтных ситуациях сопротивляются ровесникам, используя также социальные сети ровесников, а работодателям и другим «старшим авторитетам» сопротивляются, опираясь на самопомощь.

Таким образом, стратегия сопротивления в контексте социализации оказывается не оппонирующей, а как бы «продолжающей» линию подчинения: продуктивное подчинение используется инструментально и относительно рационально для решения жизненных задач (непродуктивное — маркирует зоны поражения), а сопротивление используется (впрочем, как и подчинение) для демонстрации социализированности.

Обсуждение результатов

Разные исследования о социальной активности и выборе свободы новым «поколением Z» дают противоречивые данные. Как только публикуют результаты опросов молодежи относительно гражданской активности, авторы материалов констатируют апатичность и неактивность данной группы [16]. Но если тема формулируется в терминах «поколения Z» — актуализируется тематика особой политической субъектности поколения [35].

Сверхожидания от активности «цифрового поколения» в исследованиях, на наш взгляд, связаны со сверхожиданиями от цифровых технологий в целом. Понимание ограничений, которые сцеплены с цифровыми технологиями, позволяет более адекватно описывать и социальное поведение «цифровых людей». Так, согласно исследованиям, ресурс рекрутирования участников политических протестов через социальные сети оказался весьма ограниченным: цифровые сети не стали ключевым инструментом протестной мобилизации — для этого оказались необходимы «коллективные действия» [8]. Что же касается юного «цифрового поколения», фиксируется несамостоятельность их гражданской активности [10].

При этом, изучая протестную активность в России, исследователи опираются на фреймы И. Гофмана, которые учитывают не только личностные особенности активистов, но и обстоятельства активности (роль ситуации, внешних обстоятельств в формировании гражданского действия) [13]. Фреймирование в данном случае указывает на роль внешних детерминант в формировании протестного поведения, следовательно, также использует контекст подчинения, принятия обстоятельств («случайное протестное

поведение»). В целом же подчинение в политическом контексте на российском материале в исследованиях констатируется в традиционной интерпретации: если власть легитимна, ей подчиняются [26].

Исполнение своей «гражданской роли», становление «политического субъекта» начинается с социализации в семье — с подчинения. Освоив различные формы подчинения, включая принятие и удержание разных ролей, дети и подростки оказываются способными сопротивляться внешней воле и внешнему давлению. Психодинамические интерпретации гражданской активности оказываются работающими и на российском социокультурном материале: становление субъекта сопротивления начинается со становления субъекта подчинения. Особую роль в становлении сопротивления, согласно результатам проведенного исследования, играют ровесники: первые опыты сопротивления и обучение сопротивлению начинаются во взаимодействии с ровесниками (социализируясь в обществе взрослых, ребенок в большей степени тренирует подчинение).

В этом возможно усмотреть специфику (и опасность) «цифрового общества», поскольку цифровые технологии депривуют социальную среду и обедняют социальный контекст, порождающий условия для обучения сопротивлению. Сопротивление — это не «нарушение правил» и неумение вести себя согласно роли или регламенту, это способность защитить свои физические и психологические границы (собственные правила), нуждающаяся в конструктивной тренировке.

Заключение

Проведенное исследование проблематизирует многогранную роль подчи-

нения в процессе социализации и инициирует исследовательскую дискуссию о вкладе сопротивления в социализацию на этапе «цифровизации социального». Негативная коннотация, сопровождающая подчинение, может быть переосмыслена и переоценена, поскольку подчинение играет важную роль в освоении социальных регламентов и правил. Умея подчиняться правилам, принимая правила, субъект подчинения в дальнейшем может оказать сопротивление, защищая свои правила (ценности).

В русле данного исследования не подтвердились данные об особой компетентности «цифрового поколения» в области сопротивления внешнему давлению. Молодежь до 30 лет в области интерпретаций опыта подчинения-сопротивления обнаружила различия с более старшими интервьюируемыми в позициях, связанных с решением возрастных задач (различия носят возрастной, а не поколенческий характер). В целом исследование показало непротиворечивость стратегий подчинения и сопротивления, что обеспечивает преемственность социальной жизни общества.

Согласно исследованию, в детстве складывается первоначальный опыт сопротивления как опыт сопротивления ровесникам (физическое сопротивление) и психологическое сопротивление внутренним проблемам/барьерам. В этом контексте подчинение выполняет функцию воспроизводства (социальных правил, ролей и т.д.), а сопротивление «тренирует» стойкость, которая в более взрослом возрасте может проявляться как способность к нарушению внешних правил и социальному творчеству. Социальным полем для тренировки сопротивления является круг ровесников, следовательно, изоляция от ровесников и тренировка ролевого поведения в среде исключительно взрослых

«работает» в большей мере на формирование стратегий подчинения.

Во взрослом возрасте подчинение относительно стереотипизировано в области отношений с родителями и при контакте с объектными и стихийными

обстоятельствами. Стратегия сопротивления формирует устойчивые сценарии (психологического и физического сопротивления) в отношении социальных конфликтов с ровесниками и авторитетными старшими.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Горемыко М.В. Роль самокатегоризации в проявлении конформного поведения // Социальная психология и общество. 2012. Том 3. № 4. С. 30–40.
2. Бассиони К. Воспитание народоубийц. М.: Академия, 2001. 240 с.
3. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.
4. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z» // Современная аналитика образования. № 1(22). М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
5. Будякова Т.П. Психологическая характеристика норм подчинения в рамках культурно-исторического анализа // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 89–95.
6. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев: Наукова думка, 1989. 200 с.
7. Васильева И.А. Внутригрупповая конформность: личностные и ситуационные факторы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 24 с.
8. Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 106–123.
9. Голева Т.В. Преодоление сопротивления персонала организации инновационным изменениям: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Белгород, 2006. 26 с.
10. Ерпылева С. «Родители меня не отпускали»: протестная политизация подростков в деполитизированном обществе // Социология власти. 2013. № 4. С. 150–174.
11. Еришова Р.В. «Повинуемость» как предмет социально-психологического исследования (повторение эксперимента А. Поскоцила в России) // Современная экспериментальная психология: в 2-х т. Т. 2. / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2011. С. 417–427.
12. Зимбардо Ф., Ляйтте М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
13. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с.
14. Князев Е.Б. Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Саратов, 2018. 24 с.
15. Куликович Т.О. Трактовка подчинения в психологии // Вестник БГУ. Серия 3. 2010. № 1. С. 52–58.
16. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.
17. Пономарев Н.А., Белов С.И., Майлис А.А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 67. Апрель 2018 г. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/67_2018ponomarev_belov_mailis.htm (дата обращения: 16.06.2020).
18. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология / Под ред. Б.Г. Колбановского. М.: Наука, 1971. С. 7–35.

19. Пырра Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 2(26). С. 43–50.
20. Радина Н.К. Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России // Психология зрелости и старения. 2005. Т. 31. № 3. С. 48–66.
21. Сидоренко Е.В. Терапия и тренинг в концепции Альфреда Адлера. СПб.: Речь, 2002. 346 с.
22. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
23. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27–38.
24. Шагиев Р.М. Структурно-функциональные характеристики стрессоустойчивости в спортивной деятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 25 с.
25. Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Залыгаева С.А. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 4. С. 62–71. DOI:10.17759/pse.2019240405
26. Шестопал Е.Б. Сдвиги в восприятии власти российскими гражданами в 2010-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 52–64.
27. Ahmed E., Braithwaite V. Bullying and victimization: cause for concern for both families and schools // Social Psychology of Education. 2004. № 7. P. 35–54.
28. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials [Электронный ресурс] // Huffingtonpost, 2016. URL: https://www.huffingtonpost.com/george-beall/8-key-differences-between_b_12814200.html (дата обращения: 01.06.2020).
29. Blass T. Understanding Behavior in the Milgram Obedience Experiment: The Role of Personality, Situations, and Their Interactions // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 60. № 3. P. 398–413.
30. Burger J.M. Replicating Milgram: Would people still obey today? // American Psychologist. 2009. Vol. 64. № 1. P. 1–11.
31. Drasgow F. Polychoric and polyserial correlations // The Encyclopedia of Statistics / Ed. Kotz S., Johnson N. Vol. 7. Wiley, 1986. P. 68–74.
32. Haslam A., Reicher S.D. When prisoners take over the prison: A social psychology of resistance // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 154–179.
33. Kleijnena M., Lee N., Wetzels M. An exploration of consumer resistance to innovation and its antecedents // Journal of Economic Psychology. 2009. № 30. P. 344–357.
34. Radina N. Men's Socialization and the History of Man's life: The Reproduction of Male Culture in the Individual Narrative // Social and Education History. 2019. Vol. 8. № 2. P. 119–144.
35. Ross A. Young Europeans: A New Political Generation? [Электронный ресурс] // Societies. 2018. Vol. 70. № 8. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/3/70> (Accessed 16.06.2020).
36. Seemiller C., Grace M. Generation Z Goes to College. San Francisco: Jossey-Bass, 2016. 320 p.

References

1. Agadullina E.R., Goremyko M.V. Rol' samokategorizatsii v proyavlenii konformnogo povedeniya [The role of self-categorization in the manifestation of conformal behavior]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012. Vol. 3, no 4, pp. 30–40. (In Russ.).
2. Bassiyuni K. Vospitanie narodoubiyts [The parenting of the murderers]. Moscow: Akademiya, 2001. 240 p. (In Russ.).
3. Batler Dzh. Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii [The psyche of power: theories of sub-projection]. Khar'kov: Kharkov Center for Gender Studies; Saint-Petersburg: Aleteyya, 2002. 168 p. (In Russ.).
4. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Mify o "pokolenii Z" [Myths about "Generation Z"]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya = Modern education analytics*, 2019. Vol. 22, no. 1. Moscow: NIU VShE. 64 p. (In Russ.).
5. Budyakova T.P. Psikhologicheskaya harakteristika norm podchineniya v ramkakh kul'turno-istoricheskogo analiza [Psychological characteristics of submission standards in the framework of

- cultural-historical analysis]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural Historical Psychology*, 2015. Vol. 11, no 4, pp. 89–95. (In Russ.).
6. Burlachuk L.F., Morozov S.M. Slovar'-spravochnik po psikhologicheskoy diagnostike [Dictionary Dictionary of Psychological Diagnostics]. Kiev: Naukova dumka, 1989. 200 p. (In Russ.).
 7. konformnost': lichnostnye i situatsionnye faktory: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Intra-group conformity: personality and situational factors. PhD (Philosophy) Thesis]. Saint-Petersburg, 2005. 24 p. (In Russ.).
 8. Gel'man V.Ya. Trudnoe vrozozhdenie rossiyoskoy oppozitsii [The difficult revival of the Russian opposition]. *Pro et Contra*, 2014, no 1-2, pp. 106–123. (In Russ.).
 9. Goleva T.V. Preodolenie soprotivleniya personala organizatsii innovatsionnym izmeneniyam: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Overcoming resistance of the organization's staff to innovative changes. PhD (Philosophy) Thesis]. Belgorod, 2006. 25 p. (In Russ.).
 10. Erpyleva S. "Roditeli menya ne otpuskali": protestnaya politizatsiya podrostkov v depolitizirovannom obschestve ["Parents did not let me go": protest politicization of adolescents in a depoliticized society]. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power*, 2013, no. 4, pp. 150–174. (In Russ.).
 11. Ershova R.V. "Povinuemost'" kak predmet sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya (povtorenie eksperimenta A. Poskotsila v Rossii) ["Obedience" as a subject of socio-psychological research (repetition of A. Poskocil's experiment in Russia)]. In Barabanshchikova V.A. (ed). *Sovremennaya eksperimental'naya psikhologiya: v 2 t. T. 2 [Modern experimental psychology: in 2 vol. Vol. 2]*. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2011, pp. 417–427. (In Russ.).
 12. Zimbardo F., Lyayppe M. Sotsial'noe vliyanie [Social impact]. Saint-Petersburg: Piter, 2011. 448 p. (In Russ.).
 13. Kleman K., Miryasova O., Demidov A. Ot obyateley k aktivistam: zarozhdayushchiesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoy Rossii [From laymen to activists: nascent social movements in modern Russia]. Moscow: Tri kvadrata, 2010. 688 p. (In Russ.).
 14. Knyazev E.B. Vzaimosvyaz' sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti i podchinyaemosti avtoritetu u sub"ektov mezhlichnostnogo vzaimodeystviya. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [The relationship of socio-psychological characteristics of personality and subordination to authority in sub "objects of interpersonal interaction. PhD (Philosophy) Thesis]. Saratov, 2018. 24 p. (In Russ.).
 15. Kulinkovich T.O. Traktovka podchineniya v psikhologii [Interpretation of subordination in psychology]. *Vestnik BGU = Vestnik BSU*, 2010. Issue 3, no 1, pp. 52–58. (In Russ.).
 16. Petukhov V.V. Pokolenie "nulevykh": sotsial'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie [The Generation of the Zero: Social Sentiment, Ideological Attitudes, and Political Participation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Policy research*, 2012, no 4, pp. 56–62. (In Russ.).
 17. Ponomarev N.A., Belov S.I., Maylis A.A. Protivodeystvie rostu vovlechenosti molodezhi v radikal'nyy politicheskyy protest (na materialakh massovykh vystupleniy 2017) [Elektronnyy resurs] [Countering the growth of youth involvement in a radical political protest (based on materials from mass demonstrations 2017)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [Public administration. Electronic messenger]*. 2018. Issue 67. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/67_2018ponomarev_belov_mailis.htm (Accessed 16.06.2020). (In Russ.).
 18. Porshnev B.F. Kontr suggestiya i istoriya [Counter suggestion and history]. In Kolbanovskii B.G. (ed.). *Istoriya i psikhologiya*. Moscow: Nauka, 1971, pp. 7–35. (In Russ.).
 19. Pyrma R.V. Vosstanie "pokoleniya Z": novye politicheskie radikalyy [The Rebellion of "Generation Z": New Political Radicals]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the University of Finance*, 2017. Vol. 7, no. 2(26), pp. 43–50. (In Russ.).

20. Radina N.K. Zhiznennyye stsenarii zhenshchin trekh pokoleniy sovremennoy Rossii [Life scenarios of women of three generations of modern Russia]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya = Psychology of Maturity and Aging*, 2005. Vol. 31, no. 3, pp. 48–66. (In Russ.).
21. Sidorenko E.V. Terapiya i trening v kontseptsii Al'freda Adlera [Therapy and training in the concept of Alfred Adler]. Saint-Petersburg: Rech', 2002. 346 p. (In Russ.).
22. Ternер Dzh. Sotsial'noe vliyanie [Social impact]. Saint-Petersburg: Piter, 2003. 256 p.
23. Ulanovskiy A.M. Kachestvennaya metodologiya i konstruktivistskaya orientatsiya v psikhologii [Qualitative methodology and constructivist orientation in psychology]. *Voprosy psikhologii = Psychology Issues*, 2006, no. 3, pp. 27–38. (In Russ.).
24. Shagiev R.M. Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki stressoustoychivosti v sportivnoy deyatel'nosti. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Structural and functional characteristics of stress resistance in sports. PhD (Philosophy) Thesis]. Yaroslavl', 2009. 25 p. (In Russ.).
25. Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Gendernye osobennosti bullinga v podrostkovom vozraste [Gender characteristics of bullying in adolescence]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no 4, pp. 62–71. DOI:10.17759/pse.2019240405 (In Russ.).
26. Shestopal E.B. Sdvigi v vospriyatii vlasti rossiyskimi grazhdanami v 2010-kh gg [Shifts in the perception of power by Russian citizens in the 2010s]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Person. Community. Control*, 2014, no 1, pp. 52–64. (In Russ.).
27. Ahmed E., Braithwaite V. Bullying and victimization: cause for concern for both families and schools. *Social Psychology of Education*, 2004, no. 7, pp. 35–54.
28. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials [Electronic resource]. Huffingtonpost, 2016. URL: https://www.huffingtonpost.com/george-beall/8-key-differences-between_b_12814200.html (Accessed 01.06.2020).
29. Blass T. Understanding Behavior in the Milgram Obedience Experiment: The Role of Personality, Situations, and Their Interactions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991. Vol. 60, no. 3, pp. 398–413.
30. Burger J.M. Replicating Milgram: Would people still obey today? *American Psychologist*, 2009. Vol. 64, no. 1, pp. 1–11.
31. Drasgow F. Polychoric and polyserial correlations. In Kotz S., Johnson N. (ed). *The Encyclopedia of Statistics*. Vol. 7. Wiley, 1986, pp. 68–74.
32. Haslam A., Reicher S.D. When prisoners take over the prison: A social psychology of resistance. *Personality and Social Psychology Review*, 2012. Vol. 16, no. 2, pp. 154–179.
33. Kleijna M., Lee N., Wetzels M. An exploration of consumer resistance to innovation and its antecedents. *Journal of Economic Psychology*, 2009, no. 30, pp. 344–357.
34. Radina N. Men's Socialization and the History of Man's life: The Reproduction of Male Culture in the Individual Narrative. *Social and Education History*, 2019. Vol. 8, no. 2, pp. 119–144.
35. Ross A. Young Europeans: A New Political Generation? [Electronic resource]. *Societies*, 2018. Vol. 70, no. 8. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/3/70> (Accessed 16.06.2020).
36. Seemiller C., Grace M. Generation Z Goes to College. San Francisco: Jossey-Bass, 2016. 320 p.

Информация об авторах

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Университет Лобачевского, ННГУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Поршнев Александр Валерьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru

Information about the authors

Nadezhda K. Radina, Doctor of Political Science, PhD in Psychology, Professor of the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>, e-mail: rasv@yandex.ru

Alexander V. Porshnev, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Strategic Management, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>, e-mail: aporshnev@hse.ru

Получена 09.07.2020

Received 09.07.2020

Принята в печать 12.07.2021

Accepted 12.07.2021

Роль эмоций и обстоятельств в моральной оценке поступка

Юдина Т.О.

Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХуГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-7636>, **e-mail:** judinatyana@gmail.com

Цель. Изучить вариативность проявления феномена моральной удачи в зависимости от уровня контроля агентом своих действий, личного осуждения, эмоционального отклика, сочувствия в сторону агента, обстоятельств совершения действий агентом и степени вреда.

Контекст и актуальность. Современные подходы характеризуют феномен моральной удачи как случайность или ошибку и не дают исчерпывающего объяснения вариативности его проявления.

Дизайн исследования. В пяти моральных ситуациях варьировались уровень контроля агентом своих действий, обстоятельства действий, личные качества и степень вреда. К каждой ситуации прилагался опросник по пяти блокам: эмоции к агенту; эмоции к результату; наказание и порицание; моральная оценка; личное осуждение; сочувствие. Анализ взаимосвязей проводился с помощью таблиц сопряженности.

Выборка. В исследовании приняли участие 54 человека (28 мужчин) в возрасте от 18 до 45 лет.

Методы. Авторские моральные виньетки и опросник из пяти блоков вопросов к каждой ситуации.

Результаты. Вынесение наказания зависит от уровня контроля, обстоятельств действий и результата действий агента. Смешанные негативные эмоции влияют на наказание вне зависимости от степени вреда. Эмоции, личное осуждение и моральная оценка связаны с уровнем контроля агента. Сочувствие проявляется независимо от наказания и осуждения.

Основные выводы. Вынесение наказания является ментальной системой, подвижность которой обеспечивают установка о необходимости вынесения наказания за проступок, вариативность и интенсивность негативных эмоций по отношению к агенту и/или его поступку, а также уровень контроля агентом своих действий.

Ключевые слова: моральная удача, моральное суждение, уровень контроля, связь эмоций и морального суждения, ошибка хиндсайта.

Для цитаты: Юдина Т.О. Роль эмоций и обстоятельств в моральной оценке поступка // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 170–187. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120311>

The Role of Emotions and Circumstances in Moral Judgments

Tatiana O. Yudina

Institute of Social Science, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-7636>, **e-mail:** judinatyana@gmail.com

Objective. *To study the variety of the moral luck demonstration depending on the level of the agent's degree of control, personal condemnation of the agent, emotional resonance and compassion to the agent, circumstances and the harm degree of the outcome.*

Background. *Modern theoretic approaches explain the moral luck phenomenon as a coincidence or a mistake but do not explain the variety of its demonstration.*

Design. *Within five situations there were varied the level of control, circumstances, personal characteristics and the harm degree. After each situation we offered the five categories of questions: emotions towards the agent, emotions towards the result, punishment, moral judgement, personal condemnation of the agent, emotional resonance and compassion to the agent. Testing the relations of the variables by means of contingency tables.*

Subjects. *54 subjects (male 28), age from 18 to 45.*

Methods. *Author's five moral vignettes with questionnaire containing five categories of questions after each of the situation.*

Results. *Punishment depends on the level of control, circumstances and the outcome. Negative mixed emotions related to punishment without regard of the harm degree. The emotions, personal condemnation and moral judgment related to the agent's level of control. Compassion can be demonstrated notwithstanding the punishments and condemnation.*

Conclusions. *Punishment judgment is the mental system which flexibility is provided by the attitude to punish in the case of bad behavior, the variety and intensity of negative emotions towards the agent or the outcome, the agent's level of control.*

Keywords: *moral luck, moral judgment, level of control, emotions in moral judgment, hindsight effect.*

For citation: Yudina T.O. The Role of Emotions and Circumstances in Moral Judgments. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 170–187. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120311> (In Russ.).

Введение

В области исследования психологии морали, как известно, наряду с моральными дилеммами популярным методическим материалом являются виньетки, то есть краткие истории или отдельные предложения, описывающие, как правило, гипотетические ситуации, представляющие отклонение от моральных норм. Использование метода виньеток представляется валидным и перспективным, во-первых, по причине специфики самого объекта исследования, во-вторых, ввиду общего дефицита диагностического инструментария в области исследования морали. Американские исследователи в области психологии и философии морали Дж. Мартин и Ф. Кушман [11] использовали в качестве виньетки реаль-

ную историю, в которой молодая женщина без особых оснований проехала по куче с листвой, что явилось результатом смерти двух малолетних детей. Исследователи предлагали вынести моральную оценку водителю в данной ситуации и в вымышленной виньетке с аналогичными обстоятельствами, но без ущерба в результате действий водителя (водитель проехал по листве, но в листве не было детей). Результаты показали, что 94% участников порицают водителя первого кейса и предлагают наказать его сроком до 3-х лет тюремного заключения. В виньетке с аналогичными обстоятельствами, но без ущерба в исходе события 85% испытуемых не предлагают наказать и не порицают водителя [11].

Такие результаты отражают феномен моральной удачи, когда действия агента

лишь в угоду случайности приводят к негативному или нейтральному исходу, который определяет результат морального суждения относительно виновности агента, несмотря на идентичность состояния и намерений агента в каждом из вариантов, предшествующих плохому или нейтральному исходу [7; 10].

Определение и виды моральной удачи

Данному термину мы обязаны философам Б. Вильямсу [16] и Т. Нагелю [12], которые описали феномен моральной удачи в конце прошлого века. Нагель выделил несколько видов моральной удачи: моральная удача результата (последствий), моральная удача обстоятельств, моральная удача личных качеств агента и моральная удача причин [12]. Приведем краткое описание перечисленных видов моральной удачи.

Моральная удача результата характерна моральными оценками, которые варьируются в зависимости от фактического результата действий агента, а не от намерений агента. Моральная удача последствий является своего рода пересечением контролируемых и неподконтрольных агенту факторов, точкой преломления морального поведения. Баланс между интенциональностью (или уровнем контроля своих действий агентом) и случайностью недостаточно прозрачен в большинстве ситуаций с моральным контекстом, что, вероятно, способствует вынесению моральной оценки на основании фактического результата действий агента. Моральная удача обстоятельств проявляется в ситуациях, где определяющую роль в моральной оценке действий агента играют, в первую очередь, обстоятельства, в которых агент оказался, а не

фактический результат. Этими обстоятельствами для агента могут оказаться как локальные ситуации, так и культурная, историческая или этическая парадигма. Моральная удача личных качеств учитывает внутренние факторы морального поведения агента и также отражает вклад ответственности и степени контроля агентом своих действий. Рассуждения Нагеля о моральной удаче причин в виде отсылок к вопросам детерминизма и свободы воли, очевидно, являются продолжением темы, отраженной в описании видов моральной удачи результата и обстоятельств.

Таким образом, согласно позиции Вильямса и Нагеля, феномен моральной удачи проявляется в вариациях моральных значений и оценок в зависимости от ряда факторов конкретной ситуации. Российские исследователи в области философии морали рассматривают связь интенциональности субъекта с моральными значениями и ответственностью, а также роль случайности и обстоятельств в проявлении феномена моральной удачи [2; 3].

Опираясь на философские изыскания, психологи предпринимают эмпирические попытки выявить психологические закономерности проявления феномена моральной удачи. Роль случайности и обстоятельств при вынесении моральных суждений рассматривается психологами через призму работы когнитивных и эмоциональных процессов. Известно, что когнитивные процессы искажаются под влиянием эмоций [6; 15]. Роль эмоций в моральных оценках является одной из наиболее обсуждаемых тем на сегодняшний день в области психологии морали.

Ниже мы подробно приводим описание популярных на сегодняшний день подходов к объяснению феномена моральной удачи в области психологии, ко-

торые также наиболее релевантны проблеме нашего исследования.

Подходы к объяснению феномена моральной удачи в психологии

Чаще всего именно под влиянием стечения обстоятельств говорят о результате действия как об удаче или невезении. С точки зрения психологии морали моральные оценки поступков в обстоятельствах случайности обусловлены рядом факторов, среди которых важную роль занимает интенциональность действия или контроль субъектом своих действий [7]. В свою очередь, как стечение обстоятельств может влиять на уровень контроля, так и уровень контроля может обусловить удачное или неудачное стечение обстоятельств [6]. Так, одно и то же событие может быть результатом как высокого, так и низкого уровня контроля.

На сегодняшний день в психологии можно найти несколько попыток объяснения феномена моральной удачи. Приведем те из них, которые, по нашему мнению, являются наиболее релевантными целям нашего исследования. Так, одним из объяснительных подходов и одновременно отдельной интересной дискуссией в рамках психологии морали является дихотомия «намерение/результат» при вынесении морального суждения. С некоторых позиций такой подход является удобным способом формализации моральной удачи как системы, состоящей из двух разнонаправленных элементов: намеренное действие агента vs результат этих действий.

В целом, по имеющимся в литературе данным, интенциональное причинение вреда рассматривается как более достойное наказания, чем причинение случайного вреда наряду со значимой, но более

слабой ролью результата [7; 8; 18]. Значимость намерения агента при вынесении морального суждения показана и в нейрофизиологических исследованиях. В частности, при вынесении морального суждения включаются в работу зоны мозга, отвечающие за понимание желаний и намерений других [13; 18; 20]. В качестве примера «измерения» морали в таком подходе возьмем известную виньетку с вероятным отравлением [21]. Грейс готовит кофе для своего друга. Добавляя в кофе белый порошок, она в зависимости от своего намерения считает, что это либо сахар, либо крысиный яд, что будет окончательно известно по результату. Разворачивание сути кейса происходит следующим образом. Грейс либо пытается положить в кофе крысиный яд, но по факту кладет сахар, либо случайно кладет крысиный яд, считая, что положила сахар. Анализируя моральные суждения в отношении поведения Грейс, можно определить относительное влияние намерения и результата на моральное суждение.

За простотой двухфакторного дизайна скрывается пара важных моментов. Во-первых, нет такой моральной шкалы, где бы вредоносный результат сам по себе вызывал бы моральное осуждение, то есть для моральной оценки необходим индивид, причастный к результату или ответственный за результат в той или иной мере. Так, можно предполагать, что в оценку влияния результата на моральное суждение включена и оценка ответственности за результат по шкале, измеряющей уровень причиненного вреда.

Вторым скрытым моментом в двухфакторной модели «намерение/результат» является то, что, как правило, намерения не являются достаточными для вынесения порицания и тем более наказания. Так, к примеру, задумавший убить своего дядю после очередной ссоры чело-

век не может быть осужден по закону и, судя по данным, не достоин морального осуждения [6]. Действительно, вероятно, что если человек не реализовал свое дурное намерение, то для него аморальным является именно акт реализации этого намерения, а не намерение как таковое. Кроме того, он может изменить намерение причинить вред другому под влиянием обстоятельств или присутствия в нем разнообразия индивидуальных черт.

Зависимость моральной оценки от вариативности уровня контроля и результата действия лежит в основе проблемы данного исследования. Мы предполагаем, что для более точного определения соотношения долей влияния намерения и результата действия на вынесение морального суждения требуется включение большего количества факторов и/или их более мерное шкалирование как для намерения, так и для результата. В то же время справедливо заметить, что вопрос релевантного определения меры ответственности является весьма дискуссионным в поле психологии и философии морали [9; 17].

Доминирующая роль намерения, вариативность роли результата и наблюдаемые искажения в моральных суждениях порождают дальнейшие дискуссии как относительно основ и механизма морали, так и причин искажения в моральных суждениях, в частности, моральной удачи. Интересно также, что моральная удача играет значимую роль в вынесении суждений о порицании и наказании в зависимости от следствия, но не влияет на оценку правильности (моральности) или неправильности (аморальности) поступка независимо от степени нанесенного вреда [7; 8].

Другим влиятельным объяснением моральной удачи на поле психологии является так называемая «*ошибка хинд-сайта*», или *склонность к предвзятой*

оценке, что, на наш взгляд, является более точным термином. С позиций психологов, предложивших в качестве объяснения проявления феномена моральной удачи данную модель, в случае наблюдения случайного причинения вреда агентом наблюдатель склонен к пересмотру либо состояния агента, либо стандарта собственного поведения в аналогичной ситуации [4; 5; 15; 19]. Так, например, в случае с трагедией с детьми в листве большинство наблюдателей пришло бы к выводу, что ездить по кучам с листвой может быть небезопасно, так как в ней может прятаться ребенок.

Любопытной в рамках исследования склонности к предвзятой оценке является находка, подтвержденная в ряде исследований на взрослых и детских выборках, согласно которой атрибутивность намеренности действий агента положительно связана с уровнем причиненного агентом вреда, то есть люди склонны приписывать намеренность действиям агента в случаях, когда результат его действий приносит больший вред [19]. Также ряд данных показал, что в ситуациях нанесения случайного, но сильного вреда испытуемые более склонны к моральному осуждению, чем в случаях случайного, но не сильного вреда, вызванного действиями агента [5; 15]. Также показано, что более вредоносный результат чаще оценивается как более предсказуемый («человек должен был это предусмотреть/предвидеть») и, соответственно, подвергается большему порицанию [5; 15; 19].

Следующий подход, не менее дискуссионный, постулирует, что ход моральных суждений в отношении агента, нанесшего вред, определяется эмоциональным рельефом, возникающим в ответ на фактический результат случайных действий агента.

В серии исследований было обнаружено, что чем более негативным был результат действия агента, тем большее осуждение он получал, а также тем скорее его склонны были наказывать [6]. Одним из объяснений таким оценкам является то, что эмоциональная реакция, вызванная результатом действия индивида, является своего рода информационным источником, влияющим на качество морального суждения и степень наказания агента действия [14]. Иными словами, качество морального суждения результата действий агента прямо связано с вызванным им аффектом.

В целом вышеприведенные модели находят эмпирические подтверждения, однако не дают общего исчерпывающего объяснения ни проявлению феномена моральной удачи, ни характеру его вариативности. Факт разрозненности существующих моделей, отсутствие интегрированного объяснительного подхода к психологическим механизмам на поле психологии морали способствуют появлению новых исследований и продолжению дискуссии вокруг феномена моральной удачи. В основе данного исследования стоит проблема зависимости моральной оценки от вариативности уровня контроля и результата действия, а также роль эмоций в моральных значениях. Целью настоящей работы является, прежде всего, получение недостающих на сегодняшний день эмпирических данных по характеру вариативности вынесения наказания в зависимости от таких переменных, как: эмоции в сторону агента и результата его действий; сочувствие

и личное осуждение; уровень контроля агентом своих действий; обстоятельства; степень нанесенного вреда. Также мы надеемся увидеть связь между моральной оценкой поступка агента и вынесенным ему наказанием.

Метод

Схема проведения исследования.

Участников просили ознакомиться с пятью моральными ситуациями (виньетками) — А, Б, В, Г и Д и ответить на вопросы после каждой из ситуаций. Ответы необходимо было прислать на почту исследователю. Виньетки различаются по ряду показателей (переменных), а именно: уровень контроля агентом своих действий; обстоятельства, которые повлияли на результат; личные качества; результат или вред от действий агента. При этом мы разделяем контроль на подтипы: а) общий контроль¹; б) до-ситуативный контроль²; в) ситуативный контроль³. Также мы разделяем обстоятельства на подтипы: а) обстоятельства, обусловленные действиями агента; б) обстоятельства, обусловленные средой, незнакомой агенту. Вред мы также делим на подтипы: а) отсутствие вреда; б) поправимый вред; в) непоправимый вред.

Участникам были представлены следующие виньетки:

Ситуация А. (Низкий ситуативный контроль — обстоятельства среды — непоправимый вред). *Водитель А по неизвестной причине проехала по куче с лившей и случайно сбила насмерть детей,*

¹ Перманентное состояние, обусловленное свойствами личности.

² Временное состояние, в котором агент находился во время события, но причины которого находятся за пределами события.

³ Временное состояние, в котором агент находился во время события, обусловленное обстоятельствами самого события.

которые прятались внутри кучи⁴ [9].

Ситуация Б. (Высокий уровень доситуативного контроля — отсутствие вреда). *Водитель Б, зная из СМИ о случившемся с водителем А, проехал по куче с листвой на обочине дороге. В листве не оказалось спрятавшихся детей, никто не пострадал.*

Ситуация В. (Низкий доситуативный контроль — обстоятельства действий агента — поправимый вред). *Водитель В очень торопилась в больницу к собственному ребенку, который находится на грани жизни и смерти, и не заметила вовремя инвалида-колясочника, пересекающего нерегулируемый пешеходный переход⁵. Человек получил сотрясение мозга и сильные ушибы.*

Ситуация Г. (Низкий доситуативный контроль — обстоятельства действий агента — непоправимый вред). *Водитель Г сел за руль будучи в крайне агрессивном состоянии после конфликта на работе, в процессе вождения не сразу заметил школьника, перебегающего дорогу в неположенном месте. Мальчик скончался в больнице спустя двое суток.*

Ситуация Д. (Низкий уровень общего контроля — непоправимый вред). *Бабушка, оставшись с 4-летней внучкой, не усмотрела за девочкой, когда та нашла яркую бутылочку с чистящим средством и попила из нее. Ребенок был доставлен в реанимацию. По словам врачей, девочка вряд ли выживет.*

К каждой виньетке прилагался пул вопросов из пяти блоков: эмоции к агенту; эмоции к последствиям, то есть результату действий агента; наказание и порицание; моральная оценка; личное

осуждение; сочувствие. Участников просили отметить подходящий ответ галочкой или выделением. Вопросы были следующими:

Какие эмоции у Вас вызывает водитель⁶? (Блок «эмоции к агенту»)

- Радость
- Удивление
- Грусть
- Злость
- Отвращение
- Презрение
- Страх
- Другие эмоции
- Не испытываю никаких эмоций по отношению к водителю

Какие эмоции у Вас вызывает результат действий водителя? (Блок «эмоции к результату действий»)

- Радость
- Удивление
- Грусть
- Злость
- Отвращение
- Презрение
- Страх
- Другие эмоции
- Не испытываю никаких эмоций по отношению к результату действий водителя

Считаете ли Вы, что в данной ситуации: (Блок «наказание и порицание»)

- Водитель не требует порицания и наказания
- Водитель требует порицания и легкого наказания (штраф, исправительные работы)
- Водитель требует порицания и серьезного наказания (уголовная ответственность, лишение свободы)

⁴ Ситуация основана на реальных событиях.

⁵ Переход, не оборудованный светофором, обозначенный специальным знаком и зеброй (или светофор не работает или выключен). Водитель обязан пропускать пешехода на таком переходе.

⁶ В кейсе Д здесь и далее указано «бабушка».

Считаете ли Вы, что: (Блок «моральная оценка»)

- Поступок водителя соответствует правилам морали (моральный поступок)
- Поступок водителя не соответствует правилам морали (аморальный поступок)
- Затрудняюсь ответить⁷

Осуждаете ли Вы водителя? (Блок «личное осуждение»)

- Я лично осуждаю водителя
- Я лично не осуждаю водителя
- Сочувствуете ли Вы водителю?

(Блок «сочувствие»)

- Я сочувствую водителю
- Я не сочувствую водителю

Ответы кодировались следующим образом. В обоих блоках вопросов касательно эмоций: 0 — не испытываю эмоции; 1 — указана одна и более эмоций. Также по каждой эмоции в обоих блоках: 0 — эмоция не указана; 1 — эмоция обозначена. В блоке «наказание и порицание»: 0 — не требует наказания; 1 — требует легкого наказания; 2 — требует серьезного наказания. Блок моральной оценки: моральный поступок — 0; аморальный — 1; затрудняюсь ответить — 2. Блок личного осуждения: 0 — не осуждаю; 1 — осуждаю. Блок сочувствия: 0 — не сочувствую; 1 — сочувствую. Результаты обрабатывались с помощью описательной статистики и построения таблиц сопряженности в программе JASP.

Выборка. Выборку составили 54 человека (28 мужчин) в возрасте от 18 до 45 лет (средний возраст $M=26,2$). Среди участников были студенты, программисты, научные сотрудники, преподаватели, специалисты в финансовой сфере. Участие в исследовании было добровольным, испытуемым гарантировалась

конфиденциальность их ответов. Опрос предлагалось пройти удаленно, выслав заполненный бланк с ответами на электронный адрес.

Методы. В качестве стимульного материала использовались авторские виньетки, а также ситуация, основанная на реальных событиях, которая описана в исследованиях Дж. Мартина и Ф. Кушмана [9].

Результаты

Анализ частот по блокам и кейсам показал, что в каждом кейсе в блоках эмоций большинство испытывают эмоции как к агенту, так и к результатам действия агента (см. рис. 1, табл. 1).

В ситуации Б отмечено наименьшее количество респондентов, которые испытали эмоцию к результатам действий агента ($M=0,667$). За исключением ситуации Б во всех ситуациях грусть явилась наиболее часто встречающейся эмоцией по отношению к агенту и к результату действий агента (см. рис. 2). Наибольшее эмоциональное разнообразие по отношению к агенту отмечено в ситуации Б, в частности, удивление (44%), грусть (7%), злость (41%), отвращение (19%), презрение (41%), страх (22%). При этом эмоция злости по отношению к агенту из кейса Б, отмеченная у 41% участников, является самой частой среди данной эмоции в эмоциональных откликах на агентов других кейсов. Также разнообразный эмоциональный отклик вызвал агент в кейсе Г, где были зафиксированы грусть (48%), злость (22%), отвращение (19%), презрение (15%), страх (19%).

⁷ На этапе апробации и сбора экспертных оценок большая часть экспертов заявила, что ответ на данный вопрос может вызывать значительные затруднения, в связи с чем в данный блок был добавлен вариант ответа «затрудняюсь ответить».

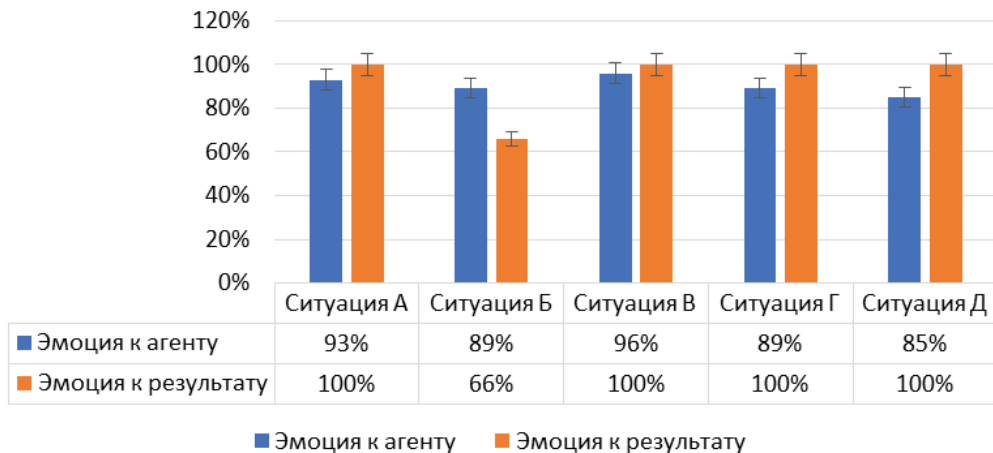

Рис. 1. Распределение частот ответов в блоках «эмоции к агенту» и «эмоции к результату действий»

Таблица 1

Результаты анализа частот по блокам и кейсам «эмоции к агенту» и «эмоции к результату действий»

Значение показателя	Кейс А		Кейс Б		Кейс В		Кейс Г		Кейс Д	
	ЭмАг	Эм-Рез	ЭмАг	Эм-Рез	ЭмАг	Эм-Рез	ЭмАг	Эм-Рез	ЭмАг	Эм-Рез
Допустимое	54	54	54	54	54	54	54	54	54	54
Недостающее	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	1,000	0,926	0,889	0,667	0,963	1,000	0,889	1,000	0,852	1,000
Стандартное отклонение	0,000	0,264	0,317	0,476	0,191	0,000	0,317	0,000	0,359	0,000

Примечания: ЭмАг – блок «эмоции к агенту»; ЭмРез – блок «эмоции к результату действий агента».

Наибольшее эмоциональное разнообразие в блоке «эмоции к результату действий агента» отмечено в ситуации А, среди которых – удивление (19%), грусть (89%), злость (22%), отвращение (7%), страх (30%). Также разнообразный эмоциональный отклик вызвал результат действий агента в кейсе В (см. рис. 2), где были зафиксированы радость (4%), удивление (4%), грусть (89%), злость (4%), отвращение (7%), страх (7%). Поступок агента в кейсе Г вызвал страх у

33% участников, что является рекордным по данной эмоции по всем кейсам. В строке «другие эмоции» незначительное количество участников обозначили эмоции в блоке эмоций к агенту и его результатам (4% и 7% соответственно), причем большинство из которых повторяли эмоции в списке. Таким образом, эти данные были проигнорированы нами на этапе обработки.

Оценки участников в блоке наказания и порицания агентов довольно раз-

нообразны (рис. 3, табл. 2). В ситуации А (низкий уровень ситуативного контроля — непоправимый вред) большинство респондентов считают, что водитель достоин наказания (44% — легкого и 30% — серьезного). В ситуации Б (высокий уровень ситуативного контроля — отсутствие вреда) 70% считают, что водитель не требует наказания, 26% отмечают, что водитель достоин порицания и легкого наказания, а 4% за серьезное наказание. Эти результаты отличаются от полученных в исследовании Дж. Мартина и Ф. Кушмана [9]. В ситуации В (низкий уровень контроля, обстоятельства — поправимый вред) большинство респондентов (97%) считает, что водитель заслужил порицания или наказания (60% — легкое наказание, 37% — серьезное). В ситуации Г (низкий уровень доситуативного контроля, обстоятельства — непоправимый вред) большинство респондентов (89%) считает, что водитель заслужил порицания или наказания (22% — легкое наказание, 67% — серьезное). В ситуации Д (низкий уровень общего контроля — непоправимый вред) 30% считают, что бабушка за-

служила порицания со стороны семьи или легкого наказания, 18% строго наказали бы бабушку.

По всем кейсам в блоке моральной оценки наиболее часто участники отвечали, что затрудняются дать моральную оценку агенту (см. рис. 4, табл. 3). В ситуации А 48% участников считают поступок аморальным. В ситуациях Б и Г наименьшее количество (37% и 44% соответственно) участников, считающих поступок аморальным. В ситуациях В и Д наибольшее количество участников на данный вопрос ответили, что считают данный поступок аморальным (56% и 59% соответственно).

В блоке личного осуждения ситуации А зафиксирована наименьшая частота по осуждению водителя (37%) (рис. 5, табл. 4). В ситуациях Б и Г наибольшее количество участников (63% и 66% соответственно) лично осуждают агента. В ситуации В личное осуждение выражают 52% участников. В ситуации Д личное осуждение выражают 41% участников.

Абсолютно все участники (100%) отметили выражение сочувствия по отношению к ба-

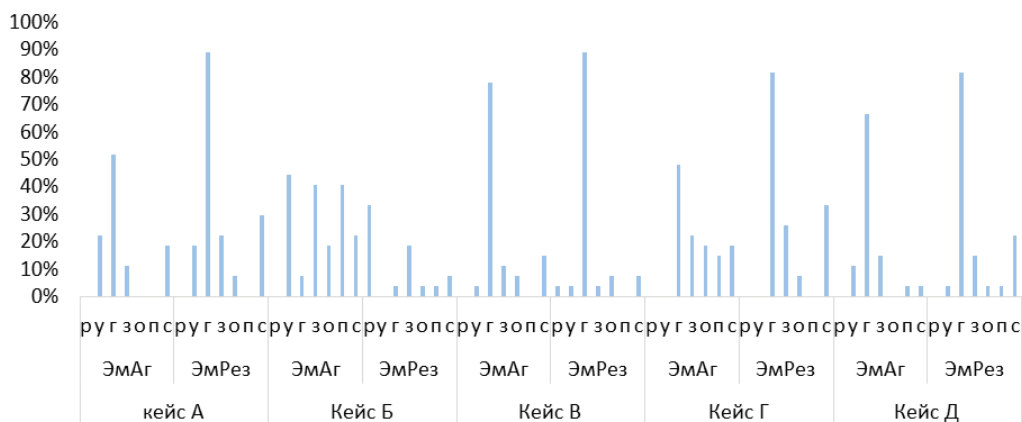

Рис. 2. Количественное выражение эмоций к агенту и результату действий агента: р — радость; у — удивление; г — грусть; з — злость; о — отвращение; п — презрение; с — страх; ЭмАг — блок «эмоции к агенту»; ЭмРез — блок «эмоции к результату действий агента»

Рис. 3. Распределение частот в блоке «наказание и порицание»

Таблица 2

Результаты обработки ответов в блоке «наказание и порицание»

Значение показателя	Блок «наказание и порицание»				
	Кейс А	Кейс Б	Кейс В	Кейс Г	Кейс Д
Допустимое	54	54	54	54	54
Недостающее	0	0	0	0	0
Среднее	1,037	0,333	1,333	1,556	0,667
Стандартное отклонение	0,751	0,549	0,549	0,691	0,777

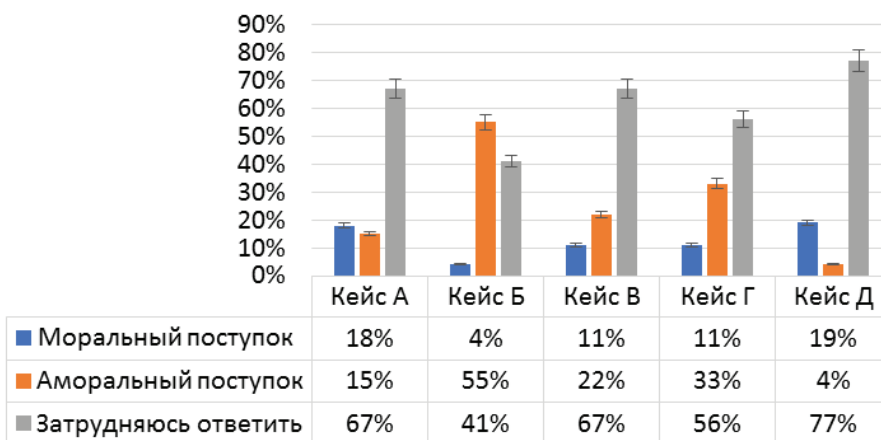

Рис. 4. Распределение частот в блоке «моральная оценка»

Таблица 3

Результаты обработки ответов участников в блоке «моральная оценка»

Значение показателя	Блок «моральная оценка»				
	Кейс А	Кейс Б	Кейс В	Кейс Г	Кейс Д
Допустимое	54	54	54	54	54
Недостающее	0	0	0	0	0
Среднее значение	1,481	1,370	1,556	1,444	1,593
Стандартное отклонение	0,795	0,560	0,691	0,691	0,790

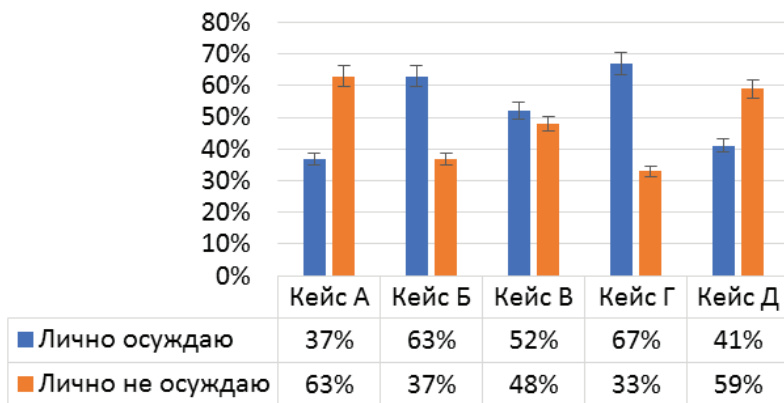

Рис. 5. Распределение частот в блоке «личное осуждение»

Таблица 4

Результаты обработки ответов участников в блоке «личное осуждение»

Значение показателя	Блок «личное осуждение»				
	Кейс А	Кейс Б	Кейс В	Кейс Г	Кейс Д
Допустимое	54	54	54	54	54
Недостающее	0	0	0	0	0
Среднее значение	0,370	0,630	0,519	0,667	0,407
Стандартное отклонение	0,487	0,487	0,504	0,476	0,496

бушке в ситуации Д (рис. 6, табл. 5). Ситуация А вызвала сочувствие к агенту среди 93% участников. Сочувствие к водителю в ситуации В испытали 89%. В ситуации Г сочувствие к водителю испытали 63%. В ситуации Б водителю сочувствуют реже всего (11%).

Анализ с помощью таблиц сопряженности показал значимую связь между наказанием в кейсах А и Д ($X^2=18,999$, $p<0,01$) и в кейсах В и Г ($X^2=19,050$, $p<0,01$).

Обнаружены также связи между моральной оценкой в кейсах А и Б ($X^2=11,880$, $p<0,05$); А и В ($X^2=44,767$, $p<0,01$); А и Д ($X^2=55,200$, $p<0,01$); Б и В ($X^2=19,964$, $p<0,01$); В и Г ($X^2=35,333$, $p<0,01$); Г и Д ($X^2=38,057$, $p<0,01$).

Связь между личным осуждением обнаружена в кейсах А и В ($X^2=18,516$, $p<0,01$); В и Г ($X^2=9,495$, $p<0,05$); А и Д ($X^2=4,880$, $p<0,05$).

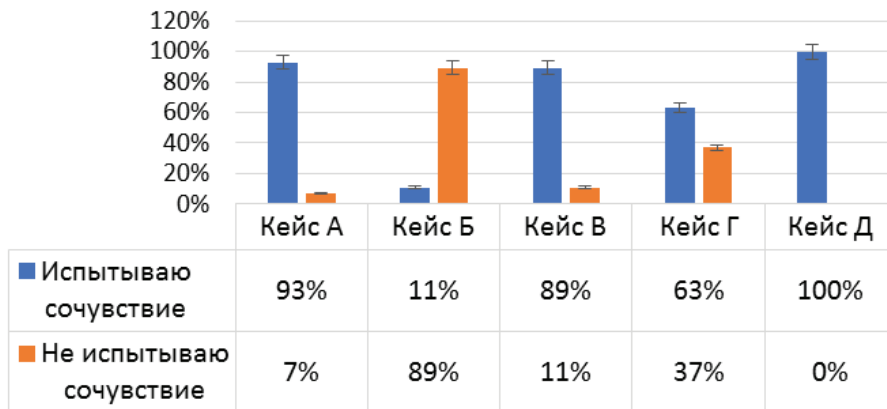

Рис. 6. Распределение частот в блоке «сочувствие к агенту»

Таблица 5

Результаты обработки ответов в блоке «сочувствие к агенту»

Значение показателя	Блок «сочувствие»				
	Кейс А	Кейс Б	Кейс В	Кейс Г	Кейс Д
Допустимое	54	54	54	54	54
Недостающее	0	0	0	0	0
Среднее значение	0,926	0,111	0,889	0,630	1,000
Стандартное отклонение	0,264	0,317	0,317	0,487	0,000

Обнаружена связь в выражении сочувствия в кейсах В и Г ($X^2=11,475$, $p<0,01$); А и Д ($X^2=39,185$, $p<0,001$).

В кейсе Г существует значимая связь между эмоциями к результату действий агента и личным осуждением агента ($X^2=6,000$, $p<0,05$). Влияние эмоций к результату действий агента на наказание и порицание было обнаружено в кейсе Б ($X^2=12,316$, $p<0,05$) и в кейсе В ($X^2=25,333$, $p<0,01$).

Обнаружена связь между моральной оценкой и наказанием в кейсах Б ($X^2=18,322$, $p<0,05$); В ($X^2=22,762$, $p<0,01$); Д ($X^2=9,856$, $p<0,05$).

Обнаружена значимая связь между личным осуждением и наказанием в кейсах А ($X^2=6,370$, $p<0,05$) и Д ($X^2=11,278$, $p<0,05$).

Обнаружена связь между эмоциями к агенту и выражением сочувствия в кейсах А ($X^2=11,426$, $p<0,01$); В ($X^2=16,615$, $p<0,01$); Д ($X^2=26,741$, $p<0,01$).

Связи между оценками в выражении сочувствия и вынесении наказания статистически не значимы ни в одной из виньеток.

Обсуждение результатов

Полученные результаты отчасти подтверждают имеющиеся в литературе данные о том, что моральная оценка и степень наказания меняются в зависимости от последствий, от обстоятельств и личных качеств субъекта действия [5; 6; 15]. В то же время полученные нами результаты демонстрируют высокую чувствительность

оценки наказания и порицания агента в зависимости от личного осуждения, эмоций в сторону агента и результата его действий, степени контроля агентом своих действий и нанесенного в результате действий вреда. По всей видимости, такая чувствительность обеспечивает подвижность ментальной модели вынесения морального суждения.

Мы видим, что наказание получают агенты во всех случаях, где в результате их действий был нанесен вред. Отметим сразу, что агент в виньетке Б с высоким уровнем ситуативного контроля, чьи действия потенциально могут нанести вред, вызывает наиболее смешанные негативные эмоции, частые негативную моральную оценку и личное осуждение, получает легкое наказание в трети случаев ответов. Отметим, что это является самой низкой средней среди ответов в категории «наказание и порицание». Очевидно, согласно определению в литературе, это является проявлением феномена моральной удачи результата [12; 16]. Напомним, речь идет о ситуации, где агент проезжает по листе, будучи осведомленным о недавней случайной смерти детей по вине водителя, также проехавшего по листе. Также в данном случае ошибка хиндсайта исключается в качестве причины проявления феномена моральной удачи последствий. В то же время негативные моральные оценки и высокий уровень личного осуждения наталкивают на вывод о том, что ввиду отсутствия общепринятой объективной системы наказания в таких случаях субъективная мораль является компенсаторным механизмом выражения наказания.

Стоит также сказать, что наши результаты в части наказания в ситуациях А и Б отличаются от полученных в исследовании Дж. Мартина и Ф. Кушмана [11]. Так, в ситуации А наши участники наказывают в 74% случаев против 94% — в амери-

канском исследовании [11]. В ситуации Б, видоизмененной нами в части уровня контроля, который повысился за счет осведомленности, наши участники не наказывают в 70%, тогда как коллегами было зафиксировано 85% таких ответов [11].

Результаты показали, что степень наказания варьируется в зависимости от обстоятельств и уровня контроля агента. Причем в ситуациях, где вред от результата действия непоправимый, а ситуативный контроль действия агента низкий вследствие обстоятельств среды (водитель А не догадывалась, что в куче с листвой могут прятаться дети) или по причине личностных характеристик агента, например, возраста, агента не наказывают или наказывают легко (в кейсе Д бабушка, которая не усмотрела за малолетней внучкой). Строгое наказание получают агенты, которые совершают действие под влиянием низкого доситуативного уровня контроля вне зависимости от степени нанесенного вреда (в кейсах В и Г, где водители были эмоционально возбуждены и, как следствие, их действия закончились неблагоприятно).

Выяснилось, что негативные эмоции смешанного характера могут быть связаны с наказанием и личным осуждением вне зависимости от результата действий агента. Интенсивность негативных эмоций, как и личное осуждение по отношению к агенту и/или результату действий агента в основном обуславливается уровнем контроля агента, в частности в ситуациях с высоким ситуативным или низким доситуативным уровнем контроля. В тех же самых ситуациях, где, согласно результатам, агент или результат его действий вызвали наибольшее разнообразие эмоций, найдена также связь между моральной оценкой и наказанием, а также между сочувствием и наказанием.

Таким образом, можно подтвердить роль эмоций в проявлении искажения мо-

рального суждения в условиях, где независимо от результата агент с большой вероятностью может нанести вред или обладает низким уровнем доситуативного контроля (временно эмоционально нестабилен по причинам, выходящим за рамки текущих обстоятельств). При этом мы не готовы отнести данный вид искажения ни к одному из описанных в литературе видов феномена моральной удачи. Также полученные данные о характере влияния базовых эмоций наталкивают на идею исследования влияния более сложных социальных эмоций, таких как стыд, вина, фрустрация и пр.

Интересно, что в большинстве случаев участники затрудняются оценить моральность поступка агента, несмотря на частоту личного осуждения и в отдельных случаях — степень наказания. Как мы уже отмечали, чаще всего негативную моральную оценку получал агент Б вкупе с редким и легким наказанием. Видимо, в случаях, когда моральная оценка и личное осуждение не связаны со степенью выносимого наказания, мы, вероятно, встречаемся с рассогласованием механизмов конвенциональной, общественной морали, представленной законодательной формой юридического наказания и интуитивно-эмоциональной оценочной системой, обусловленной внутренней нравственной системой правил личности. Данная позиция о различиях в своде внутренних нравственных правил и внешнего проявления моральных оценок и наказания представлена в литературе [1].

Мы также увидели, что выражение сочувствия меняется в зависимости от уровня контроля агентом своих действий и обстоятельств. Выражение сочувствия связано с эмоциональным откликом на агента и не связано с моральной оценкой, личным осуждением и наказанием. Так, агент даже при нанесении непоправимого вреда может вызывать сочувствие и осуждаться одновременно, при этом не получать наказа-

ния или получать легкое наказание. Чаще всего сочувствие встречает агент с низким уровнем общего контроля. Реже всего сочувствие получает агент, чьи действия совершаются с высокой степенью ситуативного контроля. Можно предполагать, что феномен моральной удачи личных качеств, который здесь, по всей видимости, имеет место быть, может проявляться наиболее отчетливо в ситуациях, где личность агента наделена перманентным свойством, понижающим уровень его общего контроля.

Заключение

Обобщая полученные результаты, скажем, что моральное суждение или вынесение наказания в разнообразных ситуациях со случайными последствиями вряд ли может объясняться склонностью к предвзятой оценке или исключительно эмоциональным влиянием.

На наш взгляд, вынесение морального суждения или наказания является гибкой ментальной многосоставной системой, функционально предназначенной под когнитивную адаптацию системы наказания как таковой. С психологической позиции под феноменом моральной удачи мы понимаем сдвиг морального суждения в ситуациях случайных последствий поступка деятеля или агента. В основе сдвига морального суждения стоит априорное допущение или установка необходимости наказания за поступок, который не вписывается в нормы. Качественным компонентом в модели сдвига морального суждения является вариативность и интенсивность негативных эмоций по отношению к агенту и/или его поступку. В свою очередь, влияние на эмоциональный отклик в основном оказывает уровень контроля, который либо представит агента жертвой обстоятельств, либо обеспечит ему намерение. Сниженный уро-

вень контроля, обусловленный личными качествами или неопределенностью среды, сдвигает суждение в сторону смягчения наказания, а повышенный уровень контроля обеспечивает сдвиг суждения в сторону более строгого наказания. Мы считаем уровень контроля, характерный вышеприведенному описанию, третьим компонентом модели сдвига морального суждения. Сдвиг морального суждения или проявление феномена моральной удачи наблюдается только при наличии всех трех компонентов. Можно сказать, что моральная удача всегда относительна.

Роль результата действий агента в сдвиге морального суждения или наказания, по нашему мнению, является вторичной или, как минимум, неоднозначной. По нашему мнению, моральная оценка и личное осуждение являются компенсаторными инструментами наказания в случае, когда объективная (законодательная) система осуждения не предоставляет возможности для выражения наказания и порицания. Чаще всего это будет проявляться в случаях факта нанесенного измеримого вреда. Моральная оценка и личное осуждение являются универсальным наказанием в форме выражения личного отношения к агенту, которое сформировано под влиянием эмоций в ответ на его действия вне зависимости от их последствий.

В настоящей работе мы произвели попытку изучить вариативность вынесения морального суждения в зависимости от обстоятельств ситуации и теоретически обобщить механизм сдвига морального суждения в ситуациях вынесения наказания как проявления частного случая феномена моральной удачи. Объем полученных данных наряду с целью нашей работы на данном этапе ограничивают возможность разработки комплексного теоретического подхода к изучению феномена моральной удачи с точки зрения работы психики. Вместе с тем результаты анализа полученных нами данных весьма уверенно подталкивают нас к продолжению изучения вариативности сдвига морального суждения в рамках понятия феномена моральной удачи. Так, нам представляется необходимым провести дальнейшее исследование вариативности влияния сложных социальных эмоций на моральную оценку на большей выборке и с применением виньеток и вопросов более широкого ценностно-смыслового спектра. На наш взгляд, такое исследование в интеграции с полученными данными в настоящей работе позволит провести более детальный и глубокий теоретический анализ проблемы и сформулировать комплексную качественную модель работы психологических механизмов феномена моральной удачи.

Литература

1. Ким И.О., Минияров В.М., Иванов Д.В. Понятие моральных представлений в отечественной и зарубежной психологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 3. № 4(44). С. 146–150.
2. Прокофьев А.В. Этика Л.Н. Толстого в контексте теории моральной удачи // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 1(29). С. 52–67.
3. Черняк А.З. Моральная удача // Философско-литературный журнал «Логос». 2009. № 2(70). С. 151–173.
4. Alicke M.D., Davis T.L. The role of a posteriori victim information in judgments of blame and sanction // Journal of Experimental Social Psychology. 1989. Vol. 25(4). P. 362–377. DOI:10.1016/0022-1031(89)90028-0
5. Baron J., Hershey J.C. Outcome bias in decision evaluation // Journal of personality and social psychology. 1988. Vol. 54(4). P. 569. DOI:10.1037/0022-3514.54.4.569

6. Carlsmith K.M., Darley J.M., Robinson P.H. Why do we punish? Deterrence and just deserts as motives for punishment // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83(2). P. 284. DOI:10.1037/0022-3514.83.2.284
7. Cushman F. et al. Accidental outcomes guide punishment in a “trembling hand” game // *PloS one*. 2009. Vol. 4(8). P. e6699. DOI:10.1371/journal.pone.0006699
8. Cushman F. Crime and punishment: Distinguishing the roles of causal and intentional analyses in moral judgment // *Cognition*. 2008. Vol. 108(2). P. 353–380. DOI:10.1016/j.cognition.2008.03.006
9. Cushman F., Greene J.D. Finding faults: How moral dilemmas illuminate cognitive structure // *Social neuroscience*. 2012. Vol. 7(3). P. 269–279. DOI:10.1080/17470919.2011.614000
10. Gino F., Shu L.L., Bazerman M.H. Nameless+harmless=blameless: When seemingly irrelevant factors influence judgment of (un) ethical behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2010. Vol. 111(2). P. 93–101. DOI:10.1016/j.obhdp.2009.11.001
11. Martin J.W., Cushman F. The adaptive logic of moral luck // *The Blackwell companion to experimental philosophy*. 2016. P. 190–202. DOI:10.1002/9781118661666.ch12
12. Nagel T. *Mortal Questions*. NY: Cambridge University Press, 1979.
13. Saxe R., Kanwisher N. People thinking about thinking people: the role of the temporo-parietal junction in “theory of mind” // *Neuroimage*. 2003. Vol. 19(4). P. 1835–1842. DOI:10.1016/S1053-8119(03)00230-1
14. Slovic P. et al. The affect heuristic // *European journal of operational research*. 2007. Vol. 177(3). P. 1333–1352. DOI:10.1016/j.ejor.2005.04.006
15. Tostain M., Lebreuilly J. Rational model and justification model in ‘outcome bias’ // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38(2). P. 272–279. DOI:10.1002/ejsp.404
16. Williams B. *Moral Luck*. NY: Cambridge University Press, 1981.
17. Wolff I. Retaliation and the role for punishment in the evolution of cooperation // *Journal of theoretical biology*. 2012. Vol. 315. P. 128–138. DOI:10.1016/j.jtbi.2012.09.012
18. Young L. et al. Disruption of the right temporoparietal junction with transcranial magnetic stimulation reduces the role of beliefs in moral judgments // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107(15). P. 6753–6758. DOI:10.1073/pnas.0914826107
19. Young L., Nichols S., Saxe R. Investigating the neural and cognitive basis of moral luck: It’s not what you do but what you know // *Review of Philosophy and Psychology*. 2010. Vol. 1(3). P. 333–349. DOI:10.1073/pnas.0914826107
20. Young L., Saxe R. The neural basis of belief encoding and integration in moral judgment // *Neuroimage*. 2008. Vol. 40(4). P. 1912–1920. DOI:10.1016/j.neuroimage.2008.01.057
21. Young L. et al. The neural basis of the interaction between theory of mind and moral judgment // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104(20). P. 8235–8240. DOI:10.1073/pnas.0701408104

References

1. Kim I.O., Miniyarov V.M., Ivanov D.V. Ponyatie moral’nykh predstavlenii v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii [The concept of moral representations in domestic and foreign psychology]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University*, 2012. Vol. 3, no. 4(44), pp. 146–150. (In Russ.).
2. Prokofev A.V. Etika L.N. Tolstogo v kontekste teorii moral’noi udachi [Tolstoy’s ethics in the context of the theory of moral luck]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, no. 1(29), pp. 52–67. (In Russ.).
3. Chernyak A.Z. Moral’naya udacha [Moral luck]. *Filosofsko-literaturnyi zhurnal «Logos» = Philosophical Literary Journal Logos*, 2009, no. 2(70), pp. 151–173. (In Russ.).
4. Alicke M.D., Davis V.L. The role of a posteriori victim information in judgments of blame and sanction. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1989. Vol. 25, no. 4, pp. 362–377. DOI:10.1016/0022-1031(89)90028-0
5. Baron J., Hershey J.C. Outcome bias in decision evaluation. *Journal of personality and social psychology*, 1988. Vol. 54, no. 4, p. 569. DOI:10.1037/0022-3514.54.4.569

6. Carlsmith K.M., Darley J.M., Robinson P.H. Why do we punish? Deterrence and just deserts as motives for punishment. *Journal of personality and social psychology*, 2002. Vol. 83, no. 2, p. 284. DOI:10.1037/0022-3514.83.2.284
7. Cushman F. et al. Accidental outcomes guide punishment in a “trembling hand” game. *PloS one*, 2009. Vol. 4, no. 8, p. e6699. DOI:10.1371/journal.pone.0006699
8. Cushman F. Crime and punishment: Distinguishing the roles of causal and intentional analyses in moral judgment. *Cognition*, 2008. Vol. 108, no. 2, pp. 353–380. DOI:10.1016/j.cognition.2008.03.006
9. Cushman F., Greene J.D. Finding faults: How moral dilemmas illuminate cognitive structure. *Social neuroscience*, 2012. Vol. 7, no. 3, pp. 269–279. DOI:10.1080/17470919.2011.614000
10. Gino F., Shu L.L., Bazerman M.H. Nameless+harmless=blameless: When seemingly irrelevant factors influence judgment of (un) ethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2010. Vol. 111, no. 2, pp. 93–101. DOI:10.1016/j.obhdp.2009.11.001
11. Martin J.W., Cushman F. The adaptive logic of moral luck. *The Blackwell companion to experimental philosophy*, 2016, pp. 190–202. DOI:10.1002/9781118661666.ch12
12. Nagel T. *Mortal Questions*. NY: Cambridge University Press, 1979.
13. Saxe R., Kanwisher N. People thinking about thinking people: the role of the temporo-parietal junction in “theory of mind”. *Neuroimage*, 2003. Vol. 19, no. 4, pp. 1835–1842. DOI:10.1016/S1053-8119(03)00230-1
14. Slovic P. et al. The affect heuristic. *European journal of operational research*, 2007. Vol. 177, no. 3, pp. 1333–1352. DOI:10.1016/j.ejor.2005.04.006
15. Tostain M., Lebreuilly J. Rational model and justification model in ‘outcome bias’. *European Journal of Social Psychology*, 2008. Vol. 38, no. 2, pp. 272–279. DOI:10.1002/ejsp.404
16. Williams B. *Moral Luck*. Cambridge University Press, 1981.
17. Wolff I. Retaliation and the role for punishment in the evolution of cooperation. *Journal of theoretical biology*, 2012. Vol. 315, pp. 128–138. DOI:10.1016/j.jtbi.2012.09.012
18. Young L. et al. Disruption of the right temporoparietal junction with transcranial magnetic stimulation reduces the role of beliefs in moral judgments. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2010. Vol. 107, no. 15, pp. 6753–6758. DOI:10.1073/pnas.0914826107
19. Young L., Nichols S., Saxe R. Investigating the neural and cognitive basis of moral luck: It’s not what you do but what you know. *Review of Philosophy and Psychology*, 2010. Vol. 1, no. 3, pp. 333–349. DOI:10.1073/pnas.0914826107
20. Young L., Saxe R. The neural basis of belief encoding and integration in moral judgment. *Neuroimage*, 2008. Vol. 40, no. 4, pp. 1912–1920. DOI:10.1016/j.neuroimage.2008.01.057
21. Young L. et al. The neural basis of the interaction between theory of mind and moral judgment. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2007. Vol. 104, no. 20, pp. 8235–8240. DOI:10.1073/pnas.0701408104

Информация об авторах

Юдина Татьяна Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Институт общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-7636>, e-mail: judinatyana@gmail.com

Information about the authors

Tatiana O. Yudina, PhD in Psychology, Associate Professor, Institute of Social Science, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3692-7636>, e-mail: judinatyana@gmail.com

Получена 27.07.2020

Received 27.07.2020

Принята в печать 02.09.2021

Accepted 02.09.2021

Социально-психологический портрет российского IT-предпринимателя

Абрамова О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-3511>, e-mail: oabramova@hse.ru

Цель. Выявление социально-психологических, личностных и культурных особенностей IT-предпринимателей в России.

Контекст и актуальность. Цифровая трансформация экономики акцентирует внимание общества на новых технологиях. IT-предпринимательство становится желаемой карьерой молодого поколения. Технологическое лидерство страны зависит от социально-психологических и личностных характеристик и установок успешных IT-предпринимателей, а комплексные исследования предпринимателей в IT-сфере в России — редкость.

Дизайн исследования. Социально-психологический портрет современного IT-предпринимателя сформирован с использованием качественных методов исследования на основе социально-психологических и личностных характеристик (внутренний локус контроля, самоактуализация, склонность к риску, установка на достижения), включая ценностные ориентации (семья, творчество, деньги, самореализация) и культурные предпочтения. Рассмотрены один исследовательский вопрос и три гипотезы.

Участники. После предварительного отбора респондентов выбраны наиболее характерные представители предпринимательского социального слоя в IT — 14 предпринимателей-мужчин, владеющих бизнесом в сфере IT, в возрасте от 27 до 35 лет.

Методы (инструменты). Сбор данных проведен с использованием полуструктурированных глубинных интервью на методологической базе, разработанной С.А. Белановским. Для анализа данных выбран тематический анализ теоретического типа (аналитический) с шестиступенным алгоритмом работы с данными по рекомендациям В. Браун и В. Кларк.

Результаты. Представлен портрет создателя компании в сфере технологий: выявлены некомформность, независимость от семейных ценностей, высокая вовлеченность в работу, стремление к реализации своих целей в бизнесе, низкий интерес к культурным символам и событиям, нематериальная мотивация развития бизнеса. Отмечены отличия российского технологического предпринимателя от предпринимателя в России в целом (семейные и материальные ценности), а также отличия от западных предпринимателей новой волны (некомформность). Все гипотезы подтвердились.

Основные выводы. Российский IT-предприниматель демонстрирует схожие черты в сравнении с современными предпринимателями в других странах. Отличительными особенностями технологического предпринимателя от российских предпринимателей не IT-сферы можно назвать: низкую значимость денег и материального статуса, спокойное отношение к семейным ценностям.

Ключевые слова: социально-психологический портрет, IT-предприниматель, лидерство, ценностные ориентации предпринимателя.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: *Абрамова О.А.* Социально-психологический портрет российского IT-предпринимателя // *Социальная психология и общество.* 2021. Том 12. № 3. С. 188–204. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120312>

Socio-Psychological Portrait of Russian IT Entrepreneur

Olga A. Abramova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-3511>, e-mail: oabramova@hse.ru

Objectives: *to reveal the socio-psychological, personal, and cultural characteristics of Russian IT entrepreneurs.*

Background. *The digital transformation of the economy focuses on new technologies and involves more people. IT entrepreneurship is becoming a desired career of the younger generation in Russia. The country's technological leadership depends on psychosocial and personality characteristics and attitudes of successful IT entrepreneurs. Nevertheless, research of Russian entrepreneurs in the IT sector is rare.*

Study design. *Using qualitative research method the socio-psychological portrait of an IT entrepreneur is formed on the basis of socio-psychological and personal characteristics (internal locus of control, risk tolerance, achievement orientation), including value orientations: family, creativity, money, self-realization and cultural preferences. One research question and three hypotheses are considered.*

Participants. *After a preliminary selection of respondents, the most characteristic representatives of the IT entrepreneurial social group were selected: 14 male entrepreneurs, 27–35 year old – IT businesses' owners.*

Measurement. *Thematic analysis of the theoretical type was used to classify the data collected from in-depth semi-structured interviews using a six stage algorithm of V. Braun and V. Clarke.*

Results. *A portrait of the technological company's founder is presented: nonconformity, independence from family values, high involvement in the work, strong desire to achieve business goals, low interest in cultural symbols and events are revealed. Differences of a Russian technological entrepreneur from an entrepreneur in Russia as a whole (family and material values), as well as differences from a new wave of Western entrepreneurs (nonconformity) are noted. All hypotheses were confirmed.*

Conclusions. *Russian IT entrepreneur in our sample shares similar features with modern entrepreneurs in other countries. The distinguishing characteristics of Russian IT entrepreneur from Russian non-IT entrepreneurs include: low importance of money and material status, neutral attitude to family values.*

Keywords: *socio-psychological portrait, IT entrepreneur, leadership, value orientations, personality traits of entrepreneur, technological startup founder.*

Funding. *The article is an output of a research project implemented as a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).*

For citation: *Abramova O.A. Socio-Psychological Portrait of Russian IT Entrepreneur. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 188–204. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120312> (In Russ.).*

Введение

Социально-психологические исследования IT-предпринимателей являются базисом для понимания новой культуры цифровой трансформации общества. В России по-прежнему чувствуется недостаток информации о ценностных ориентациях, социальных установках, психологических особенностях и культурных аттитюдах предпринимателей нового формата, вышедших из технологической среды. Во всем мире технологические предприниматели вносят основной вклад в развитие экономики своей страны. Эти люди целеустремленно развивают свое дело, выживая в жесткой конкуренции за счет прорывных идей, узкой специализации и инноваций.

Таким образом, объект данного исследования — личностные и социально-психологические характеристики, в частности, ценностные ориентации, а также культурные аттитюды российских IT-предпринимателей как субъектов психологических отношений и их мотивация занятия предпринимательством. Предметом исследования являются особенности социально-психологических и личностных характеристик IT-предпринимателей, их культурных аттитюдов и мотивации в сравнении с предпринимателями, не связанными с IT-сферой.

Социально-психологические характеристики определены как эмоционально окрашенные представления и оценки внешних условий жизнедеятельности и активности как самого субъекта, так и его взаимодействия с другими субъектами [3]. Социальные взаимодействия выстраиваются на двух принципах: прагматичность (полезность, выгодность) и нравственность [5]. Эти принципы согласно ресурсно-ценностному подходу лежат в основе ценностных ориентаций

предпринимателя — предпочтительных способов взаимодействия с окружающей реальностью, его жизненных ориентиров, базой которых выступают сформированные ценности, нормы и аттитюды [3; 5]. Российские авторы называют изучение ценностных ориентаций личности как факторов, отвечающих за взаимоотношения, деловую активность, ответственность предпринимателей, первостепенной задачей социальной психологии [2; 5]. Культурные аттитюды предпринимателей в России также не изучались. Специфика российских IT-предпринимателей — неисследованное поле и новизна данной работы.

Для проведения исследования выбран Московский регион как субъект с наибольшими показателями экономического роста, которые коррелируют с высоким уровнем предпринимательского потенциала (например, в анализе 54 регионов [11]).

Сбор данных об успешных IT-предпринимателях в рамках настоящего исследования проведен до появления признаков пандемии в России. Под влиянием пандемии COVID-19 ускорилась оцифровка экономических процессов в России: онлайн-решения и автоматизация производств выводят IT-компании на первый план, поэтому выросла практическая значимость полученных результатов. Данное исследование полезно для поиска правильного психологического подхода и выбора адекватной аргументации в общении с IT-предпринимателями при проведении психологических, социологических исследований; в личной сфере; для представителей государственных и общественных организаций.

В России за последние 25 лет проведена серия исследований развития российского предпринимательства, разработана методологическая база изучения психо-

логических отношений предпринимателей. Выявлены региональные и гендерные особенности российского предпринимательства, рассмотрены психологические отношения в деловой сфере, включая типы деловой активности предпринимателей и их связь с успешностью; ответственность предпринимателей с учетом ценностных предпочтений; отношения с сотрудниками, партнерами, государственными институтами [2; 4; 5; 6; 7].

Большое внимание российскими исследователями уделялось ценностным ориентациям предпринимателей без специфики сферы деятельности, у которых выявлены доминирование значимости денег и надежности партнеров, позитивное отношение к риску и конкуренции, стремление к самореализации [3; 4]. Мотивы выбора предпринимательской деятельности: материальная обеспеченность, независимость и самостоятельность в работе, возможность реализовать свои способности [2]. Другие исследователи отмечают, что на первом месте у молодых предпринимателей (до 30 лет) креативно-альтруистические мотивы: быть полезным обществу и другим людям, заниматься саморазвитием и творческими задачами. Вторая по значимости мотивация — признание и комфорт: уважение знакомых и друзей, хорошая жизнь. Третий фактор мотивации — престиж в обществе: высокий статус, достижения и рост. И четвертый — индивидуалистические мотивы: свобода и независимость [24].

Внутри группы российских предпринимателей проявляются отличия по терминальным и инструментальным ценностным ориентациям в зависимости от степени деловой активности. Так, высокоактивные предприниматели, более удовлетворенные результатами своей работы, характеризуются более высокой

оценкой значимости денег и материальной обеспеченности, значимости семьи, независимости и самореализации. Также высокоактивные предприниматели дают более высокие оценки важности надежности партнеров, демонстрируя среднее доверие им, более позитивное отношение к риску и конкуренции, уверенность в будущем, спокойное отношение к риску, а к неудачам — как к возможностям. То есть препятствия высокоактивными предпринимателями встречаются с оптимизмом и желанием действовать креативно, что отличает их от низкоактивных предпринимателей, избегающих неудачи. Позитивное отношение к институтам власти при росте деловой активности также начинает умеренно расти [4; 6].

Индивидуальные характеристики российского предпринимателя включают: хорошее образование (10% лучших учеников в школе), высокие когнитивные способности, уверенность в себе, склонность к риску и алчность (нежелание остановиться после неожиданно высокого выигрыша в игре во время эксперимента). Предприниматели чаще остальных меняют сферу деятельности и переезжают. С. Дьянков с коллегами не нашли отличия предпринимателей от другого населения России в этнических характеристиках и религиозных верованиях [16]. Значимость социального окружения для занятия предпринимательством также высока: люди, чьи родственники и школьные друзья являются предпринимателями, с большей вероятностью выбирают тот же путь. Семьи, в которых росли предприниматели, более образованы, финансово обеспечены, и родители имеют лучшие позиции на работе по сравнению с семьями не предпринимателей [16].

Сравнение личностных черт предпринимателей с чертами остального на-

селения в *зарубежных исследованиях* показывает воспроизводимые результаты касательно ряда социально-психологических особенностей, присущих рассматриваемому типу поведения [11]. Так, высокая самоэффективность, потребность в достижениях, внутренний локус контроля, терпимость к риску, инновационность проявляются у предпринимателей независимо от культурных особенностей стран в большинстве исследований [24; 28]. Эти особенности дополняются целеустремленностью, трудоголизмом, умением выполнять множество задач и быстро принимать решения в ситуациях с высокой неопределенностью, распознавать возможности [13; 22; 28]. Доминирующая мотивация предпринимателя лежит в области нематериального: самореализация и желание оставить свой след [21]. Многие исследователи отмечают повышенный оптимизм предпринимательского слоя [21] и чрезмерную уверенность в себе [8] — эти качества позволяют им справляться с неопределенностью, идти на риск, выбирая проактивную модель поведения, но одновременно мешают верно оценить риски и потенциальный успех. Эти же качества могут препятствовать надежности исследований предпринимателей с использованием только самоотчета [8].

Личностные черты из списка Big Five (открытость опыту, осознанность, экстраверсия, эмоциональная стабильность) показывают положительную связь с предпринимательским намерением и предпринимательским успехом при метаанализе [13; 29; 31].

Отличительными чертами российских предпринимателей, в сравнении с зарубежными, можно назвать аттитюды к нечестной игре в бизнесе и коррупции. Российские предприниматели имеют меньшую щепетильность в оценке кор-

рупции по сравнению с не предпринимателями [16]. Также отличительными признаками российских предпринимателей называются высокая степень ориентации на собственные возможности, склонность к конкуренции, относительно низкий уровень доверия к государственным институтам [2; 5].

Если рассматривать отличия технологических предпринимателей от предпринимателей в целом, на настоящий момент можно выделить два подхода к этому вопросу. Первый — это изучение IT-предпринимателей как одной из подгрупп предпринимательской социальной группы. Второй, набирающий интерес в зарубежных изданиях, — рассмотрение IT-предпринимательства как эволюционной стадии развития предпринимательства.

Западные исследования показывают, что IT-предприниматели обладают теми же универсальными характеристиками, что и предприниматели в целом [9; 26]. Но есть культурные особенности: сравнительный анализ швейцарских и британских предпринимателей хайтек-индустрии показывает более высокие показатели автономии, склонности к риску и интернальности у британцев, а у швейцарцев — высокие значения потребности в достижениях, инновационности, уверенности в себе и умения действовать в условиях неопределенности [26].

Израильские психологи в качественном исследовании двух групп предпринимателей (в IT и вне IT) описывают общие и различные психологические паттерны поведения и анализируют предпосылки их формирования. Оба типа предпринимателей имеют схожие семьи, где у родителей были высокие ожидания в отношении достижений ребенка, недостаточная эмоциональная связь с ним, предоставленность ребенка самому себе. Такие дети выросли и стали трудо-

ликами, перфекционистами, независимыми и харизматичными лидерами. Но найдены и различия. Авторы отмечают, что паттерны «традиционного» предпринимателя — более ранние, и со временем они начинают замещаться паттернами поведения, присущими предпринимателям из IT-сферы. Такая эволюция предпринимательства — от выживания и создания продукта «из ничего», централизованной системы к постоянному совершенствованию продуктов, многоуровневому сервису, перфекционизму и сетевому горизонтальному развитию бизнеса — ожидаемая трансформация в период технологической революции [30]. IT-предприниматель видится как «лидер осознанного влияния», обладающий этическими нормами, техническими знаниями, гибкостью, эмоциональным интеллектом, способностью выдержать вызовы современности, ставить социальные интересы выше собственных, осознающий свое влияние и способный к командной работе. Инновационность, техническая грамотность, стратегическое мышление, продвинутое управленческие навыки, когнитивная сложность необходимы IT-предпринимателю для решения глобальных задач, стоящих перед обществом во время цифровой трансформации [12; 15; 19].

Основные вопросы, стоящие перед современными международными исследователями предпринимательства: отраслевые особенности предпринимательского поведения, социальная ответственность предпринимателей, эволюция предпринимательства, кросс-культурные особенности предпринимателей, их стратегии успеха. В России также актуальны ценностные ориентации отраслевых подгрупп предпринимателей (особенно, технологических), этические аттитюды и социальная ответственность, лидер-

ские стили, изучение молодых предпринимателей и исследование особенностей российских предпринимателей с использованием универсальных кросс-культурных инструментов для релевантного сравнения.

Исследовательский вопрос:

Какие специфические личностные и социально-психологические характеристики, в частности, ценностные ориентации, имеют российские IT-предприниматели (в сравнении с российскими предпринимателями в целом)?

Гипотезы исследования:

1. Российские IT-предприниматели обладают внутренней, независимой от внешнего воздействия потребностью в активной целеустремленной деятельности по реализации своих идей — интернальностью, и это качество определяет их отношение к культурным, духовным и социальным ценностям.

2. Основная мотивация создания и развития своего бизнеса у IT-предпринимателей России — нематериальная: стремление к обогащению, деньги для современных IT-предпринимателей не являются основной целью.

3. IT-предприниматели отличаются неконформностью по отношению к общественному влиянию и социальным нормам.

Методы

Респонденты. Мужчины-предприниматели, владеющие малым или средним бизнесом в сфере IT, с офисом в Москве, в возрасте от 27 до 35 лет. У всех респондентов — высшее образование: 71% респондентов — в сфере технических наук, 29% — в сфере экономических и социальных наук. Все участники исследования также являются руководителями своего бизнеса более 3 лет. Выборка — условная.

Проведен предварительный отбор респондентов методом фильтрующего отбора, сужены требования к респондентам исследования, выбраны наиболее характерные представители предпринимательского социального слоя в ИТ. Критерии предварительного отбора каждого респондента включали признаки успешного предпринимательства: основатель или сооснователь ИТ-компании в России, лично принимавший участие в создании технологического продукта своей компании; высокая инвестиционная и репутационная привлекательность ИТ-компании респондента: экономический рост оборота компании не менее, чем в 2 раза за последний год; наличие привлеченных инвестиций; наличие информации о компании и руководителе в СМИ за последний год. ИТ-специализация компании определялась по основной деятельности: разработка программных продуктов, предоставление ИТ-сервиса или производство оборудования в сфере ИТ. Также при анализе деятельности компании уделялось внимание инновационности ИТ-продукта, наличию интеллектуальной собственности.

По предложенным критериям на основе данных из открытых источников сформировалась выборка потенциальных кандидатов для исследования, после этого через личные контакты и социальные сети высылались приглашения прийти на интервью, в результате было получено согласие 14 кандидатов, все согласившиеся респонденты — мужчины.

По мнению С.А. Белановского, величина выборки при проведении глубинных интервью может колебаться в диапазоне от одного до ста человек. Названная численность респондентов достаточна для создания типологической картины, которая в зависимости от целей исследования может стать либо его конечным ре-

зультатом, либо отправным пунктом для дальнейшей работы [1].

Метод исследования. Для исследования субъективных оценок респондентов выбран метод глубинного интервьюирования с использованием методологической базы, разработанной С.А. Белановским [1]. Глубинные неформализованные интервью продолжались 1-3 часа. Все интервью анонимны.

В целях улучшения валидности качественного анализа проведено одно проблемно-ориентированное экспертное интервью с психотерапевтом для правильной интерпретации ответов респондентов и получения информации о собственном опыте эксперта в изучении личностных характеристик ИТ-предпринимателей в психотерапевтической практике.

Измерения. Темы, подлежащие выяснению во время интервью с респондентами:

- социально-психологические и личностные характеристики ИТ-предпринимателя, его отличие от предпринимателя в целом в России и в зарубежных странах;
- ценностные ориентации ИТ-предпринимателя: отношение предпринимателя к семье, любви, духовным ценностям, религии, свободе, а также к работе, партнерам, деньгам, творчеству в деловой активности (инновации, гибкость в ведении бизнеса);
- культурные аттитюды ИТ-предпринимателя: в сфере искусства (массовое искусство, изобразительное искусство, музыка, литература) и в сфере образования. Свободное время респондентов;
- мотивация создания и развития бизнеса (финансовая или духовная);
- как ИТ-предприниматель принимает решения; интернальность или экстернальность в анализе решений и неудач;
- соотношение практической деятельности предпринимателя с его мировоззренческой позицией;

— исследование внутренней и внешней независимости IT-предпринимателя; его неконформность по отношению к общественному влиянию; насколько он включен в социум.

Тип вопросов в интервью — детализированный: есть темы, в каждой из которых дается ряд вопросов, подлежащих выяснению с помощью комбинации рассуждения и изложения. При составлении вопросов интервью использовались рекомендации В. Гуда и П. Хэтта [18].

Все интервью проводились очно: место и время выбраны респондентами. При разрешении респондента интервью записывались на диктофон.

Тактика проведения интервью: probing («зондирование») — задавались наводящие вопросы, а затем рассуждения респондента фактически не прерывались. Отношение интервьюера — нейтральное, с минимальным воздействием на респондента. Контроль над темой определяется как менее важный, нежели контроль над релевантностью.

Для убеждения респондентов дать интервью использовались следующие помощники общения: альтруистические мотивы; приобретение нового опыта; потребность в самопознании.

Анализ данных. Метод качественного анализа данных — тематический анализ на основе рекомендаций В. Браун и В. Кларк. Для тематического анализа теоретического типа (аналитический) использовался шестиступенчатый алгоритм работы с данными. Выявленные темы интерпретировались как латентные [14].

1 шаг. *Ознакомление с данными.* Обработка и первоначальный анализ данных. Во время обработки созданы примечания для формального кодирования.

2 шаг. *Генерация начальных кодов.* Текст был закодирован вручную пу-

тем написания примечаний к анализируемому тексту со структурой: текст (1–2 предложения) — кодирование (интерпретация) — возможная подтема.

3 шаг. *Поиск тем.* На третьем этапе коды сначала объединены в потенциальные подтемы (например, код «респондент говорит о желании создать хорошую команду, платит достаточно денег своей команде и себе» отнесен к подтемам «лидерский стиль» и «отношение к деньгам»). Потом подтемы объединены в темы. Обнаружены пять основных тем: страсть к бизнесу, образование, ценностные ориентации, личностные характеристики и саморефлексия. Например, ценностные ориентации включают разные сферы жизни IT-предпринимателей: отношение к семье, культуре, деньгам, образованию, свободе; творчество и желание экспериментировать, необходимость принадлежности и удовлетворенность жизнью.

4 шаг. *Обзор и проверка тем.* Этап включает в себя два уровня рассмотрения и уточнения тем. Первый уровень предполагает проверку закодированных текстовых данных на соответствие темам, подлежащим выяснению в ходе интервью, и рассмотрение всей структуры тем и подтем. Затем анализируются связи между закодированными данными, подтемами и между различными уровнями тем. Уточняется тематическая «карта» анализа и ее соответствие исследовательскому вопросу и гипотезам.

5 шаг. *Определение и наименование тем.* После создания удовлетворительной тематической карты данных определяются «сущности» каждой темы и того, какой аспект данных охватывает каждая тема.

Окончательная тематическая карта (шаг 6) представлена в результатах исследования.

Результаты

Основные темы, определяющие характеристики всех респондентов: страсть к бизнесу, личностные характеристики и ценностные ориентации. Создана тематическая карта данных и определены подгруппы каждой темы (см. рисунок).

Первая тема: **страсть к бизнесу** — внутреннее стремление респондентов достичь своих целей и воплотить свои идеи в жизнь. Большую часть времени респонденты говорят о своем бизнесе, своих надеждах и планах, своих идеях «создать хорошую команду, которая будет делать великие дела».

Подтемы, характеризующие страсть к бизнесу, это: стиль руководства, независимость, отношение к деньгам, творчество и желание экспериментировать, образование.

Лидерский стиль респондентов в бизнесе — трансформационный или лидер-

ство-служение [17; 23]. Они не признают себя харизматичными лидерами и говорят, что хотят, чтобы вся команда была успешной.

Независимость для респондентов является одной из главных ценностей в жизни. Она влияет на деловую активность и личные качества. Независимость — значит быть самим собой, решать самому, что и как делать, выбирать, что хорошо и плохо, независимо от мнения других людей. Они уверены, что у них есть все, чтобы принимать правильные решения (интернальность).

Аттитюд к деньгам — респонденты много раз упоминают, что не деньги являются их целью, а сам бизнес. Они отмечают, что деньги нужны для покрытия текущих расходов и возможности не думать о них.

Творчество и желание экспериментировать — одна из наиболее важных подтем. Респонденты меняли направления

Рис. Тематическая карта с тремя главными темами

деятельности, всегда были готовы к экспериментам и говорили об этом со страстью (новаторство).

Образование — респонденты хорошо образованы и наличие хорошего технического образования называют необходимым.

Вторая тема: *личностные характеристики*, продемонстрированные респондентами во время интервью: открытость к переменам, независимость, самоактуализация, необходимость принадлежности, а также аттитюд к хорошему/плохому.

Открытость к переменам/риск — готовность рисковать и пользоваться новыми, зачастую непростыми возможностями в жизни [25]. Респонденты готовы переехать, готовы попробовать другое направление (если это «интересно»), оптимистично оценивают свое будущее.

Независимость описана ранее в теме «страсть к бизнесу».

Самоактуализация для наших респондентов — быть самими собой и жить своими интересами, создавать что-то «великое в бизнесе». Сюда входят значимые для респондентов понятия в отношении с собой: самооценка (высокая), требовательность к себе и другим (высокая), мотивация (внутренняя), ответственность (интернальная) и саморефлексия (в большей мере связана с анализом своих отношений с другими).

Аттитюд к хорошему/плохому означает неконформный способ наших участников принимать решения о правильных и неправильных вещах в жизни. Они имеют критическое мнение о государственной политике, СМИ, искусстве; не религиозны и полагаются только на себя (внутренний локус контроля).

Необходимость принадлежности — человеческая эмоциональная потребность быть принятым членами группы с

общей социальной идентичностью [27]. Респонденты говорят о необходимости найти людей, похожих на них по целям, ценностям и уровню развития [10].

И последняя тема: *ценностные ориентации* — по большинству подтем пересекается с двумя предыдущими темами: творчество, аттитюд к деньгам, аттитюд к хорошему/плохому, образование, независимость, необходимость принадлежности к своей социальной группе, но включает также культуру и семью, оказавшиеся в относительно менее важных ценностных ориентациях у респондентов.

Таким образом, на основе выявленных тем и подтем можно определить социально-психологические и личностные характеристики российского IT-предпринимателя: открытость изменениям и новому опыту, склонность к риску, желание экспериментировать, высокая вовлеченность в работу, целеустремленность, проецирование себя на других и, как следствие, высокие ожидания, самоактуализация через свой бизнес, лидерские стили: лидерство-служение или трансформационное лидерство.

Ценностные ориентации IT-предпринимателя России: низкая значимость денег и материального статуса, спокойное отношение к семейным ценностям, низкий интерес к культурным символам и событиям, нерелигиозность, выстраивание доверительных горизонтальных отношений с партнерами и сотрудниками, интернальность в принятии решений и взятии ответственности.

Гипотезы исследования подтверждены:

1. Российские IT-предприниматели руководствуются принципом интернальности (внутренним локусом контроля) при принятии решений, при анализе развития ситуации и при реагировании на неудачи. Это качество формирует предпочтитель-

ную стратегию опираться только на собственное мнение при оценке социальных, культурных и духовных факторов.

2. Основная мотивация создания и развития своего бизнеса у IT-предпринимателей России — нематериальная, все респонденты отметили низкую важность денег для них, отсутствие стремления к обогащению и накоплению. Их активность в бизнесе подпитывается стремлением стать «агентом перемен», масштабировать новые технологии и продукты, оказать влияние на общество и экологию на международном уровне.

3. IT-предприниматель независим от общественного мнения — неконформен по отношению к социальным нормам и влиянию.

Обсуждение результатов

Социально-психологический портрет IT-предпринимателя в России может быть описан как собирательный образ респондентов. IT-предприниматель и физически, и эмоционально увлечен своей работой. После достижения одной цели генерируется новая, движение к которой становится главной задачей. Самореализация через бизнес означает стремление к свободе, творчеству и инновациям (открытость переменам, желание экспериментировать, независимость). Материальные ценности являются лишь способом достижения независимости и саморазвития (отношение к деньгам, самореализация). IT-предприниматель ориентирован на практику (рациональное восприятие мира), устойчив к неудачам.

В то же время он демонстрирует сильную необходимость принадлежности. Он ищет людей, разделяющих его социальные attitudes, интересы и подходы в принятии решений, но находит это не в семье.

IT-предприниматель не называет себя традиционалистом, согласно экспертному интервью: «для респондентов меньше, чем для людей с другими типами характера, отсутствие страхов и отсутствие необходимости следовать ритуалам и традициям... являются характерными». Тем не менее определенное стремление к консервативным ценностям заметно. Например, он готов обеспечить семью, позволит не работать жене и не просит о брачном контракте. Хотя на практике, даже имея жену и детей, он не находит для них достаточно времени («если бы у меня было достаточно времени, я бы не проводил его с ними (детьми)»), старается избегать домашних дел и мало участвует эмоционально в воспитании детей.

Он готов платить работникам достойную заработную плату, соответствующую их уровню, относится к людям и их мнениям с уважением и терпимостью, доверяет партнерам, хотя он прекрасно чувствует себя «один» в бизнесе, имеет высокие ожидания относительно себя и окружающих.

Он не принимает жестких принципов, считает, что жизненная позиция и взгляды могут со временем меняться. Любой принцип должен быть гибким и может быть выбран в зависимости от конкретной ситуации (attitud к плохому/хорошему).

Массовое искусство ему не очень интересно (например, он избегает телевидения и культурных мероприятий). В целом IT-предприниматель не проявляет особого интереса к культурному досугу, объясняя это недостатком времени. Он предпочитает практические занятия искусству и «эмоциям».

В качестве желательных способов отдыха он выбирает путешествия, спорт, общение с друзьями, возможность побыть наедине с собой.

IT-предприниматель разделяет веру и церковь. Даже если он верующий, он не полагается на Бога в реальной жизни, поскольку он уверен в необходимости полагаться только на себя (внутренний локус контроля).

IT-бизнесмен думает о том, чтобы помогать другим людям, менее здоровым и успешным, но в настоящее время не делает этого.

Аттитуды к социальным нормам определяются его уверенностью в своей независимости: уверен в себе, реализует свой бизнес-потенциал и все меньше зависит от оценки общества. Это свидетельствует о неконформности предпринимателя. Используя теорию Г. Кельмана, можно наблюдать сильное сопротивление в большей степени «информационному соответствию» (информационному социальному влиянию, когда информация о реальности берется из группы) и в меньшей — «нормативному соответствию» (нормативному социальному влиянию, когда человек хочет быть одобрен группой и принят) [20].

Подводя итоги, можно выявить схожие и различные характеристики российских предпринимателей в целом и технологических предпринимателей. Общие личностные черты и ценностные ориентации, присущие обеим группам: открытость новому опыту, терпимость к риску, высокая самоэффективность, потребность в достижениях, внутренний локус контроля, инновационность. Те же черты фигурируют и в современных зарубежных исследованиях. Различия же проявляются при анализе уровней доверия социальным институтам, нормам и социальному влиянию: в России предприниматели обладают низким доверием к социальным институтам, не подвержены социальному влиянию и более независимы в своих решениях от общественного мнения [2; 4].

Наибольший интерес вызывают найденные особенности и различия характеристик российского технологического предпринимателя в сравнении с исследованиями российских предпринимателей в целом.

Первое различие — это ценностная ориентация на материальное благополучие, высокую значимость денег и собственности, выявленная у российских предпринимателей [5]. Данное исследование показывает низкую важность денег для всех респондентов, отсутствие материальной мотивации при разработке технологий и создании бизнеса. Такой результат демонстрирует одинаковое отношение к деньгам у российских IT-предпринимателей с современными западными предпринимателями.

Ключевой мотивацией создания IT-компании у российских IT-предпринимателей являются самореализация и желание стать трансформационным лидером перемен в цифровой экономике. Этот тренд эволюции предпринимательства описывается и в зарубежных работах [15; 30].

Второе различие, выявленное у IT-предпринимателя в России, — отношение к семейным ценностям. IT-предприниматель в силу своей внутренней независимости, сильной вовлеченности в работу и выстраивание деловых отношений не показывает высокую значимость семейных ценностей в его жизни, часто объясняя такое отношение занятостью и нехваткой времени на личную жизнь. Даже при наличии собственной семьи приоритеты расставляются не в пользу семьи.

Если обозначить место IT-предпринимателя в современной российской типологии уровней деловой активности предпринимателей, предложенной В.П. Позняковым, IT-предприниматель

может быть отнесен к первому типу — с наивысшей степенью деловой активности (респонденты данного исследования успешны в бизнесе, много работают и руководят своими компаниями). Высокоактивный тип предпринимателя совпадает по ряду ключевых социально-психологических и личностных характеристик с предложенным портретом технологического предпринимателя, за исключением высокой значимости материального обеспечения и стремления к семейным ценностям, свойственных высокоактивному предпринимателю в России, но не найденных у IT-предпринимателя [6].

Заключение

Изучением эволюции социально-психологических и личностных характеристик предпринимателей занимаются зарубежные и российские исследователи, но исследования в узких социальных группах предпринимателей — все еще актуальная задача социальной психологии.

Данное исследование подтвердило схожесть по многим социально-психологическим и личностным характеристикам IT-предпринимателей с российскими предпринимателями в целом, но и выявило различия: низкую значимость материальной обеспеченности и семейных ценностей.

Российский IT-предприниматель имеет внутреннюю, независимую от внешнего влияния установку на активную, целенаправленную деятельность по реализации своих идей, и эта черта влияет на его отношение к ценностям. Основные мотивации в бизнесе — самореализация и желание «оставить след». Черты, присущие предпринимательскому поведению, выявленные у респондентов: врожденная потребность в активной деятельности, целеустремленность, не-

угасаемый оптимизм, реализм, жизнь настоящим, упорство, внутренняя независимость от внешнего окружения, постоянная потребность в новых задачах, гибкость в оценке хорошего и плохого.

Отношение к культурным ценностям у IT-предпринимателей в России нейтральное: неинтересны искусство и массовая культура, предпочтение отдается практической деятельности по достижению бизнес-целей.

Привычка рассчитывать только на себя снижает потребность в вере и религии. Высокая внутренняя культура и образованность IT-предпринимателей, а также демократический лидерский стиль и желание помогать людям — результат жизни в постоянном движении, преодоления трудностей и стремления к амбициозным целям.

В целом российский IT-предприниматель демонстрирует схожие черты и аттитюды, присущие современным предпринимателям в других странах [15; 21].

Таким образом, все гипотезы подтвердились, ответ на исследовательский вопрос получен.

Основными ограничениями исследования являются небольшое количество респондентов, отсутствие гендерного разнообразия (исследовались только мужчины), нестрогое следование принятым в социальной психологии подходам к классификации личностных черт, аттитюдов и феноменов.

Также стоит отметить, что в ходе работы апробирован комплекс зарубежных методик качественного анализа данных по выявлению важных социально-психологических характеристик личности.

Результаты исследования могут помочь при формировании экономических, образовательных и общественных программ поддержки IT-предпринимательства в России.

Литература

1. Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001. 320 с.
2. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Институт психологии РАН, 2012. 480 с.
3. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций предпринимателей в условиях макросоциальных преобразований // Психологический журнал. 2015. № 1(36). С. 46–60.
4. Позняков В.П. Динамика доверия российских предпринимателей к различным организациям // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 305–332.
5. Позняков В.П. Итоги и перспективы исследования российских предпринимателей с позиции концепции психологических отношений // Проблемы педагогики и психологии. 2014. № 1. С. 267–275.
6. Позняков В.П. Ценностные ориентации предпринимателей с разным психологическим типом деловой активности // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 262–274. DOI:10.17805/zpu.2015.3.22
7. Филликова Е.Б. Психология российского предпринимательства. М.: Ректор, 2007. 288 с.
8. Astebro T. et al. Seeking the roots of entrepreneurship: Insights from behavioral economics // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 28(3). P. 49–70. DOI:10.1257/jep.28.3.49
9. Bagheri A. The impact of entrepreneurial leadership on innovation work behavior and opportunity recognition in high-technology SMEs // The Journal of High Technology Management Research. 2017. Vol. 28(2). P. 159–166. DOI:10.1016/j.hitech.2017.10.003
10. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117(3). P. 497–529. DOI:10.1037/0033-2909.117.3.49
11. Beugelsdijk S., Noorderhaven N. Entrepreneurial attitude and economic growth: A cross-section of 54 regions // Annals of Regional Science. 2004. Vol. 38. P. 199–218. DOI:10.1007/s00168-004-0192-y
12. Bonardia J-Ph. et al. Special Issue on Strategic Leadership and Strategic Management // The Leadership Quarterly. 2018. Vol. 29(3). P. 7–8. DOI:10.1016/S1048-9843(18)30306-0
13. Brandstätter H. Personality aspect of entrepreneurship: a look at five meta-analyses // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 51(3). P. 222–230. DOI:10.1016/j.paid.2010.07.007
14. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3(2). P. 77–101. DOI:10.1191/1478088706qp063oa
15. Britchenko I. et al. Transformation of entrepreneurial leadership in the 21st century: prospects for the future // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 217. Atlantis Press: Proceedings of the 2nd International Conference on social, economic, and academic leadership (ICSEAL 2018).
16. Djankov S. et al. Who are Russia's entrepreneurs? // Journal of the European Economic Association. 2005. Vol. 3(2-3). P. 587–597. DOI:10.1162/jeea.2005.3.2-3.587
17. Gillet J. et al. Selfish or servant leadership? Evolutionary predictions on leadership personalities in coordination games // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 51(3). P. 231–236. DOI:10.1016/j.paid.2010.06.003
18. Goode W.J., Hatt P.K. Methods in Social Research. New York: McGraw Hills, 1952. 386 p.
19. Haslam S. et al. The new psychology of leadership: identity, influence and power. New York: Psychology Press, 2013. 296 p. DOI:10.4324/9780203833896
20. Kelman H.C. Compliance, Identification, and Internalization: Three Processes of Attitude Change // Journal of Conflict Resolution. 1958. Vol. 2(1). P. 51–60.
21. Kerr S. et al. Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature // Foundations and Trends in Entrepreneurship. 2018. Vol. 14(3). P. 279–356. DOI:10.1561/03000000080

22. Lazear E. Entrepreneurship // Journal of Labor Economics. 2005. Vol. 23(4). P. 649–680. DOI:10.1086/491605
23. Liden R. et al. Servant leadership: Antecedents, processes, and outcomes / In David V. Day (Eds.) // The Oxford handbook of leadership and organizations. New York, NY: Oxford Press, 2014. P. 357–379. DOI:10.1037/t04900-000
24. Nemirovskii G., Grishaev S. A Social Portrait of the Young Entrepreneur // Russian Education and Society. 2000. Vol. 42(7). P. 29–35. DOI:10.2753/RES1060-9393420729
25. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2(1). DOI:10.9707/2307-0919.1116
26. Tajeddini K., Mueller S. Entrepreneurial characteristics in Switzerland and the UK: A comparative study of techno-entrepreneurs // Journal of International Entrepreneurship. 2009. Vol. 7(1). P. 1–25. DOI:10.1007/s10843-008-0028-4
27. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior / In S. Worchel & W.G. Austin (Eds.) // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
28. Rauch A., Frese M. Let's put the person back into entrepreneurship research: a meta-analysis on the relationship between business owners' personality traits, business creation, and success // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2007. Vol. 16(4). P. 353–385. DOI:10.1080/13594320701595438
29. Viinikainen J. et al. Born Entrepreneur? Adolescents' Personality Characteristics and Self-Employment in Adulthood // Journal of Business Venturing Insights. 2017. Vol. 8. P. 9–12. DOI:10.1016/j.jbvi.2017.05.001
30. Yaffe-Yanai O. et al. High-Tech Entrepreneurs vs. Entrepreneurs in Traditional Industries: Similarities and differences in family portraits and passion quests. 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.dorot.biz/en/high-tech-entrepreneurs-vs-entrepreneurs-traditional-industries-similarities-differences-family-portraits-passion-quests/> (Accessed 01.10.2019).
31. Zhao H., Seibert S. The big five personality dimensions and entrepreneurial status: a meta-analytic review // Journal of Applied Psychology. 2006. Vol. 91(2). P. 259–271. DOI:10.1037/0021-9010.91.2.259

References

1. Belanovskiy S.A. Glubokoye interv'yū [Deep interview]. Moscow: Nikkolo-Media, 2001. 320 p. (In Russ.).
2. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. Sotsial'naya psikhologiya rossiyskogo predprinimatel'stva: Kontseptsiya psikhologicheskikh otnosheniy [Social psychology of the Russian business: Concept of the psychological relations]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2012. 480 p. (In Russ.).
3. Zhuravleva N.A. Dinamika tsennostnykh oriyentatsiy predprinimateley v usloviyakh makrosotsial'nykh preobrazovaniy [Dynamics of value orientations of entrepreneurs in the context of macro-social transformations]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2015, no. 1(36), pp. 46–60. (In Russ.).
4. Poznyakov V.P. Dinamika doveriya rossiyskikh predprinimateley k razlichnym organizatsiyam. In Kupreychenko A.B., Mersyanova I.V. (eds.). *Doveriye i nedoveriye v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [The dynamics of the trust of Russian entrepreneurs in various organizations. Trust and distrust in the conditions of development of civil society]. Moscow: Publ. HSE, 2013, pp. 305–332. (In Russ.).
5. Poznyakov V.P. Itogi i perspektivy issledovaniya rossiyskikh predprinimateley s pozitsii kontseptsii psikhologicheskikh otnosheniy [Results and prospects of the study of Russian entrepreneurs from the perspective of the concept of psychological relations]. *Problemy pedagogiki i psikhologii = Problems of Pedagogy and Psychology*, 2014, no. 1, pp. 267–275. (In Russ.).
6. Poznyakov V.P. Tsennostnyye oriyentatsii predprinimateley s raznym psikhologicheskim tipom delovoy aktivnosti [Value orientations of entrepreneurs with different psychological types

- of business activity]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 3, pp. 262–274. DOI:10.17805/zpu.2015.3.22 (In Russ.).
7. Filinkova E.B. Psikhologiya rossiyskogo predprinimatel'stva [Psychology of Russian entrepreneurship]. Moscow: Rector, 2007. 288 p. (In Russ.).
8. Astebro T. et al. Seeking the roots of entrepreneurship: Insights from behavioral economics. *Journal of Economic Perspectives*, 2014. Vol. 28(3), pp. 49–70. DOI:10.1257/jep.28.3.49
9. Bagheri A. The impact of entrepreneurial leadership on innovation work behavior and opportunity recognition in high-technology SMEs. *The Journal of High Technology Management Research*, 2017. Vol. 28(2), pp. 159–166. DOI:10.1016/j.hitech.2017.10.003
10. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 1995. Vol. 117(3), pp. 497–529. DOI:10.1037/0033-2909.117.3.49
11. Beugelsdijk S., Noorderhaven N. Entrepreneurial attitude and economic growth: A cross-section of 54 regions. *Annals of Regional Science*, 2004. Vol. 38, pp. 199–218. DOI:10.1007/s00168-004-0192-y
12. Bonardia J-Ph. et al. Special Issue on Strategic Leadership and Strategic Management. *The Leadership Quarterly*, 2018. Vol. 29(3), pp. 7–8. DOI:10.1016/S1048-9843(18)30306-0
13. Brandstätter H. Personality aspect of entrepreneurship: a look at five meta-analyses. *Personality and Individual Differences*, 2011. Vol. 51(3), pp. 222–230. DOI:10.1016/j.paid.2010.07.007
14. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 2006. Vol. 3(2), pp. 77–101. DOI:10.1191/1478088706qp0630a
15. Britchenko I. et al. Transformation of entrepreneurial leadership in the 21st century: prospects for the future. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2018. Vol. 217. Atlantis Press: Proceedings of the 2nd International Conference on social, economic, and academic leadership (ICSEAL 2018).
16. Djankov S. et al. Who are Russia's entrepreneurs? *Journal of the European Economic Association*, 2005. Vol. 3(2-3), pp. 587–597. DOI:10.1162/jeea.2005.3.2-3.587
17. Gillet J. et al. Selfish or servant leadership? Evolutionary predictions on leadership personalities in coordination games. *Personality and Individual Differences*, 2011. Vol. 51(3), pp. 231–236. DOI:10.1016/j.paid.2010.06.003
18. Goode W.J., Hatt P.K. *Methods in Social Research*. New York: McGraw Hills, 1952. 386 p.
19. Haslam S. et al. *The new psychology of leadership: identity, influence and power*. New York: Psychology Press, 2013. 296 p. DOI:10.4324/9780203833896
20. Kelman H.C. Compliance, Identification, and Internalization: Three Processes of Attitude Change. *Journal of Conflict Resolution*, 1958. Vol. 2(1), pp. 51–60.
21. Kerr S. et al. Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*, 2018. Vol. 14(3), pp. 279–356. DOI:10.1561/03000000080
22. Lazear E. Entrepreneurship. *Journal of Labor Economics*, 2005. Vol. 23(4), pp. 649–680. DOI:10.1086/491605
23. Liden R. et al. Servant leadership: Antecedents, processes, and outcomes. In David V. Day (Eds.) *The Oxford handbook of leadership and organizations*. New York, NY: Oxford Press, 2014, pp. 357–379. DOI:10.1037/t04900-000
24. Nemirovskii G., Grishaev S. A Social Portrait of the Young Entrepreneur. *Russian Education and Society*, 2000. Vol. 42(7), pp. 29–35. DOI:10.2753/RES1060-9393420729
25. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2012. Vol. 2(1). DOI:10.9707/2307-0919.1116
26. Tajeddini K., Mueller S. Entrepreneurial characteristics in Switzerland and the UK: A comparative study of techno-entrepreneurs. *Journal of International Entrepreneurship*, 2009. Vol. 7(1), pp. 1–25. DOI:10.1007/s10843-008-0028-4

27. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel & W.G. Austin (Eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall, 1986, pp. 7–24.
28. Rauch A., Frese M. Let's put the person back into entrepreneurship research: a meta-analysis on the relationship between business owners' personality traits, business creation, and success. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2007. Vol. 16(4), pp. 353–385. DOI:10.1080/13594320701595438
29. Viinikainen J. et al. Born Entrepreneur? Adolescents' Personality Characteristics and Self-Employment in Adulthood. *Journal of Business Venturing Insights*, 2017. Vol. 8, pp. 9–12. DOI:10.1016/j.jbvi.2017.05.001
30. Yaffe-Yanai O. et al. High-Tech Entrepreneurs vs. Entrepreneurs in Traditional Industries: Similarities and differences in family portraits and passion quests. 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.dorot.biz/en/high-tech-entrepreneurs-vs-entrepreneurs-traditional-industries-similarities-differences-family-portraits-passion-quests/> (Accessed 01.10.2019).
31. Zhao H., Seibert S. The big five personality dimensions and entrepreneurial status: a meta-analytic review. *Journal of Applied Psychology*, 2006. Vol. 91(2), pp. 259–271. DOI:10.1037/0021-9010.91.2.259

Информация об авторах

Абрамова Ольга Александровна, соискатель степени PhD, преподаватель Департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-3511>, e-mail: oabramova@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Abramova, PhD candidate, Lecturer of School of Psychology, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-3511>, e-mail: oabramova@hse.ru

Получена 07.10.2019

Принята в печать 12.07.2021

Received 07.10.2019

Accepted 12.07.2021

Психологические характеристики волонтеров различных направленностей активности

Воробьева А.Е.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1080-0816>, e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Скипор С.И.

**АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО «МосГУ»),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-0296>, e-mail: skipor.sofia@gmail.com

Цель. Изучить связь психологических характеристик волонтеров с направленностью волонтерской активности (на помощь людям или животным).

Контекст и актуальность исследования. Нормализация практики волонтерства, рост вовлеченности в добровольчество требуют понимания данного феномена для набора и удержания волонтеров. По ряду характеристик добровольцев данные противоречивы, зооволонтеры мало изучены, работы, посвященные сравнению видов волонтеров, единичны.

Дизайн исследования. Группы волонтеров, помогающих людям или животным, сравнивались по мотивам деятельности, эмпатии, ощущению одиночества, уровню удовлетворенности жизнью. Применялись описательная статистика, анализ различий, сопряженности.

Участники. Волонтеры, помогающие людям ($n=71$), средний возраст – 33,95 лет ($SD=11,23$); 83,1% женщин, 16,9% мужчин. Зооволонтеры ($n=71$), средний возраст – 39,7 лет ($SD=9,05$); 92,95% женщин, 7,05% мужчин.

Методы. Шкала эмоционального отклика (А. Меграбян, модификация Н. Эпштейна), Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела, Л.А. Пепло, М. Фергюсона, Шкала удовлетворенности жизнью, авторская анкета для изучения мотивов, составленная по теории Э.Дж. Клари.

Результаты. Волонтеры обеих групп не различаются по характеристикам: средний уровень эмоциональной эмпатии, нормальный уровень удовлетворенности жизнью, низкий уровень одиночества. Волонтеры, помогающие людям, преимущественно полимотивированы, а зооволонтеры – мономотивированы. Среди зооволонтеров преобладают индивиды с альтруистической направленностью, среди волонтеров, помогающих людям, – индивиды, сочетающие альтруистическую и эгоистическую направленность.

Основные выводы. Зооволонтеры мотивированы альтруистически, мотивация волонтеров, помогающих людям, вариативна, включает эгоистический компонент.

Ключевые слова: волонтерство, зооволонтерство, помощь людям, помощь бездомным животным, мотивация, эмпатия, удовлетворенность жизнью, одиночество.

Финансирование. Работа выполнена по государственному заданию № 0159-2019-0002 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

Для цитаты: Воробьева А.Е., Скипор С.И. Психологические характеристики волонтеров различных направлений активности // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 205–218. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120313>

Psychological Characteristics of Volunteers of Different Types of Activity

Anastasia E. Vorobieva

The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1080-0816>, e-mail: ae.Vorobieva@yandex.ru

Sofia I. Skipor

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-0296>, e-mail: skipor.sofia@gmail.com

Objective. To study the relationship between the psychological characteristics of volunteers and the type of volunteer activity (helping people or homeless animals).

Background. The normalization of the practice of volunteerism, the growth of the involvement of individuals in such activities require a thorough understanding of this phenomenon in order to better recruit and retain volunteers. On a number of characteristics of volunteers, the data are contradictory, volunteers with homeless animals were little studied, and there are few works devoted to comparing the types of volunteers.

Study design. Groups of volunteers helping people or animals were compared based on activity motives, empathy, feelings of loneliness, and life satisfaction. Descriptive statistics, analysis of differences, contingency table were utilized.

Participants. Volunteers working with people ($n=71$), average age 33.95 years ($SD=11.23$); of them 83.1% are women and 16.9% are men. Volunteers with stray animals ($n=71$), mean age 39.7 years ($SD=9.05$); of them 92.95% are women, 7.05% are men.

Measurements. Russian-language versions of The Balanced Emotional Empathy Scale (Mehrabian, Epstein), UCLA Loneliness Scale (Russell, Peplau, Ferguson), and The Satisfaction With Life Scale. To study motives, the author's form is used, compiled according to the theory of motives by E.G. Clary.

Results. Volunteers from both groups did not differ in characteristics: average level of emotional empathy, normal level of life satisfaction, low level of loneliness. Volunteers helping people are predominantly poly-motivated, while volunteers with animals are mono-motivated. Among volunteers with animals, individuals with the altruistic orientation prevail, among volunteers helping people – individuals who combine altruistic and egoistic orientations.

Conclusions. Volunteers with animals are motivated altruistically, the motivation of volunteers helping people is variable and includes an egoistic component.

Keywords: volunteerism, volunteerism with animals, helping people, helping homeless animals, motivation, empathy, life satisfaction, loneliness.

Funding. The study has been executed as part of a state assignment No. 0159-2019-0002 “Psychology of the collective subject in the changing conditions of life activity”.

For citation: Vorobieva A.E., Skipor S.I. Psychological Characteristics of Volunteers of Different Types of Activity. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 205–218. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120313> (In Russ.).

Введение

Психологические характеристики добровольцев, которые на постоянной основе помогают людям и бездомным животным, активно изучаются зарубежными [21; 22; 23; 24; 25; 28] и российскими [1; 7; 9; 10; 14; 17; 19; 26] исследователями.

Анализ литературы показал, что одними из самых изучаемых среди психологических характеристик волонтеров являются мотивы, уровень эмпатии, удовлетворенности жизнью, а также показатели социальной включенности-изоляции. Далее рассмотрим упомянутые характеристики в разрезе добровольческой активности подробнее.

Наиболее часто используемым для изучения ведущих мотивов волонтеров является функциональный подход, который утверждает идею выполнения каждым мотивом определенной функции. Масштабное исследование Э. Дж. Клари (E.G. Clary) и коллег [22] позволило выделить следующие шесть мотивов добровольчества:

- возможность транслировать и реализовывать свои гуманистические, альтруистические ценности в волонтерской активности;
- возможность приобрести новые навыки, научиться чему-то новому;
- самосовершенствование, возможность расти и развиваться психологически;
- увеличение шансов получения интересующей работы посредством волонтерства;
- социальный мотив (поддержание и укрепление социальных связей);
- защитный мотив (бегство от негативных переживаний, решение собственных эмоциональных проблем посредством добровольчества).

Выявляемые в процессе исследований мотивы могут подразделяться на истинно

альтруистические и эгоистические, внешние (получить новые навыки, профессиональный опыт и т.д.) и внутренние (само развитие, помощь другим и т.д.).

Исследователи активно изучают вопрос мотивов волонтеров, зачастую в рамках континуума эгоизм—альтруизм. Некоторые работы показывают преобладание альтруистических мотивов у волонтеров над эгоистическими [5]. Другие обнаруживают эгоистические причины занятий волонтерством [1; 10; 17]. Некоторые же авторы, в свою очередь, указывают на почти равное соотношение альтруистических и эгоистических мотивов у волонтеров [11] с небольшим перевесом в сторону альтруистичности.

При этом стоит отметить, что нередко мотивы являются смешанными, и отдельного исследуемого волонтера невозможно однозначно отнести, например, к группе «альтруистов» или «эгоистов». Ввиду отсутствия стандартизированной общепризнанной методики изучения мотивов российских добровольцев психологи пока не пришли к единому мнению по данному вопросу, методы изучения данного феномена варьируют от исследователя к исследователю [18].

Наряду с мотивами, важным качеством индивида, включенного в волонтерскую деятельность, является эмпатия. Ряд исследователей нашли значимые различия в уровне эмпатии между волонтерами и не волонтерами [1; 14]. Другие исследования показывают, что в группе волонтеров преобладает средний, нормальный уровень эмпатии, не сильно отличающийся от контрольной группы [19], или добровольцы отличаются от не волонтеров лишь по определенным видам эмпатии.

Таким образом, информация об эмпатии волонтеров все еще остается нерешенным вопросом в академических кругах.

Многочисленные работы показывают, что добровольческая активность положительно коррелирует с уровнем удовлетворенности жизнью. Так, П.А. Тойтс и Л.Н. Хьюит (P.A. Thoits и L.N. Hewitt) провели исследование на большой выборке и выяснили, что волонтерами становятся удовлетворенные своей жизнью индивиды, при этом сама волонтерская деятельность также немало способствует росту удовлетворенности жизни добровольцев [28]. Российские исследователи наряду с зарубежными коллегами обнаружили высокий уровень удовлетворенности жизнью у волонтеров [9; 15].

Вместе с удовлетворенностью жизнью волонтеров положительное влияние подобная деятельность оказывает и на социальную включенность, помогая справиться с чувством одиночества. В ряде источников отмечается, что добровольцы чувствуют свою принадлежность к группе и причастность к чему-то значимому, важному и в целом оказываются удовлетворены качеством и количеством своих социальных контактов [21; 27]. Масштабное исследование 2012 года показало, что связь добровольчества и социальной поддержки, включенности не подвержена кросс-национальным влияниям (данные были получены из 139 стран) [24].

Стоит отметить, что большинство вышеназванных исследований проводились на выборках волонтеров, работающих с людьми. Работ, посвященных сопоставлению данных характеристик между волонтерами, помогающими людям, и зооволонтерами, к настоящему моменту известно немного [14; 26].

Как показало наше прошлое исследование [3], волонтеры этих групп отличаются друг от друга по ряду параметров. Так, зооволонтеры оказались в целом старше, состояли в отношениях, но чаще не имели

детей; демонстрировали очень высокую вовлеченность в волонтерскую активность (порой ежедневную) в сравнении с волонтерами, которые помогают людям. Зооволонтеры отличались меньшей кооперативностью, чаще брали на себя больше ответственности и работали в одиночку.

В одном из исследований было показано, что зооволонтеры мотивированы главным образом гуманистическими ценностями и возможностью личностного роста посредством добровольчества. Волонтеры, работающие с людьми, чаще занимались данной деятельностью из-за гуманистических (альтруистических) мотивов и возможности расширить свои знания о мире, приобрести навыки [26].

Известно также, что защитники животных в своих действиях движимы в первую очередь чувством морального долга и личным энтузиазмом [2].

Таким образом, немногочисленные исследования характеристик различных волонтеров указывают на определенные различия добровольцев, а по ряду психологических характеристик волонтеров в научном сообществе в настоящее время нет единого мнения. Психологические характеристики зооволонтеров изучены в меньшей степени, все еще остается множество «белых пятен» в отношении таких добровольцев [2]. Исследования же, направленные на сопоставление характеристик волонтеров различных направленностей активности и типов, к настоящему моменту единичны. По целому ряду феноменов сравнительный анализ между волонтерами, работающими с людьми, и волонтерами, помогающими животным, и вовсе не проводился. Вместе с тем подобные данные могли бы обогатить понимание волонтерской деятельности и просоциального поведения в целом, особенностей и причин того или иного выбора реципиента помощи у до-

бровольцев. Практическая ценность таких данных определяется возможностью использования результатов исследования для дифференцированной стратегии набора, удержания и мотивации волонтеров в зависимости от направленности активности (на помощь людям или животным) волонтерскими организациями.

Поэтому целью нашего эмпирического исследования стало изучение связи психологических характеристик волонтеров с направленностью волонтерской активности (на помощь людям или бездомным животным).

Метод

Методики

Для выяснения ведущих мотивов респондентов, вовлеченных в волонтерскую активность, нами был сформулирован вопрос с заданными возможными вариантами ответа по теории функциональных мотивов Э.Дж. Клари [22]. Для обработки результатов закодировали мотивы цифрами I—VI.

Волонтерам был задан вопрос «Я занимаюсь волонтерской деятельностью потому, что...» с возможностью выбора нескольких вариантов среди нижеследующих:

I. Я думаю, что помогать другим — это очень важно. Я искренне сострадаю тем, кому помогаю. Считаю, что нужно помогать тому, кому повезло меньше, чем мне (ценностный мотив);

II. Волонтерская деятельность позволяет узнать много нового, научиться чему-то, приобрести полезные навыки (мотив понимания);

III. Среди моих друзей много волонтеров. Мое близкое окружение поощряет мои занятия волонтерской деятельностью (социальный мотив);

IV. Волонтерская деятельность открывает новые карьерные возможности, повышает мою ценность на рынке труда, позволяет мне расширить круг полезных деловых контактов (карьерный мотив);

V. Это отвлекает меня от грустных мыслей, позволяет не думать о собственных проблемах. Я чувствую себя менее одиноким (защитный, компенсаторный мотив);

VI. Подобная деятельность поддерживает мое самоуважение и самооценку, я более доволен собой, чувствую себя нужным и важным. Волонтерская деятельность позволяет мне заводить новых друзей (мотив личностного роста).

Среди вышеперечисленных мотивов по-настоящему альтруистическим является ценностный мотив I; остальные рассматриваются авторами как эгоистические в той или иной мере [7]. В исходном VFI респонденты оценивают 30 утверждений, связанных с шестью функциональными мотивами, по 7-балльной шкале от 1 до 7. Таким образом, для каждого мотива получается некое среднее значение, которое затем сопоставляется с остальными. В нашей форме, если добровольцы соглашались хотя бы с одним утверждением в одной категории, мы просили их отметить этот мотив как значимый. Мотивы оценивались количественно для каждого респондента без ранжирования и присвоения баллов.

Также для эмпирического исследования были использованы следующие методики:

1. Методика «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбян, модификация Н. Эпштейна). Адаптация на русском языке: Ю.М. Орлов и Ю.Н. Емельянов [16].

2. Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона (D. Russell, L.A. Peplau, M. Ferguson) [20].

3. Шкала удовлетворенности жизнью (англ. Satisfaction With Life Scale) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [12].

Выборка и процедура исследования

Основному этапу сбора данных (начало 2020 года) предшествовало пилотное исследование на волонтерском мероприятии в декабре 2019 года.

Участие в основной фазе исследования было добровольным и анонимным. Респондентам по их желанию предлагалось нематериальное вознаграждение — консультации по результатам исследования. Кураторам волонтерских организаций также были предложены обработанные обобщенные результаты исследований с рекомендациями по набору и обучению волонтеров.

Респонденты заполняли анкету и опросники при помощи Google-форм, ссылка на которые была направлена кураторам, распорядителям волонтерских организаций, а также напрямую самим волонтерам.

В основном этапе исследования приняли участие 142 волонтера в возрасте от 18 до 64 лет. Была использована доступная выборка.

Группа волонтеров, помогающих людям, была представлена 71 респондентом, которые являются участниками следующих добровольческих движений: Благотворительный фонд (БФ) «Волонтеры в помощь детям-сиротам», Всероссийское общественное движение добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики», АНО «Благотворительный центр психологической реабилитации тяжелобольных пациентов ОПОРА», Поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт» (отделение г. Пензы). Из них 83,1% женщин и 16,9% мужчин, средний возраст которых 33,95 лет ($SD=11,23$).

Выборку совершеннолетних зооволонтеров, помогающих бездомным жи-

вотным, изначально составили 118 волонтеров. Из данной совокупности в случайном порядке был извлечен 71 ответ для симметричного сопоставления с группой волонтеров, работающих с людьми. Данную группу составили участники следующих фондов и обществ: БФ помощи бездомным животным «Лесной Приют», БФ помощи бездомным животным «Котодетки», Модерируемое сообщество зооволонтеров в социальной сети «ВКонтакте», Фонд защиты городских животных (Urban Animal Protection Fund). Из них 92,95% женщин, 7,05% мужчин, средний возраст которых 39,7 лет ($SD=9,05$).

Половой и возрастной состав выборки приближен к показателям генеральной совокупности волонтеров данных направленностей активности [4; 6; 25].

Результаты

Группа волонтеров, помогающих людям, показала нормативный уровень удовлетворенности жизнью ($M=22,83$), чуть превышающий среднее по популяции. Показатели одиночества и социальной изоляции у группы находятся на низком уровне ($M=12,44$), а эмоциональная эмпатия выражена немного выше среднего ($M=73,25$).

Зооволонтеры чуть менее довольны своей жизнью ($M=21,56$) в сравнении с волонтерами, работающими с людьми, при этом чувствуют себя менее одиночными ($M=10,2$). Уровень эмоциональной эмпатии у зооволонтеров находится на среднем, нормативном уровне ($M=71,75$), чуть меньше, чем у волонтеров, которые помогают людям.

Так как распределение в обеих группах соответствовало нормальному, для математической обработки был приме-

нен t-критерий Стьюдента для сравнения независимых выборок. Волонтеры, помогающие людям, были закодированы цифрой 1, зооволонтеры – цифрой 2. Корреляции между переменными вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 22.0.

Значимых статистических различий между двумя группами волонтеров выявлено не было, несмотря на визуальные отличия средних показателей (Удовлетворенность жизнью $t=1,242$, $p>0,05$; Ощущение одиночества $t=1,247$, $p>0,05$; Эмоциональная эмпатия $t=0,945$, $p>0,05$).

Таким образом, волонтеры, помогающие людям, и зооволонтеры в целом одинаково удовлетворены своей жизнью, не чувствуют себя социально изолированными и одинокими, а также обладают скорее средним, нормальным уровнем эмпатии.

Волонтеры, помогающие людям, суммарно указали 180 мотивов; в среднем на каждого волонтера приходится 2,5 мотива.

Опрошенные волонтеры данной группы чаще всего указывали два мотива (29,58%; $n=21$), чуть реже – три (25,35%; $n=18$) и один мотив (23,94%; $n=17$). Пять и шесть мотивов обозначило незначительное количество опрошенных респондентов (4,23% и 2,82%).

Мономотивированные волонтеры этой группы чаще всего занимаются волонтерской деятельностью ввиду искреннего желания помочь ($I=65\%$), возможности лично развиваться ($VI=30\%$) или расширить свою картину мира, обучаясь чему-то новому ($III=5,88\%$).

Около 16,7% опрошенных руководствуются одновременно мотивами воплощения гуманистических ценностей и приобретения новых навыков в волонтерской деятельности. Для 12,96% волонтеров помимо вышеназванных мотивов добро-

вольческая активность еще является возможностью личностного роста.

Самым распространенным мотивом среди волонтеров данной группы стал мотив I (30%; $n=54$), за ним следуют мотивы II (23,89%; $n=43$) и VI (21,67%; $n=39$). Реже остальных опрошенными выбирались карьерный ($IV=10\%$; $n=18$), защитный ($V=8,33\%$; $n=15$) и социальные мотивы ($III=6,11\%$; $n=11$).

Таким образом, волонтеры, помогающие людям, более всего мотивированы гуманистическими ценностями и желанием помочь другим. При этом возможность расширить знания о мире, приобрести знания и навыки является также весьма значимым фактором в их волонтерской активности. В целом респонденты этой группы демонстрируют довольно равномерное распределение мотивов. Менее всего этих волонтеров мотивирует возможность укрепления социальных связей в обществе и обозначение принадлежности к сообществу посредством добровольчества.

Обратимся к мотивам волонтеров, помогающих животным. На каждого зооволонтера в среднем приходится менее двух мотивов (1,7). Всего данными волонтерами было обозначено 125 мотивов.

Более половины опрошенных можно отнести к мономотивированным индивидам ($n=37$; 52,11%). Чуть реже зооволонтеры указывали, что мотивированы одновременно двумя факторами ($n=20$; 28,17%); совсем редкими были респонденты с тремя ($n=8$; 11,27%) или четырьмя мотивами ($n=6$; 8,45%).

В качестве единственного у зооволонтеров чаще всего становился мотив I (89,2%; $n=33$).

Наиболее распространенным сочетанием мотивов у зооволонтеров стала комбинация альтруизма и желания личностного роста (23,53%) или альтруизма

и желания приобрести знания, навыки (20,6%). Чуть реже волонтерская активность становилась для респондентов возможностью транслировать свои гуманистические ценности, одновременно являясь бегством от собственных проблем (11,7%), или приобретать знания и развивать отношения с другими, при этом самосовершенствуясь и воплощая в жизнь свои гуманистические идеалы (11,7%).

Самым распространенным среди зооволонтеров стал ценностный мотив (52%; $n=65$). За ним идут мотивы личностного роста (19,2%; $n=24$) и приобретения знаний (13,6%; $n=17$). Реже остальных среди опрошенных зооволонтеров встречались мотивы компенсации негативных чувств (8%; $n=11$) и развития отношений с социумом (5,6%; $n=7$), наиболее редко — мотивы карьерного продвижения (0,8%; $n=1$).

Как мы видим, опрошенные зооволонтеры в своей добровольческой деятельности руководствуются прежде всего альтруистическими мотивами, которые иногда комбинируются с мотивами личностного роста, поддержания самооценки или получения знаний, приобретения новых навыков. Реже всего зооволонтеры с помощью подобной деятельности преследуют цели карьерного продвижения и налаживания бизнес-связей.

Сопоставление результатов обработки ответов двух групп волонтеров показывает, что мотивы волонтеров, помогающих людям, являют собой более разнообразную и равномерную картину. Данные волонтеры почти в равной степени благодаря своей волонтерской активности транслируют и воплощают в деятельности гуманистические ценности, приобретают новые знания и навыки, самосовершенствуются в отличие от зооволонтеров, однозначно демонстри-

рующих превалирование ценностного, альтруистического мотива помощи.

Так как мотивы II, III, IV, V и VI рассматриваются авторами как эгоистические, а I как альтруистический [7], нами было решено обозначить респондентов, отметивших мотив I, «чистыми альтруистами», а остальных добровольцев с другими мотивами или их сочетанием — «эгоистами». Так, например, волонтер с мотивами ценностей и понимания (I и II) определялся нами в группу «эгоистов».

Волонтеры, работающие с людьми, чаще указывали эгоистические мотивы ($n=60$; 84,5% респондентов), а зооволонтеры разделились в своей мотивации: 53,5% ($n=38$) отличались эгоистическими мотивами, а 46,5% ($n=33$) являлись «чистыми» альтруистами. Каждый респондент был представлен в одной из двух групп «альтруисты—эгоисты» лишь один раз.

Для сопоставления выраженности альтруизма—эгоизма в двух группах респондентов воспользовались критерием Хи-квадрата Пирсона. Нами обнаружена статистически значимая связь ($p<0,001$) между направленностью волонтерства (в зависимости от реципиента) и типом мотивов (эгоистическим или альтруистическим) ($df=1$; $\chi^2=15,939$; при χ^2 критическом для $p<0,001$ равным 10,83). Ввиду довольно существенного отличия полученного значения хи-квадрата от критического, а также высокой статистической значимости полученного результата ($p<0,001$) мы можем заключить, что волонтеры этих направленностей активности отличаются друг от друга в вопросах бескорыстности — эгоистичности мотивации. То есть, действительно, добровольцы, работающие с животными, чаще движимы альтруистическими мотивами в своей деятельности в сравнении с волонтерами, работающими с людьми.

Обсуждение результатов

Волонтеры обеих групп отличаются нормативными уровнями удовлетворенности жизнью и эмоциональной эмпатии, а также низким уровнем социальной изолированности. Статистически значимых различий по данным параметрам между зооволонтерами и волонтерами, помогающими людям, выявлено не было.

Деятельность волонтеров, помогающих людям, чаще полимотивирована, является смешанной в системе координат альтруизм—эгоизм. Волонтерская активность для них являет собой возможность одновременно транслировать и воплощать свои гуманистические ценности (альтруистический мотив) и совершенствовать свою личность, поддерживать самооценку, а также узнавать что-то новое (эгоистические мотивы).

Деятельность зооволонтеров в большей степени мономотивирована. В целом заниматься волонтерством их мотивируют больше всего альтруистические ценности и возможность личностного роста. Почти половина волонтеров, помогающих животным, являются «чистыми» альтруистами и помогают главным образом ради самой помощи и блага животного.

Обнаружены статистически значимые отличия выраженности альтруизма в двух группах. Зооволонтеры чаще занимаются добровольчеством ввиду бескорыстного желания помочь подопечному в беде в сравнении с волонтерами, которые работают с людьми.

Полученные результаты сильной выраженности альтруизма среди зооволонтеров согласуются с предыдущими исследованиями [13; 14; 26]. Факты того, что зооволонтеры в своих ответах указывают, что жизнь из-за волонтерства стала

сложнее [26], о том, что они регулярно сталкиваются с непониманием окружающих по вопросам бездомных животных и зоозащиты [14], а подобная деятельность порой занимает почти все их время [3], поддерживают данные об экстремальном альтруизме зооволонтеров.

Полученные данные о том, что волонтеры, помогающие людям, в целом довольны порядком вещей в своей жизни и чувствуют себя социально включенными и активными, также согласуются с исследованиями других авторов.

Прошлые исследования зооволонтеров, которые показали их интровертированность, отсутствие поддержки деятельности со стороны общества и низкую кооперативность внутри сообщества зооволонтеров [3; 14], вкупе с низкими показателями одиночества в данном исследовании позволяют нам предположить следующее: волонтеры подобной направленности активности, вероятно, лучше устанавливают контакт с животными и не чувствуют себя оторванными от социума, даже если контакты с людьми не очень успешны (показателем также довольно средний уровень эмпатии у данной группы). Подопечные животные представляют большую ценность сами по себе для таких волонтеров, а также являются полноценными участниками коммуникации, становясь психологически близкими.

Результаты нашего исследования, с одной стороны, дополняют имеющиеся данные об удовлетворенности жизнью и социальной включенности волонтеров, обнаруживая аналогичные показатели по данным параметрам в группе зооволонтеров, работ о которых в науке по-прежнему недостаточно. С другой стороны, исследование вносит свой вклад в противоречивые аспекты добровольчества: бескорыстность намерений,

эмпатичность и в целом мотивы деятельности волонтеров. Однако все еще требуются дальнейшие исследования по данным характеристикам среди волонтеров обеих групп.

Полученные данные могут быть использованы благотворительными организациями для набора, удержания, мотивации и тренинга волонтеров с опорой на полученные различия между двумя группами добровольцев. Так, средний уровень эмпатии у зооволонтеров в сочетании с низким уровнем кооперативности и высокой загруженностью [3; 8] могут быть основанием разработки тренингов по делегированию, эффективной коммуникации и эмпатии в сообществе зоодобровольцев. Исходя из полученных результатов по мотивам добровольцев, можно заключить, что кампания по привлечению и набору зооволонтеров может базироваться почти исключительно на ценностях гуманного обращения с животными с подчеркиванием возможностей личностного роста для волонтеров в процессе такой деятельности. Набор же волонтеров, помогающих людям, должен включать в себя более широкий спектр возможностей и преимуществ для волонтеров: возможность расширить знания о мире, приобрести ценные

навыки, улучшение самооценки и так далее.

Заключение

Была найдена связь психологических характеристик волонтеров с направленностью волонтерской активности (на помощь людям или бездомным животным). Зооволонтеры статистически значимо чаще демонстрируют альтруистическую мотивацию к добровольческой деятельности в сравнении с волонтерами, которые работают с людьми.

Результаты нашего исследования могут быть использованы для разработки программ по набору, удержанию и тренингу волонтеров различных направленностей активности (на помощь людям или помощь животным) в соответствии с выявленными особенностями и различиями данных групп добровольцев.

Ограничения исследования в первую очередь связаны с размером выборки и использованием нестандартизированного метода изучения мотивов.

Будущие исследования могут быть сосредоточены на сопоставлении психологических характеристик групп волонтеров с различными реципиентами (люди, животные, природа в целом).

Литература

1. Азарова Е.С., Яницкий М.С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120–125.
2. Боровик М.А., Михель Д.В. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 8. С. 227–252.
3. Воробьева А.Е., Скипор С.И. Сравнительный анализ характеристик деятельности зооволонтеров и волонтеров, помогающих людям // Человеческий капитал. 2020. № 9(141). С. 253–263. DOI:10.25629/НС.2020.09.23
4. Горбулева М.С., Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В. Почему российские защитники животных такие и так действуют? // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 157–158.
5. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.

6. Кузьминчук А.А., Певная М.В., Тимиришина Е.Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2(53). С. 68–77.
7. Куррейченко А.Б. Проблема изучения мотивов и психологических барьеров волонтерской активности молодежи // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в современной России / Под ред. А.В. Капцова. Самара: СамЛюксПринт, 2013. С. 143–150.
8. Левченко Н.В. Российские зоозащитники: кто они и как действуют // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 145–155.
9. Мацюк Т.Б. Личностное развитие студентов вуза в условиях волонтерской деятельности // Вестник ТвГУ. Серия Педагогика и психология. 2018. № 4. С. 84–94.
10. Никитина К.Н. Особенности мотивации деятельности волонтеров и сотрудников ОГКУ «ЦПН» (на примере г. Иркутска) // Всероссийский журнал научных публикаций. 2013. № 5. С. 54.
11. Овруцкая Г.К., Демичева Л.П. Волонтеры о волонтерстве: по результатам исследования // Научные тенденции: Педагогика и психология. 2019. С. 11–14.
12. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (г. Москва, 21–24 октября 2008 г.). М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. С. 171–173.
13. Подутин С.В., Самойлова Е.А. Социологический портрет российского зоозащитного движения // Регионоведение. 2020. Т. 28. № 1(110). DOI:10.15507/2413-1407.110.028.202001.184-199
14. Родина О.Н., Прудков П.Н. Особенности проявления альтруизма у зоозащитников, воспитателей сирот-инвалидов и волонтеров // Материалы V научно-практической конференции «Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России» (г. Пятигорск, 05–07 октября 2018 г.). Т. 2. Иваново: Научный мир. 2018. С. 204–211.
15. Складченко Ю.А. Социальная активность молодежи в волонтерских организациях города Перми // Master's Journal. 2015. № 2. С. 277–282.
16. Солдатова Г.У., Шагерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.
17. Стегний В.Н., Никонов М.В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156. DOI:10.15593/2224-9354/2018.1.14
18. Сухарькова М.П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 12–16.
19. Сушко Н.Г., Серга Е.Д. Особенности мотивации волонтерской деятельности // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8. № 1. С. 363–368.
20. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
21. Brown K.M., Hoye R., Nicholson M. Self-esteem, self-efficacy, and social connectedness as mediators of the relationship between volunteering and well-being // Journal of Social Service Research. 2012. Vol. 38. № 4. P. 468–483. DOI:10.1080/01488376.2012.687706
22. Clary E.G., Snyder M. The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8. No. 5. P. 156–159. DOI:10.1111/1467-8721.00037
23. Finkelstein M.A., Penner L.A., Brannick M.T. Motive, role identity, and prosocial personality as predictors of volunteer activity // Social Behavior and Personality: an international journal. 2005. Vol. 33. № 4. P. 403–418. DOI:10.2224/sbp.2005.33.4.403
24. Kumar S., Calvo R., Avendanobde M., Sivaramakrishnan K., Berkman L.F. Social support, volunteering and health around the world: Cross-national evidence from 139 countries // Social science & medicine. 2012. Vol. 74. № 5. P. 696–706. DOI:10.1016/j.socscimed.2011.11.017

25. Neumann S.L. Animal welfare volunteers: who are they and why do they do what they do? // *Anthrozoös*. 2010. Vol. 23. № 4. P. 351–364. DOI:10.2752/175303710X12750451259372
26. Nikolskaya A.V., Kostrigin A.A., Thurmer A. A comparative analysis of the personality traits and motivations for activities on the part of volunteers helping people and those assisting homeless animals // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2020. Vol. 30(6). P. 667–679. DOI:10.1080/10911359.2019.1647482
27. Sundström M., Blomqvist K., Edberg A.K. Being a volunteer encountering older people's loneliness and existential loneliness: alleviating loneliness for others and oneself // *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. 2020. DOI:10.1111/scs.12869
28. Thoits P.A., Hewitt L.N. Volunteer Work and Well-Being // *Journal of Health and Social Behavior*. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 115–131. DOI:10.2307/3090173

References

1. Azarova E.S., Yanitskii M.S. Psikhologicheskie determinanty dobrovol'cheskoi deyatelnosti [Psychological determinants of volunteerism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2008, no. 306, pp. 120–125. (In Russ.).
2. Borovik M.A., Mikhel' D.V. Dvizheniya po zashchite zhivotnykh: istoriya, politika, praktika [Movement for the Protection of Animals: History, Politics, Practice]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2011. Vol. 8, no. 2, pp. 227–252. (In Russ.).
3. Vorob'eva A.E., Skipor S.I. Sravnitel'nyi analiz kharakteristik deyatelnosti zoovolonterov i volonterov, pomagayushchikh lyudyam [Comparative analysis of the characteristics of the activities of volunteers with animals and volunteers helping people]. *Chelovecheskii kapital = Human capital*, 2020, no. 9(141), pp. 253–263. DOI:10.25629/HC.2020.09.23 (In Russ.).
4. Gorbuleva M.S., Melik-Gaikazyan I.V., Melik-Gaikazyan M.V. Pochemu rossiiskie zashchitniki zhivotnykh takie i tak deistvuyut? [Why Russian animal protectors are as they are and why do they act they do?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 157–158. (In Russ.).
5. Kudrinskaya L.A. Dobrovol'cheskii trud: sushchnost', funktsii, spetsifika [Volunteer labor: essence, functions, specificity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 5, pp. 15–22. (In Russ.).
6. Kuz'minchuk A.A., Pevnaya M.B., Timirshina E.R. Napravleniya molodezhnogo dobrovol'chestva: spetsifika i perspektivy razvitiya [Types of youth voluntarism: specificity and prospects of development]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2018, no. 2(53), pp. 68–77. (In Russ.).
7. Kupreichenko A.B. Problema izucheniya motivov i psikhologicheskikh bar'erov volonterskoi aktivnosti molodezhi [The problem of studying the motives and psychological barriers of youth volunteer activity]. In Kaptsov A.V. (eds.). *Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie molodezhi v sovremennoi Rossii*. [Professional and personal self-determination of youth in modern Russia]. Samara: SamLuxPrint, 2013, pp. 143–150. (In Russ.).
8. Levchenko N.V. Rossiiskie zoozashchitniki: kto oni i kak deistvuyut? [Russian zoodefenders: who are they and how do they act?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 2, pp. 149–153. (In Russ.).
9. Matsyuk T.B. Lichnostnoe razvitiye studentov vuza v usloviyakh volonterskoi deyatelnosti [Personal development of university students in terms of volunteering]. *Vestnik TvGU. Seriya Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of the Tver State University. Series "Pedagogy and Psychology"*, 2018, no. 4, pp. 84–94. (In Russ.).
10. Nikitina K.N. Osobennosti motivatsii deyatelnosti volonterov i sotrudnikov OGKU «TsPN» (na primere g. Irkutsk) [Features of motivating the activities of volunteers and employees of OGKU «CPN» (on the example of the city of Irkutsk)]. *Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii = All-Russian journal of scientific publications*, 2013, no. 5, pp. 54. (In Russ.).

11. Ovrutskaya G.K., Demicheva L.P. Volontery o volonterstve: po rezul'tatam issledovaniya [Volunteers on Volunteering: Based on Research Results]. *Nauchnye tendentsii: Pedagogika i psikhologiya = Conference: Scientific Trends: pedagogy and psychology*, 2019, pp. 11–14. (In Russ.).
12. Osin E.N., Leont'ev D.A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Development of the Russian versions of two scales for express assessment of subjective well-being]. *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa (g. Moskva, 21–24 oktyabrya, 2008 g.)* [Proceedings of the Third All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, 2008, pp. 171–173. (In Russ.).
13. Polutin S.V., Samoilo E.A. Sotsiologicheskii portret rossiiskogo zoolashchitnogo dvizheniya [Sociological portrait of the Russian animal protection movement]. *Regionologiya = Regionology*, 2020. Vol. 28, no. 1(110), pp. 184–199. DOI:10.15507/2413-1407.110.028.202001 (In Russ.).
14. Rodina O.N., Prudkov P.N. Osobennosti proyavleniya al'truizma u zoolashchitnikov, vospitatelei sirot-invalidov i volonterov [Peculiarities of the manifestation of altruism among zoo protectors, orphans of invalids and volunteers]. *Materialy V nauchno-prakticheskoi konferentsii "Lichnostnyi resurs sub"ekta truda v izmenyayushcheysya Rossii"* (g. Pyatigorsk, 05–07 oktyabrya 2018 g.) [Proceedings of the Fifth Scientific and Practical Conference "The personal resource of the subject of labor in the changing Russia"]. Ivanovo: Publ. "Nauchnyi mir, 2018. Vol. 2, pp. 204–211. (In Russ.).
15. Sklyarenko Yu.A. Sotsial'naya aktivnost' molodezhi v volonterskikh organizatsiyakh goroda Permi [Social activity of youth in volunteer organizations of the city of Perm]. *Master's Journal*, 2015, no. 2, pp. 277–282. (In Russ.).
16. Soldatova G.U., Shagerova L.A., Prokof'eva T.Yu., Kravtsova O.A. Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnostics of personality tolerance]. Moscow: Smysl, 2008. 172 p. (In Russ.).
17. Stegnii V.N., Nikonov M.V. Motivatsiya volonterskoi deyatel'nosti [Motivation for volunteering]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, 2018, no. 1, pp. 146–156. DOI:10.15593/2224-9354/2018.1.14 (In Russ.).
18. Sukhar'kova M.P. Podkhody k izucheniyu motivatsii uchastiya v praktikakh volonterstva [Approaches to the study of motivation for participation in volunteering practices]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2017, no. 9, pp. 12–16. (In Russ.).
19. Sushko N.G., Serga E.D. Osobennosti motivatsii volonterskoi deyatel'nosti [Features of motivation for volunteer activities]. *Uchenye zametki TOGU = Scientists notes PNU*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 363–368. (In Russ.).
20. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp [Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow, 2002. 490 p. (In Russ.).
21. Brown K.M., Hoyer R., Nicholson M. Self-esteem, self-efficacy, and social connectedness as mediators of the relationship between volunteering and well-being. *Journal of Social Service Research*, 2012. Vol. 38, no. 4, pp. 468–483. DOI:10.1080/01488376.2012.687706
22. Clary E.G., Snyder M. The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 1999. Vol. 8, no. 5, pp. 156–159. DOI:10.1111/1467-8721.00037
23. Finkelstein M.A., Penner L.A., Brannick M.T. Motive, role identity, and prosocial personality as predictors of volunteer activity. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2005. Vol. 33, no. 4, pp. 403–418. DOI:10.2224/sbp.2005.33.4.403
24. Kumar S., Calvo R., Avendanobde M., Sivaramakrishnan K., Berkman L.F. Social support, volunteering and health around the world: Cross-national evidence from 139 countries. *Social science & medicine*, 2012. Vol. 74, no. 5, pp. 696–706. DOI:10.1016/j.socscimed.2011.11.017

25. Neumann S.L. Animal welfare volunteers: who are they and why do they do what they do? *Anthrozoös*, 2010. Vol. 23, no. 4, pp. 351–364. DOI:10.2752/175303710X12750451259372
26. Nikolskaya A.V., Kostigrin A.A., Thurmer A. A comparative analysis of the personality traits and motivations for activities on the part of volunteers helping people and those assisting homeless animals. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 2020. Vol. 30, no. 6, pp. 667–679. DOI:10.1080/10911359.2019.1647482
27. Sundström M., Blomqvist K., Edberg A.K. Being a volunteer encountering older people's loneliness and existential loneliness: alleviating loneliness for others and oneself. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*, 2020. DOI:10.1111/scs.12869
28. Thoits P.A., Hewitt L.N. Volunteer Work and Well-Being. *Journal of Health and Social Behavior*, 2001. Vol. 42, no. 2, pp. 115–131. DOI:10.2307/3090173

Информация об авторах

Воробьева Анастасия Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1080-0816>, e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Скипор София Ильинична, бакалавр психологии, АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО «МосГУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-0296>, e-mail: skipor.sofia@gmail.com

Information about the authors

Anastasia E. Vorobieva, PhD in Psychology, Senior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1080-0816>, e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Sofia I. Skipor, B.S. in Psychology, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-0296>, e-mail: skipor.sofia@gmail.com

Получена 14.08.2020

Received 14.08.2020

Принята в печать 02.09.2021

Accepted 02.09.2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Социально-психологический тренинг: 40 лет развития концепции М. Форверга в России

Чикер В.А.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: ychiker@yandex.ru**

Цель. В статье прослеживается и анализируется путь развития метода социально-психологического тренинга в России.

Контекст и актуальность. Изучаются предпосылки возникновения метода, его место в групповой психологической работе, а также психологические принципы построения программы, предложенной известным немецким психологом Манфредом Форвергом (1933–1989). Очерчиваются базовые психологические теории, лежащие в его основе, а также сферы применения метода, целевые аудитории и этапы развития за 50 лет его существования.

Результаты. Анализируется путь распространения метода в его модификациях в нашей стране за 40 лет его применения. Социально-психологический тренинг выделяется в отдельную категорию интерактивных методов обучения в различных областях профессиональной деятельности и образования.

Основные выводы. Огромный накопленный опыт применения тренинга в нашей стране позволяет сформулировать сильные стороны его методологии, а также существующие очевидные ограничения, наметить дискуссионные моменты для его обсуждения в профессиональном сообществе.

Ключевые слова: М. Форверг, социально-психологический тренинг, базовая концепция, современное состояние развития метода.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00369.

Для цитаты: Чикер В.А. Социально-психологический тренинг: 40 лет развития концепции М. Форверга в России // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 219–227. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120314>

Socio-Psychological Training: 40 years of the Development of M. Forverg's Concept in Russia

Vera A. Chiker

**Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: ychiker@yandex.ru**

Objective. *The article traces and analyzes the way of development of the method of socio-psychological training in Russia.*

Background. *The author studies the prerequisites for the emergence of the method, its place in group psychological work, as well as the psychological principles of constructing the program proposed by the famous German psychologist Manfred Vorwerg (1933-1989). It outlines the basic psychological theories that underlie it, as well as the scope of application of the method, target audiences and stages of development over the 50 years of its existence.*

Results. *The article analyzes the way the method has spread in its modifications in our country over 40 years of its application. Socio-psychological training is allocated to a separate category of interactive teaching methods in various fields of professional activity and education.*

Main conclusions. *The vast accumulated experience of using the training in our country allows us to formulate the strengths of its methodology, as well as the existing obvious limitations, to outline the discussion points for its discussion in the professional community.*

Keywords: *M. Forwerg, socio-psychological training, basic concept, current state of development of the method.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00369.

For citation: Chiker V.A. Socio-Psychological Training: 40 years of the Development of M. Forwerg's Concept in Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 219–227. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120314> (In Russ.).

Введение

Во второй половине XX века появилось и завоевало невероятную популярность новое направление практической работы в области психологии — тренинг. Усилия психологов стали фокусироваться на разработке программ групповой коррекции поведенческих паттернов, мешающих освоению социального пространства и личностному росту. Появились различные векторы этого движения, начиная от экзистенциальных теорий (К. Роджерс, *social/life skills training*) и заканчивая ясными, кажущимися более простыми, понятными и активно востребованными программами совершенствования практических поведенческих и профессиональных навыков (К. Левин, *T-group*) [7]. Последние в социальной, политической, организационной и других направлениях психологии относят к разряду обучающих и управленческих мето-

дов, подчеркивая тем самым их преимущественно практическую составляющую [10]. Тренинги направлены на изменение поведения в социальной среде, но тем не менее принимают во внимание и глубинные принципы его психической регуляции, где активность субъекта общения играет главенствующую роль [8, с. 57].

Такого рода программы исторически, начиная с работ К. Левина и его учеников (известно, что первые тренинговые группы, направленные на повышение компетентности руководителей, были проведены в г. Бетеле, США в 1947 году учениками К. Левина под руководством Л. Бадфорта и получили название *T-групп*), призваны реализовать психологические знания на практике — в сфере управления людьми, получения новых компетенций, выработки профессиональных умений и навыков, а также осуществления психологической поддержки личности. Наиболее важной

в этих методах можно считать их интерактивную составляющую (*interaktion* (англ.) — взаимодействие, воздействие друг на друга), которая позволяет обучающимся общаться друг с другом непосредственно, вступая в социальные контакты, анализируя в ходе такого взаимодействия свои психологические состояния и чувства. Предметом анализа всегда является конкретная ситуация общения, выявление индивидуальных особенностей участников группы в ситуации специально организованной групповой и межгрупповой деятельности. Решение задач социального взаимодействия и группового анализа, таким образом, рассматривается на тренинге как необходимый фон понимания и интерпретации поведения. Групповая работа основана на наблюдении за поведением людей в инсценированных («симулированных») ситуациях и предполагает активное осуществление обратной связи в различной форме по результатам выполнения задания или игры [10, с. 107].

Основы методического подхода

По словам создателя базовой программы социально-психологического тренинга, немецкого исследователя, доктора философских наук и профессора психологии Манфреда Форверга (1933—1989) [11; 12], активность и саморегуляция субъекта лежат в основе построения концепции тренинга, предложенного им *пятьдесят лет назад* (в 1971 году) в ГДР [16; 17; 18]. Уже *практически сорок лет* четко и логично выстроенная программа активно используется и в нашей стране. Программа соединила в себе многие элементы и достижения предшествующих разработок, но при этом обогатила строго структурированный подход к обучению

содержательными элементами базовых теорий советской психологии. Во многом это произошло благодаря тому, что М. Форверг стажировался в Тбилиском университете и на кафедре социальной психологии Ленинградского государственного университета (1959—1960 гг.) и в дальнейшем не прерывал профессиональных связей с отечественными психологами и университетом, продолжая сотрудничество и обмен научными идеями. Впоследствии он стал одним из ведущих социальных психологов в ГДР, работая в основном в Йене и Лейпциге [13; 14].

Само название «социально-психологический тренинг» (имеется в виду особое направление в групповой работе, основанное на анализе феномена *группового общения*) также связывают с именем М. Форверга. На такого рода тренингах исследуются и преобразуются те знания, умения, установки, поведенческие модели и стереотипы, которые связаны с предметом социальной психологии — общением, происходит активное включение в общегрупповое пространство поведенческого опыта каждого отдельного участника группы, а также, что крайне важно, обмен этим опытом [9; 10].

Первой областью применения программы социально-психологического тренинга, предложенной Форвергом, стала подготовка руководителей промышленных предприятий ГДР и Польши. Его безусловная заслуга заключается в том, что им на практике была проведена четкая грань между группами, имеющими психотерапевтическую направленность (например, группы личностного роста, группы психологической поддержки), и группами формирования, коррекции и развития профессиональных знаний и умений. Он писал, что «концепция тренинга имеет главной целью изменение поведения» [8, с. 57; 15; 19], хотя ни в коей мере не отвер-

гал анализа личностной составляющей социального взаимодействия.

В июне 1982 года программа социально-психологического тренинга была анонсирована для преподавателей факультета психологии Ленинградского государственного университета, тогда же прочитан цикл лекций (М. Форверг, Т. Форверг) по теоретическому обоснованию концепции и структуры тренинга, его практической реализации, проведено две группы подготовки первых ведущих групп в нашей стране. Программа соединила в себе многие элементы и достижения предшествующих разработок в области групповой работы, обогащая подход достижениями советской психологии. Особое внимание в обосновании общей концепции и структуры тренинга М. Форверг [8, с. 61-62] уделял работам Д.Н. Узнадзе (формирование индивидуальных установок на изменение поведения, работа с неэффективными фиксированными установками, саморегуляция как основной фактор изменения поведения, регуляция поведения, осуществляемая на трех иерархически организованных уровнях (ожидание, оценка, действие)), Я.А. Пономарева (тренировочные программы с этапами конфронтации, автоматизации и генерализации вновь усвоенного поведения) и П.Я. Гальперина (поэтапное формирование умственных действий, ориентировочная основа действия на этапе лабильности, выработка навыков, целенаправленная и осмысленная их тренировка). Тренинг включил в себя также основы театральной педагогики К.С. Станиславского (элементы драматизации, моделирования и проигрывания реальных ситуаций общения, получение опыта через переживание). Группы социально-психологического тренинга первоначально были ориентированы прежде всего на работу

со взрослыми и здоровыми людьми. Этим указанные группы принципиально отличаются от групп личностного роста, которые по своим технологическим особенностям никак нельзя называть тренингами в точном понимании этого слова. Принципиальным для социально-психологического тренинга является вопрос формирования обобщенной базовой установки и переноса сформированных умений и навыков в сфере общения в другие, более широкие ситуации, что также соотносится с концепциями отечественных ученых Узнадзе и Гальперина. Концепция М. Форверга была подхвачена отечественными учеными и стала быстро развиваться в самых различных направлениях [2; 3; 4; 5; 6 и многие другие].

Цель социально-психологического тренинга, по словам М. Форверга, которую он обозначил во время чтения лекций на психологическом факультете ЛГУ (СПбГУ), — *приобретение индивидом более компетентного поведения при исполнении тех или иных социальных ролей*. При этом он подчеркивал, что подсказку для изменения поведения может сделать только группа, а не тренер, основной задачей которого является настройка внутригрупповых коммуникаций, «дирижирование». Группа — главный регулятор процесса, это то самое «зеркало», в которое смотрится каждый из участников. Результатом должна стать активация личности, выход на более высокие уровни социальной активности, гибкости и мотивированности поведения.

Теоретическая концепция тренинга представлена в четко структурированной универсальной схеме пятидневного (40-часового) социально-психологического тренинга, ставшего впоследствии основой для многих модификаций тренингов, работающих с ситуациями общения и коммуникативными навыками. В рамках

предложенной концепции для обучения руководителей промышленных предприятий уже в 80-е годы М. Форвергом были разработаны программы по развитию креативности (подвижности) мышления, мотивации достижения, переговоров, аргументации, публичного выступления, поведения в конфликтных ситуациях, саморегуляции. К наиболее популярным в нашей стране современным модификациям социально-психологического тренинга относятся тренинги формирования навыков эффективного руководства, управленческих умений, принятия решений, публичного выступления, командообразования, разрешения конфликтов, эффективных переговоров, тренинг самопрезентации, межкультурных коммуникаций и взаимодействия, расширения ролевого репертуара в поведении взрослых и подростков, креативности, эффективных продаж, влияния и противостояния влиянию и многих других [1; 9]. Во всех этих программах общение и коммуникация становятся связующей и центральной частью работы. При этом, поскольку в поле научных интересов М. Форверга лежали и вопросы психологии личности, этот контекст групповой работы также не уходил от его внимания. В программе тренинга многое направлено на личностный рост участников группы благодаря индивидуальному подходу к каждому человеку [15; 19].

Классическая программа тренинга, представленная М. Форвергом, носит четко алгоритмизированный характер, представляет собой логическую схему последовательных шагов в отработке навыков общения с освоением и тренировкой основных психологических составляющих процесса общения (вступления в контакт, ориентировки в проблеме, аргументации, контроля эмоционального состояния). Учебная программа состоит из специально разработанных и взаимос-

вязанных ролевых игр, проблемных дискуссий и тренировочных упражнений, предлагаемых в порядке возрастания сложности заданий. Участники должны научиться наблюдать и корректировать свое влияние на партнеров, на ситуацию в целом, на самих себя. Особое внимание уделяется процессу лабилизации — созданию мотивации обучения через опыт переживания неудач, а также постоянному мониторингу состояния группы и ее отдельных участников с применением метода социометрии. Вспомогательным средством является видеотехника, используемая для специального анализа игрового поведения и элементов психодрамы, включенных в тренинг [8, с. 62].

Выводы

В настоящее время оформилось два основных направления тренинговой работы с точки зрения целевой аудитории:

1. Традиционно заявленная авторами концепции работа со взрослыми людьми. Она касается прежде всего обучения навыкам общения, связанным с различными видами профессиональной деятельности («человек-человек» с высоким уровнем профессионального выгорания и деформации), а также решением личных проблем участников группы, лежащих в плоскости коммуникативных навыков.

2. Сфера обучения детей, которая не была затронута автором программы. Она расширяет возможности социально-психологического тренинга с точки зрения его аудитории, при этом программы фокусируются на отработке внутригруппового общения в школьных коллективах, тренировке навыков общения, отдельных психических процессов (памяти, внимания, целеполагания, креативности

и др.), а также касаются работы с индивидуальными трудностями в общении.

В качестве подведения итогов большого пути метода в нашей стране мы выделили и структурировали главные, на наш взгляд, позитивные и негативные стороны групповой работы по программам социально-психологического тренинга (см. таблицу).

Заключение

Позитивные результаты тренинга как активного метода обучения безусловны. Теперь, по прошествии сорока лет, мы уже не представляем современную систему образования и обучения без социально-психологического тренинга как в области совершенствования про-

фессиональной деятельности, так и в образовательной среде. Многие в современных программах кажется нам давно известным и очевидным и уже не может существовать в застывшем виде, требует своего развития в контексте времени. Универсальность и жизнеспособность программы М. Форверга заключается именно в возможностях необходимой современной трансформации и коррекции.

Каждая из выделенных нами сторон современного применения метода социально-психологического тренинга (особенно это касается негативных последствий массового применения различных модификаций социально-психологического тренинга) нуждается, на наш взгляд, в отдельном обсуждении, требует критической включенности профессионального сообщества, на которые мы очень надеемся.

Т а б л и ц а

Позитивные и негативные стороны групповой работы по программам социально-психологического тренинга

Позитивные стороны	Негативные стороны
Четкая логическая структура теории и практики тренинга. Алгоритмизированный характер базовой программы, позволяющий легко выстраивать ее модификации.	Ярко выраженная коммерческая составляющая практической работы в тренинговом формате, недобросовестная тренерская конкуренция, противоречивый и неравноценный по своему уровню рынок тренинговых услуг.
Последовательный алгоритм понимания и освоения (тренировки) главных составляющих процесса межличностного общения. Тематическая законченность отдельных блоков программы, касающихся ее базовых элементов (контакт, активное слушание, контроль эмоционального состояния, аргументация и др.).	Взросшая некомпетентность ведущих тренинговых групп, массовая и некачественная подготовка ведущих групп. Существенные недостатки методических программ, отсутствие понимания того, что ведение групп — отдельная сложная компетенция работы практического психолога. Низкий уровень подготовки тренеров порождает со стороны участников групп сопротивление любой групповой работе.
Универсальность базовой программы. Возможность перенесения ее содержательных элементов как для обучения взрослых, так и детей. Удовлетворение как профессиональных, так и личностных запросов, связанных с ситуациями общения.	«Размывание» исходного понятия «тренинг», отсутствие четкой границы между поведенческими тренингами и группами личностного роста, организационно-деятельностными играми, практическими семинарами и другими интерактивными формами передачи знаний.

Позитивные стороны	Негативные стороны
Возможность достаточно быстрого освоения психологами, имеющими профильное образование, азов тренерской работы в силу четкости программы.	Методологическая проблема, заключающаяся в отсутствии достоверных показателей пролонгированных эффектов тренингов, то есть достаточно быстрое «затухание» эффекта тренинга. Снижение в силу этого доверия к тренингу как обучающей процедуре.
Практически неограниченная возможность вариативности сфер применения тренинга общения и его отдельных элементов.	Формальный подход к обучению (например, обязательность проведения занятий в интерактивной форме в школе; «выполнение плана» по обучению персонала в организациях и др.), отношение к тренингу как единственному методу обучения в ущерб другим технологиям.
Присутствие в программе методик индивидуальной личностной поддержки и создание мотивации на совершенствование и развитие в области профессиональной и личной жизни.	Уменьшение внимания к элементам индивидуальной психологической поддержки в силу сокращения временных рамок проведения тренингов. «Свертывание» программ по времени в силу дефицита временных и материальных ресурсов у их заказчиков.
Возможность совершенствования групповой работы за счет активизации групповых процессов, эффектов фасилитации (групповое влияние, лидерство, конкуренция, сплоченность, доверие, консолидация и многие другие).	Нарушение логики тренинга, отсутствие целеполагания, демонстрация отдельных упражнений и игр вне общей концепции тренинга в качестве развлекательных составляющих обучения. Упрощение полноценной программы социально-психологического тренинга до ее отдельных элементов, вырванных из общего контекста групповой работы.

Литература

1. 18 программ тренингов. Руководство для профессионалов / Под ред. Чикер В.А. СПб., 2007. 368 с.
2. Емельянов Ю.Н. Социально-психологический тренинг в практике профессиональной подготовки студентов-психологов // Личность в системе коллективных отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М., 1980. С. 83–84.
3. Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. М., 2003. 223 с.
4. Захаров В.П., Хрящева Е.Ю. Социально-психологический тренинг. Л., 1985. 55 с.
5. Макианов С.И. Психология тренинга. СПб., 1997. 332 с.
6. Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982. 168 с.
7. Рудестам К. Групповая психотерапия. М., 1990. 384 с.
8. Форверг М., Альберг Т. Характеристика социально-психологического тренинга поведения // Психологический журнал. 1984. Том 5. № 4. С. 57–64.
9. Чикер В.А. Социально-психологический тренинг: итоги развития концепции М. Форверга в России // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (г. Москва, 11-12 мая 2020 г.). М.: МГППУ, 2020. С. 545–548.
10. Чикер В.А. Методология и методы социально-психологических исследований: Учебное пособие. СПбГУ, 2010. 134 с.
11. Buss S., Lander H.-J., Schröder H. Bibliographie wissenschaftlicher Arbeiten Prof. Dr. phil. habil. Manfred Vorwerg 1958 bis 1989 / In: Schröder, Harry; Reschke, Konrad [Hrsg.]: 15 Jahre

Psychologie an der Alma mater Lipsiensis. Leipzig: Wiss. Beiträge der Karl-Marx-Universität, Reihe Psychologie, 1990. S. 353–365.

12. *Clauß G.* Nachruf für Prof. Dr. phil. habil. Manfred Vorweg (1933–1989) // Psychologie für die Praxis. Deutscher Verlag der Wissenschaften (DVW), 1990 (8). H. 1. S. 3–5.

13. *Hiebsch H., Vorweg M.* Sozialpsychologie. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (DVW), 1979. 485 p.

14. *Kusmin J.S., Vorweg M.* [Wiss. Bearb.] Zum Problem der Sozialpsychologie. In: Sowjetwissenschaft / Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, 1964 (15). H. 4. S. 411–420.

15. *Ott J. [Hrsg.], Höck K., Vorweg M.* Theoretische Probleme der Gruppenpsychotherapie / Psychotherapie und Grenzgebiete; Bd. 1. Leipzig: Johann Ambrosius Barth Verlag, 1981. S. 245–259.

16. *Vorweg M.* Sozialpsychologische Optimierung von Gruppenleistungen. Jena: Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität. Jena, 1969. 394 s.

17. *Vorweg M.* Sozialpsychologisches Training. Jena: Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität Jena, 1971. 198 s.

18. *Vorweg M.* Aufgaben und Zielstellungen der Forschung zum sozialpsychologischen Verhaltenstraining // Materialien des 3. Kongresses der Gesellschaft für Psychologie der DDR «Arbeits-, ingenieur- und sozial-psychologische Beiträge zur sozialistischen Rationalisierung» in Berlin, 1973. Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1973. S. 153–158.

19. *Vorweg M.* Grundlagen einer persönlichkeitspsychologischen Theorie des sozialen Verhaltens / In: Vorweg M., Schröder H. [Hrsg.] // Persönlichkeitspsychologische Grundlagen interpersonalen Verhaltens. Band 1. Leipzig: Karl-Marx-Universität Leipzig, 1980. S. 10–97.

References

1. 18 программ тренингов. Рukоводство для профессионалов [18 training programs. A guide for professionals]. In Chiker V.A. (ed.). St. Petersburg: Publ. Rech', 2007. 368 p. (In Russ.).

2. Emel'yanov Yu.N. Sotsial'no-psikhologicheskii trening v praktike professional'noi podgotovki studentov-psikhologov [Socio-psychological training in the practice of professional training of psychology students]. In Bodalev A.A. (ed.). Lichnost' v sisteme kollektivnykh otnoshenii [Personality in the system of collective relations]. Moscow, 1980, pp. 83–84. (In Russ.).

3. Zhukov Yu.M. Kommunikativnyi trening [Communication training]. Moscow, 2003. 223 p. (In Russ.).

4. Zakharov V.P., Khryashcheva E.Yu. Sotsial'no-psikhologicheskii trening [Socio-psychological training]. Leningrad, 1985. 55 p. (In Russ.).

5. Makshanov S.I. Psikhologiya treninga [Training psychology]. St. Petersburg, 1997. 332 p.

6. Petrovskaya L.A. Teoreticheskie i metodicheskie problemy sotsial'no-psikhologicheskogo treninga [Theoretical and methodological problems of socio-psychological training]. Moscow, 1982. 168 p. (In Russ.).

7. Rudestam K. Gruppovaya psikhoterapiya [Group psychotherapy]. Moscow, 1990. 384 p. (In Russ.).

8. Forverg M., Al'berg T. Kharakteristika sotsial'no-psikhologicheskogo treninga povedeniya [Characteristics of socio-psychological behavior training]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1984. Vol. 5, no. 4, pp. 57–64. (In Russ.).

9. Chiker V.A. Sotsial'no-psikhologicheskii trening: itogi razvitiya kontseptsii M. Forverga v Rossii [Socio-psychological training: the results of the development of the concept of M. Forverg in Russia]. Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati M.Yu. Kondrat'eva «Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki» (g. Moskva, 11-12 maya 2020 g.) [Proceedings of the Fifth All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation in memory of M.Yu. Kondratiev "Social Psychology: questions of theory and practice"]. Moscow: MGPPU, 2020, pp. 545–548. (In Russ.).

10. Chiker V.A. Metodologiya i metody sotsial'no-psikhologicheskikh issledovanii: uchebnoe posobie [Methodology and methods of socio-psychological research]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2010. 134 p. (In Russ.).
11. Busse S., Lander H.-J., Schröder H. Bibliographie wissenschaftlicher Arbeiten Prof. Dr. phil. habil. Manfred Vorweg 1958 bis 1989. In: Schröder, Harry; Reschke, Konrad [Hrsg.]: 15 Jahre Psychologie an der Alma mater Lipsiensis. *Wiss. Beiträge der Karl-Marx-Universität, Reihe Psychologi*. Leipzig, 1990, s. 353–365.
12. Clauß G. Nachruf für Prof. Dr. phil. habil. Manfred Vorweg (1933–1989). *Psychologie für die Praxis*. Deutscher Verlag der Wissenschaften (DVW). 1990 (8). H. 1, s. 3–5.
13. Hiebsch H., Vorweg M. Sozialpsychologie. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften (DVW), 1979. 485 s.
14. Kusmin J.S., Vorweg M. [Wiss. Bearb.] Zum Problem der Sozialpsychologie. In: Sowjetwissenschaft. *Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge*, 1964 (15). H. 4, s. 411–420.
15. Ott J. [Hrsg.], Höck K., Vorweg M. Theoretische Probleme der Gruppenpsychotherapie. *Psychotherapie und Grenzgebiete*. Bd. 1. Leipzig: Johann Ambrosius Barth Verlag, 1981, s. 245–259.
16. Vorweg M. Sozialpsychologische Optimierung von Gruppenleistungen. Jena: *Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität*. Jena, 1969. 394 s.
17. Vorweg M. Sozialpsychologisches Training. *Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität*. Jena, 1971. 198 s.
18. Vorweg M. Aufgaben und Zielstellungen der Forschung zum sozialpsychologischen Verhaltenstraining. *Materialien des 3. Kongresses der Gesellschaft für Psychologie der DDR «Arbeits-, ingenieur- und sozial-psychologische Beiträge zur sozialistischen Rationalisierung» in Berlin*. [Hrsg. Vorweg M.]. Deutscher Verlag der Wissenschaften (VEB), 1973, s. 153–158.
19. Vorweg M. Grundlagen einer persönlichkeitspsychologischen Theorie des sozialen Verhaltens. In: Vorweg M., Schröder H. [Hrsg.]: *Persönlichkeitspsychologische Grundlagen interpersonalen Verhaltens*. Band 1. Leipzig: Karl-Marx-Universität Leipzig, 1980, s. 10–97.

Информация об авторах

Чикер Вера Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru

Information about the authors

Vera A. Chiker, PhD in Psychology, Senior Researcher, Associate Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru

Получена 04.04.2021

Принята в печать 27.07.2021

Received 04.04.2021

Accepted 27.07.2021

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*